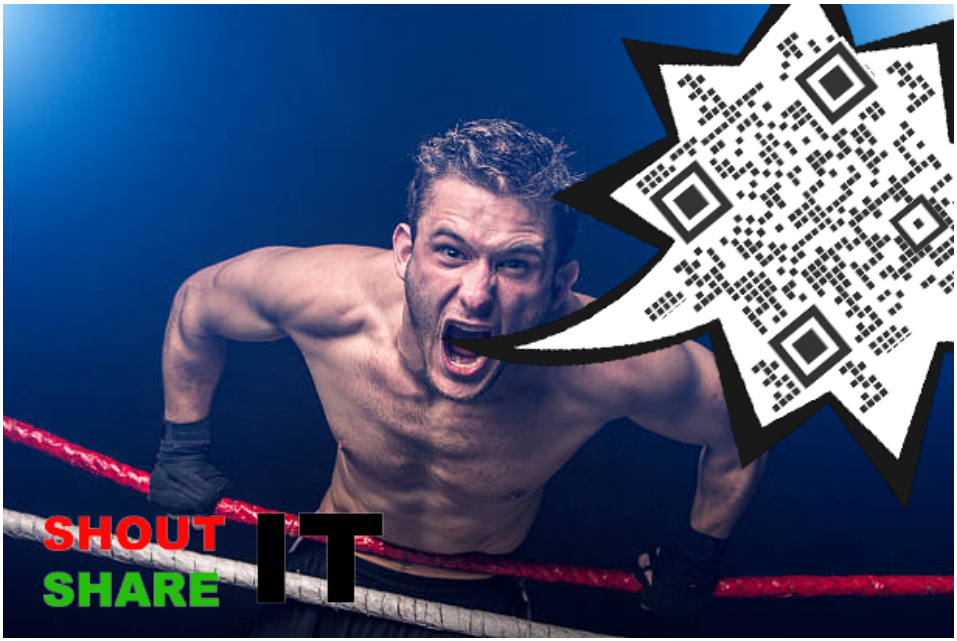
РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ Михаила Саакашвили

ЛАЛИ МОРОШКИНА

Я

ПРЕЗИДЕНТ
и чемпион мира


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Я, президент и чемпион мира» — это книга-автобиография, книга — свидетельство очевидца о Михаиле Саакашвили — одной из самых спорных фигур грузинской политики. Школьная подруга бывшего президента Грузии, Лали Морошкина, рассказала о скандальном пути становления Саакашвили в большой политике.

Лали Морошкина — грузинский журналист и правозащитник. В эпоху Шеварднадзе она занимала должность заместителя министра по особым делам, а после ухода Михаила Саакашвили работала главным советником министра по исполнению наказаний.

- Лали Морошкина
  -
  - Грузия Лали Морошкиной
  -
  - Школа
  - Красный галстук
  - Первая любовь
  - Отец
  - Кети
  - Вера
  - Похищение
  - Гарантия неприкосновенности
  - Экзамен
  - Марикуна
  - 9 апреля
  - Побег
  - «Песочные часы»
  - Талес
  - Откровение
    -
    - Откровение
  - Наш двор
  - Заза Дарасели
  - Такие странные грузины
  - Новый этап
  - Маленький рачинец
  - Козаковы
  - «Вестник»
  - «Моя Грузия»
  - Панкисоба

- Альянс
- Предсказание
- Желтый лист
- «Никогда не говори никогда»
- «Бабу»
- Король ринга
- Назначение
- День рождения
- Цхинвали
- Майя
- Алаверды
- Чемпионат
- Какуца
- Гали
- «Шлайнинг»
- Два горийца
- Розы
- After party
- Форт Боярд
- Деревня
- Из записной книжки 2006 года
- Клуб
- Разрушение
- Эксклюзив Грузия
- С миром
- Под прицелом — Грузия
- Угроза
- Плачущий тенор
- Руставели в крови
- Гитлер любит «Hugo Boss»
- Провокация
- Вербовка
- Джек-потрошитель
- Арест
- Модуль
- Изнасилованная Грузия
- Победа!
- Послесловие

Лали Морошкина
Я, президент и чемпион мира

Книга посвящается погибшим в братоубийственных войнах — парням и девушкам моего поколения.

Лали Морошкина

Всё обнажённое прекрасно, лишь раздетое смешно.

Юкио Мисима (1925–1979)

Скажу сейчас же: — это литература, и чтоб ее написать, ты сам же должен все пережить, и только после этого у тебя будет право на рассказ.

Каждая книга так же похожа на своего писателя, как и ребенок похож на своего родителя или близнец на своего двойника.

Если спросить меня, это автобиография, соединенная разными художественными пассажами, и очень смелая.

Переполненная правдой, и поэтому мало кто посмеет поделиться своим мнением о книге, тем более высказать положительное мнение.

Время очень ужасное и беспощадное, даже тогда, когда мир спокоен, тем более сейчас, когда весь сегодняшний мир полон боязнью и угрозами, когда каждый день проходит в ожидании плохого.

Да, чтобы написать то, что я прочитал, требуется талант!

Французы говорят: «Талант это авантюра». В этой книге немало интриги, но это с достаточным мастерством перенесено на бумагу.

Для меня очень интересны параллели с персонажами разных времен, которые прямо, почти без подтекстов, подсказывают нам, что можно написать из-за вины людей (с определенным талантом и смелостью). Исходя из чего, будущее поколение будет обсуждать, где мы жили и как мы жили.

Кто? Кто напечатает эту книгу???

Именно здесь появляются три вопросительных знака. С одной стороны, я уверен, она прямо придет к читателю, хотя бы потому, что в ней запечатлено то время, в котором живет сегодняшняя Грузия.

Реваз АМАШУКЕЛИ

9 апреля 2012 года

Грузия Лали Морошкиной

РАМАЗ САКВАРЕЛИДЗЕ

Политолог, доктор психологических наук

Звонок по мобильнику заставил меня остановить машину. «Слушаю!» «Батоно Рамаз! Не удивляйтесь, я Лали Морошкина. Хочу сделать вам предложение. Когда мы сможем поговорить?» Звонок звонком, но о каком предложении речь? Написать рецензию на книгу. «Лали, генацвале, я не литератор. Это гораздо лучше сделают другие. Я и так берусь за много таких дел, которые меня не касаются…» Но моя уловка не удалась. Лали от своего не отступала. «Мне как раз важно, что вы профессиональный психолог, хочу, чтобы читатель посмотрел на книгу вашими глазами». Моими глазами?! Знает ли Лали, что я хорошо отношусь и к ней, и к тем людям, о ком идет речь в книге? Видимо, ей и нужна была эта благожелательность и доброта. Ну, как я мог отказать. Вот почему я согласился написать эту рецензию, и пусть простит меня читатель за эту наглость.

Два дня у меня были заняты. Вечером третьего я открыл книгу, открыл и больше не закрывал, прочитав ее до конца на одном дыхании. В ней настолько живые картины, что кажется, будто смотришь фильм. Это чувство возникло и потому, что я видел подобный фильм. Осознание пришло позже — книга оставляет вкус «Амаркорда» Феллини. Ты будто входишь в огромную веселую и шумную людскую галерею, где самая веселая и шумная — сама Морошкина. Она не зритель в этой галерее, а ее центр. И, что главное, в этой галерее нет плохих людей, в каждом найдены красота, доброта и оправданы человеческие слабости. Именно это большое тепло делает книгу исключительно грузинской.

Грузинское, Грузия — одна из важнейших тем этой книги, один из персонажей. Как у всех персонажей этой книги, и у нее есть сердечная боль, радость и любовь. И какая это Грузия. Не историческая, а та, с которой каждый из нас перенес все перипетии периода от Советской власти до наших дней. (Литературное описание этого периода — большая редкость). Это книга, в которой увидят Грузию и ее жителей не только нынешние читатели, но и наши потомки. Да и не только наши соотечественники. Очень серьезные исторические и аналитические пассажи сблизят с Грузией любого заинтересованного иностранца. Молодец, Морошкина!

Литературоведы, наверное, затруднятся в точном

определении жанра, в котором написана эта книга. Казалось бы, ясно, что мы имеем дело с мемуарами. Но если не думать, что за каждым именем стоят реальные люди, книга читается как захватывающий роман. Я не буду уточнять нюансы жанра (и так много взял на себя), могу только поделиться эмоциями. Вот увидите, как только закроете эту феерическую книгу, ее персонажи продолжат пребывать с вами, потому что не полюбить Грузию Лали Морошкиной просто невозможно.

* * *

Книга Лали Морошкиной — уже акция. Это новация для Грузии, хотя на Западе и в России такое уже делалось, а сейчас и грузинские читатели могут насладиться этим. Умная женщина с яркой внешностью и волевым характером всегда привлекала сильных мира сего. Учитывая личные и политические контакты Лали, книга «Я, президент и чемпион мира» является сенсацией, способной взбудоражить общественность. Могу лишь добавить, что книга обречена на успех!

Тина Канделаки

Школа

Первого сентября 1975 года Тбилисская первая республиканская экспериментальная средняя школа, широко раскрыв «украшенные» проволочной сетью металлические ворота (между прочим, именно эта деталь никак не могла заставить вычеркнуть из моей памяти идентификацию школы с виденным в кинофильмах о Великой Отечественной войне концентрационным лагерем), ожидала новобранцев 1968–1969 года рождения.

Обилием «Волг» и «Чаек» школьный двор больше походил на открытие XXVI съезда КПСС, чем на праздник по случаю приема нового потока учащихся, по той простой причине, что, по мнению сильных мира сего, именно эта школа давала «должный» уровень, формировала «нужный» круг и порождала «здоровые» амбиции для того, чтобы увидеть в ярком свете перспективы счастливого будущего.

Между прочим, в то время никто ещё не знал, что пройдут годы и «золотую доску почета» именно этой школы украсят Михаил Саакашвили (президент Грузии), Зураб Жвания (трагически ушедший из жизни экс-премьер-министр страны), Ирина Саришвили (экс-вице-премьер), Нино Джангирашвили (владелица оппозиционного телеканала «Кавкасия»), Каха Шартава (сын трагически погибшего во время грузино-абхазского конфликта национального героя Грузии Жиули Шартава, лидер политического движения «Гражданский форум»), Манана Козакова (дочь Михаила Козакова, ведущая актриса Тбилисского академического драматического театра имени Коте Марджанишвили), Закария Куцнашвили (юрист, руководитель неправительственной общественной организации), Марина Салуквадзе (искусствовед, тележурналист), Тея Демуришвили (прима Мадридского оперного театра), Лаша Надареишвили (издатель газеты «Асавал-Дасавали») и многие другие…

Я так крепко держалась за мамину руку, что очень скоро на ее не меньше моей дрожащей хрупкой руке были ясно видны следы моих крохотных пальцев, ведь мне было только пять лет. Боялись мы обе: мама — трудной, весьма специфической грузинской обстановки, ну, а я совершенно нового и неизвестного этапа моей жизни.

Дело в том, что моя мама — Манана Каркарашвили — совсем недавно, буквально несколько лет назад, переехала в Тбилиси из Сочи по настойчивой просьбе главы нашего рода бабушки Аграфены и, соответственно, не очень «шпрехала» по-грузински, но у дочери «престижных» родителей заведующей аптекой Наны

Учадзе и министра Арчила Каркарашвили, да к тому же супруги ученого Талеса Шония (мой отчим) снобистский выбор был предопределен заранее. Что касается моего отца, он появился в моей жизни значительно позже.

Итак, после небольшой вступительной речи и здравиц в честь великих коммунистических принципов и идеалов мы, первоклашки, как растерянные гуси, разошлись по классам.

Первая учительница — уникальный феномен! И если в моей жизни (благодарение Господу!) было много добра и чудес, то одно из них — госпожа Лейла Кинцурашвили, или, если точнее, Лейла-масц. (сокращенно от «масцавлебели» — учитель, как принято обращаться к педагогам в грузинской школе. — *Л.М.)*.

Добродетельная, миловидная и терпеливая, она отвечала на читаемые в наших глазах страх и недоверие любовью и мудростью.

После первого же прочтения списка учащихся была предопределена моя судьба.

— Морошкина, Лали. Русская. Ты откуда, милая?

Я грузинка, ответила я, не поняв, почему учительница выделила меня из 45 детей, задав такой странный вопрос. На задаваемый в последующей жизни в разных тональностях этот вопрос я, наверное, миллион раз отвечала, повторяла и даже кричала:

— Я грузинкаааааааа!

Красный галстук

Наверное, у каждого учащегося в его школьной летописи особое место занимает буфет. Много лет я пыталась объяснить «тайну» школьного питания. К каким бы изощрённым способам не прибегала моя мама, овладеть кулинарным чудом, называющимся «школьная котлета», ей так и не удалось. А чуть подслащённые коржики и «язычки» — так это и вовсе было праздником вкуса.

Вероятно, сегодня всё это такой же раритет, как красный пионерский галстук.

Звонок на большую перемену и «армагеддон» в школьном буфете совпадали по времени. Каждый как мог старался протиснуться к заветному кусочку лакомства, передвигаясь в основном по конечностям друг друга. Оставшееся до звонка на урок время заполнялось такой «сверхинтеллектуальной» игрой, как «Здравствуй, осел!» Правила игры были столь же простыми, как все гениальное на этом свете. В частности, ребята, перевоплощаясь в ослов, словно всадники на импровизированном «животном», перепрыгивали через препятствия. «Ослом» был тот, кто оставался последним.

Я и моя школьная подруга (мы дружили с первого класса), голубоглазая и румяная блондинка Марина Салуквадзе, затаив дыхание, следили за развлечениями «старших». Марикуна, как мы ее ласково звали, не жаловалась ни на габариты, ни на аппетит и безостановочно что-то жевала, причем с таким наслаждением, что сидящий за нашим столом пятиклассник время от времени пощипывал ее пухленькие щечки.

В этом шуме, гаме, пыли и переполохе особым озорством отличался один мальчик, чьи изумрудные глаза маленькими дельфинчиками выплывали в общей кутерьме, останавливая взгляд на ком-либо из присутствующих. На сей раз его взор был прикован к нашему сотрапезнику.

— Эй, Мишка, что ты с девчонками болтаешь, давай к нам, проигрываем ведь… — орал «принц из грязи».

— Да отстань ты, знаешь, каким перепачканным я вчера домой вернулся?

— Вах, что за чистюля, ты что, в оперу собрался! Иди, подсоби, а то век не отыграемся! — И зеленоглазка опять исчез в толпе потных сорванцов.

И почему я обратила внимание на цвет его глаз?

— Мальчик, как тебя зовут? — не вытерпела я и первая заговорила с предметом интереса играющего мальчика.

— Я Мишико Саакашвили, а ты?

— Я Лали Морошкина, а это Марина Салуквадзе, просто Марикуна.

— Морошкина? Ва, русская, здесь откуда?

— Оттуда, — сказала я и повернулась к нахалу спиной.

— Хорошо, хорошо, да пошутил я. Ты в каком классе?

— В третьем, — с гордостью ответила я и с завистью посмотрела на его алый чистенький галстук. Он уже пионер! Скорее бы прошли два года…

— И Марина в третьем? — спросил явно удивленный Мишико.

— Да, и Марикуна.

— Уф, я-то думал, что она старше. Видимо, и вправду у неё отменный аппетит, — засмеялся наш новый знакомый.

Марикуна тем временем азартно болела за мальчишек, а наш разговор ее совершенно не волновал.

— Ну давай же, Нукри, давай, покажи класс этим балбесам из шестого «а», — кричала растрёпанная Марикуна и размахивала зажатым в правой руке бантом, который всего пару минут назад украшал её длинную косу.

Тем временем в моей голове вертелась лишь одна мысль: кем был этот сказочный изумрудоглазый принц в разорванной сорочке, испачканной в грязи, есть ли у него возлюбленная, и вообще, как было бы здорово находиться рядом с ним в буфете каждый день…

— Познакомься, это мои новые подруги — Лали и Марикуна, — опустил меня, витающую в мечтах, на землю голос Мишико.

— Я Нукри Чаганава, — грубо сказал поверженный в поединке рыцарь, отобрал у Мишико дважды надкушенную котлету, уполовиненный коржик и сразу перешел к делу.

Э, парень, какое время заниматься этими молокососками, мы же проиграли!

— Подумаешь, сегодня проиграли, завтра выиграем, вот принесу сменную одежду и покажем им, «где раки зимуют», а то мне вчера здорово от мамы влетело!

— Давай, брат, а то ведь знаешь, потом не вылезем из челюстей «стариков», домой-то через «биржу» возвращаться (места толковищ «золотой молодежи» Тбилиси в советское время. — *Л.М.).* Да, кстати, ты деньги принес?

— Какие деньги? — спросил Мишико с явным удивлением.

— Вот бестолочь! Ты что, забыл, мы должны отдать их Чхаидзе. А не то увидишь, как они устроят нам «В гостях у сказки!»

— Пойдем, Лали, звонок уже прозвенел, — доставала меня

Марикуна.

Я с трудом волочила ноги к выходу. Тем временем в буфете исчезали в пыли силуэты свекольного от натуги растрепанного Нукри и жующего концы алого галстука возбужденного Мишико.

Первая любовь

В школе царила необычайная суета. Шло приготовление к 1 мая, школьное торжество ежегодно вносилось в перечень обязательных праздничных мероприятий второго полугодия, к которым, естественно, готовились и мы. На сей раз подготовка отличалась особым усердием. Дело в том, что в Грузии, в частности, в Тбилиси, а ещё конкретнее — в нашей школе, гостили партийная элита ГДР и передовой педколлектив советских учителей.

Гости из Германии щедро раздаривали прошедшим инструктаж ученикам сладких мишек «Харибо» и жевательные резинки, а заодно практиковали наш немецкий, ведь мы являлись подопытными кроликами в спецшколе широкого профиля! Наши ученики, недурно подкованные на мероприятиях подобного рода, не терялись и в свою очередь скороговоркой выпаливали переведенный на «передовые» языки мира коммунистический шедевр Маяковского «Паспорт».

Правда, никто не понимал друг друга, но это мало кого беспокоило. Главное, контакт, худо ли, бедно, состоялся. Нервный заряд достиг своего пика. Учителя, как оголтелые, бегали за сладостями и выпивкой для банкета, ведь делегацию требовалось ещё и задобрить, а там, гляди, и Государственная премия не за горами.

Мы же, младшеклассники, как наиболее «покорный электорат», принимали молчаливое участие в этом помпезном мероприятии. Впрочем, «молчаливость» была лишь внешней, наше подсознание рождало множество вопросов, но юный мозг не давал готовности к ответу. Наверное, именно подобные моменты называют «собиранием истины по крупице».

Мы с моим зеленоглазым рыцарем сидели рядом. Мне нравилось ощущать его дыхание, смешанное с табаком, и вызванные неловкостью юношеские телодвижения, направленные то к Мишико, то к моим подругам Марикуне и Кети. Несмотря на то что «чесание языками» сидящей за нами «троицы» не прерывалось ни на минуту, а предмет их бурной фантазии был всем известен, я, совершенно отрешенная, охваченная от мозга до костей каким-то новым чувством, уже виртуально стояла у сцены, жадно впитывая каждое слово и представляя себя каждым из персонажей.

На сцене актового зала появился чернявый, с горящим взором юноша. Неожиданно для всех прозвучал его литературный выбор:

«На страже боевых знамён»

На скале уже нет дворца,
Возведённого встарь народом…
Кто не видел его конца? —
Падал свод за высоким сводом.
Истребляющего огня
Ненавистная сила крепла.
И остались на склоне дня
Только камни да груда пепла.
На скале сад зелёный рос,
Ключ струился в зелёной чаще.
Сад увял, и не видно роз,
Высох в пламени ключ звенящий…
Сад засохший, умолкший стих…
Лишь бездомного ветра шорох
На дорожках, давно глухих,
Да листвы пожелтевшей ворох.

Осень ранняя так грустна —
И знамёна как будто немы.
А недавно цвела весна,
На знамёнах цвели эмблемы.
Но у тех боевых знамён
Власть волшебная, власть всё та же.
Их храню для иных времён,
Неотступно стою на страже.

— Нукри, это чьи стихи? — спросила я.

— Тссс… — приложил к губам указательный палец мой изумрудоглазый рыцарь. — Это Галактион! (Галактион Табидзе — великий грузинский поэт XX века. — *Л.М.)*

— Аа, — многозначительно и гордо прошептала я, будто Галактион посвятил свой самый выдающийся шедевр — стихотворение «Мэри» моей бабушке.

— Я не знаю этого парня. Он твой одноклассник? — тараторила я дальше.

— Нет, это Зураб Жвания из девятого класса, но, несмотря на разницу в возрасте, мы с ним дружим, к тому же, он мне очень помогает на республиканских контрольных работах. Вроде он сегодня собирался читать совсем другое стихотворение… и

вообще, он большая душка. Лали-бали («бали» по-грузински черешня. — *Л.М.),* ты всегда говоришь безостановочно?

Я в замешательстве опустила голову, потом поняла, что в такой мученической позе мне долго не продержаться, и высунула язык, так широко разинув рот, что Нукри были видны обе мои миндалины.

Грубо вытуренные из актового зала, мы ещё долго слышали патриотические строки Ильи Чавчавадзе, с закрытыми глазами и искренне, проникновенно исполняемые Лашей Надареишвили:

О матерь Божья! Отчизна — твой удел…
Заступницею будь истерзанного края!
Прими как жертву кровь, которую картвел
Столь щедро проливал, в страданьях погибая.
Довольно этих мук для Родины моей,
Верни моей стране стремление ко благу,
Даруй ей бытие далеких славных дней,
Вдохни в сердца сынов отцовскую отвагу!

— Лали-бали, пойдешь за меня замуж? — услышала я заплутавшие между грузинской классикой и душевной болью слова. — Обещай мне, что бы ни произошло, ты меня дождешься и нашему сыну дашь бессмертное имя великого полководца Александра Македонского!

— Македонского? Ты что, сдурел? Ну при чём тут Македонский? А может, попросту Сандриком назвать, ну в смысле в духе времени. Что за мания величия у тебя?

— Ладно, твоя взяла, представляешь, как нашим внукам будем рассказывать, какими клёвыми и крутыми мы были в молодости, обалдеть!

— Нукри, послушай, а твой отец, часом, не обидится? На что?

— На то, что вопреки кавказским обычаям первого внука не назовут его именем?

— Лали-бали, ну какая ты дурочка, как ты могла такое подумать? Тебя же все любят. А давай-ка детей назовем твоим именем. Посмотри, как звучит: «Лали первая, Лали вторая» и так далее… — хохотал Нукри и параллельно ударял кулаком по школьному портфелю.

— Ты дебил, настоящий дебил, я хочу домой, — безапелляционно заявила я и быстрым шагом направилась к дому.

— Ты что, и вправду обиделась? Ну, хорошо, назовем его, как хочешь, хотя бы Виктором. Это ведь имя твоего отца? Давай сделаем ему такой подарок, — стонал Нукри, с трудом сдерживая

смех вперемешку со слезами.

Слова эти, словно выстрел, поразили мое сердце. Виктор — мой отец? Как объяснить этому избалованному жизнью, самодовольному сынку чиновника высокого ранга, что я, его первая любовь Лали Морошкина, не знаю своего отца, известного педиатра, первого генетика в Грузии Виктора Морошкина — просто не знаю, не знакома, не видела, понятия не имею, какой он, что любит и что ненавидит, как он выглядит, чем дышит, просто не знаю, и всё!

Отец

Что может быть более неадекватным в тринадцатилетнем возрасте, чем первая любовь? Столько вопросов возникает одновременно! Может, он не понравится маме? А, может, я — маме Нукри? Да еще с русской фамилией? У мегрелов (жители региона в Западной Грузии. — *Л.М.*) ведь национальный вопрос особенно обострен, правда, они городские, может быть, пронесет…

Первый тест был почти пройден. Я и калбатони Лия, Нукрина мама, болтали на кухне, вернее, я болтала, а она мило улыбалась. Спелая, сочная клубника так и таяла в руках — оказалось, что черенки ягод срываются круговыми движениями! «Черт побери, почему я не должна была знать об этом раньше, какое месиво получилось, только на джем и пускать. Вот приду домой и устрою маме…» — ворчала я про себя, с ног до головы выпачканная пурпурными ягодами.

Те, кому знакома подобная ситуация, наверное, согласятся, что даже если вы были бы самым известным итальянским шеф-поваром с миллионом наград и двадцатилетним стажем, первая встреча с родней возлюбленного обязательно выбила бы вас из обычной колеи. Выбила и меня. Первая встреча со строгим заместителем министра транспорта Лери Чаганава завершилась «продуктивным фиаско». Полная сочных ягод клубники миска не нашла адресата.

Родители Нукри сочли это делом житейским, а красные клубничные пятна на новом ковре — импрессионизмом. Так установился наш первый контакт длиною в жизнь…

Жизнь это шахматная доска, где фигуры последовательно сменяют друг друга. Настало время и моего хода. В игре не хватало лишь одной фигуры — моего отца, биологического родителя, с такой редкой для Грузии, но для меня до боли родной фамилией Морошкин.

Я, мама, брат и Талес жили в Сабуртало на Будапештской улице, в доме, построенном немецкими военнопленными.

После короткого блицопроса с мамой стало известно не только месторасположение жилища папы, но и адрес его работы — республиканской больницы, находившейся прямо под носом, буквально в двух шагах от нашего дома. Ведь молодой отец, да к тому же врач — мечта многих подростков, не правда ли?

— Девочка моя, а ты, случаем, замуж не собираешься? Какое время знакомиться с родителями? — со смехом спросила мама.

— При чем тут замужество? Я что, беспризорная какая-

нибудь? Просто хочу, чтобы моего отца знали и я, и мои друзья.

— А Талес? Он ведь постоянно рядом с тобой. Чего тебе не хватает? И вообще, может быть, ты в конце — концов возьмешь его фамилию? Всё-таки жить в Грузии с русской фамилией как-то некомфортно.

— Мама, прошу тебя, ну не начинай заново, мы об этом уже говорили сотни раз. И ты прекрасно знаешь мое мнение обо всём этом. Да, Талес свойский, я называю его папой и люблю, как отца, но у меня есть право знать настоящего! Мне это необходимо, пойми! Ну а о смене фамилии чтоб и речь не заходила! — Я была категорична.

Знаю, что подобные разговоры разбивали маме сердце, но по-другому я не могла. Это был мой собственный выбор, выбор взрослого человека. Стечение обстоятельств не раз ставило меня перед подобным выбором, но ответ был всегда прост: нет!

Мне не давал покоя лишь один деликатный вопрос: ну почему мною, такой маленькой, хрупкой, отличницей, танцовщицей, фехтовальщицей, ведущей на единственном тогда телеканале юношеской передачи «Изучим русский язык» и, в конце концов, первой дочкой — «умницей-красавицей», ну ещё и чуточку хвастливой, не интересуется отец, мойсобственныйотец! Ну почему, чем я хуже других?

И когда это я получала ответы легко и просто? Для достижения цели я запланировала в ближайшем будущем «крестовый поход» в республиканскую больницу, где работал отец.

О, сколько раз я проводила виртуальные репетиции! Как красиво одетая, с вплетенной в косу золотой тесьмой, широко открываю двери отцовского кабинета и громко, во всеуслышание, говорю: «Здравствуй, папа! Я твоя старшая дочь. Где ты был до сих пор? Неужели тебе ничего не интересно знать обо мне?» Потом он тоже заплачет, прижмет меня к груди, и так, прижавшись друг к другу, мы проживём всю жизнь вместе, и на этом свете будет целых двое Морошкиных! Хотя нет, у меня ведь есть и сестры? Как интересно будет с ними познакомиться! Четверо Морошкиных — это ведь целая команда по мини-футболу!

Как и все заранее запланированное в моей жизни и эта фантазия не получила визу на въезд в бытие… Всё разрушилось, как карточный домик.

* * *

В коридоре больницы молодой человек с кофейной чашкой и сигаретой в руке пытался поправить криво повешенный на больничную стену пейзаж сомнительной художественной ценности.

— Простите, где тут кабинет Виктора Морошкина? — спросила я, и он обернулся…

Чувства, которые тогда меня охватили, не были похожи ни на что, — на меня смотрела Лали, только в мужском обличье и немного старше. На меня смотрела моя копия, или я была его копией? Короче, не знаю…

— Лалка, это ты? — по-домашнему тепло спросил незнакомец и бесцеремонно взлохматил мои волосы.

— Я, — пробормотала я и по возможности собралась с силами, ведь главная миссия была еще не выполнена.

Я ждала ответа на самый главный вопрос своей жизни! Ответ оказался необычайно лаконичным:

— Знаешь, дорогая, когда твоя мама вышла замуж во второй раз, то ее новый муж так ревновал её к каждому моему приходу, что я предпочел оставить тебя в покое для вашего же благополучия, хотя я всегда знал, что когда-нибудь ты вернешься… — сказал он, нагнулся ко мне и слегка принюхался. — Все правильно, мои девочки пахнут молочком, ювелирная работа!

Это был его единственный комментарий, единственный за тринадцать лет.

Ты думал, что когда-нибудь увидишь меня? Когда-нибудь через лет 30–40? Знаешь ли ты, каково жить в семье, да и в стране, под фамилией, которая постоянно вызывает повышенный интерес, а то и враждебность? Знаешь ли ты, каково, когда мама приходит на праздник одна? Знаешь ли ты горечь того, когда не можешь принести в школу справку с места работы отца, когда тебя никто не ведет в воскресенье на шашлыки, никто не исполняет роль Дедушки Мороза на домашнем празднике, утром растрёпанную, вылезшую из теплой детской постели никто не приглашает в родительскую кровать, не заключает в свои сильные, могучие объятия и не говорит ласковым шёпотом: «Эта красивая девочка — папина дочка».

И ты не говоришь, не кричишь и не плачешь:

— Мой папа — самый сильный, он всех одолеет!

«Молочком пахну, да?» — молча протестовало мое сердце, хотя извергать яд не спешило, ведь впереди меня ждал значительно более важный момент, а свести счеты с этим самоуверенным типом я еще успела бы. Мама была права: «Он не такой, как все, не спеши, Лалико».

Но, как видно, время на сентименты для меня было уже тогда строго лимитировано, я, «вооруженная» с обеих сторон, была готова к широкомасштабной операции под названием «Моя семья» и представлению самоуверенному Нукри обоих, точнее, всех троих родителей. Несмотря на то, что биологический отец был найден и «обезврежен», большое и весьма ответственное место занимал именно Талес Шония. Ну и что? Чем больше игроков на доске, тем успешнее партия!

Итак, «игра» входила в наиболее активную фазу: «запутывание и деморализация» противника — вот что главное! Я, мама, папа и папа (так я называла и отчима) были готовы к «открытию огня», во всяком случае, таким был мой «варварский» план. Ну и что, что родители ничего и не подозревали о расставленном мной капкане. Ну и поделом некоторым!

Главным было то, чтобы папы действовали именно по моему сценарию. Ведь в фильмах именно отцы ведут невест в храм. А у меня будут двое, по обе стороны! Ох, разобьются сердца у завистников, особенно из 9а класса.

— Нукри настаивает на Александре. Но и Виктор — неплохое имя… А девочке подошло бы «Виктория»… — думала я, попавшая одновременно под поток генетики, любви и двустороннего сквозняка в голове.

Только много позднее я поняла причину раннего невроза моей мамы.

Кети

Хотя прошло уже четверть века, но меня все мучает один вопрос, — в какой больной голове родился дизайн школьной одежды? Ладно, с мальчиковой все понятно: Бог с ними, блестящими от глажки убогого качества синими костюмами, а вот автор формы для учениц должен был быть или маньяком, или педофилом, или душевнобольным. Как можно молодое, растущее тело, которое день ото дня готовится к открытию врат в новый мир, испытывает первые трепетные чувства, которое по своей чистоте безупречно красиво и неповторимо, одеть в траурный коричневый наряд, а затем, будто в подтверждение, что такого безобразия недостаточно, последним штрихом набросить на этот «шедевр» зловещий люциферовский черный передник.

Скажите мне, ну кому пришло в голову сочетание черного и коричневого! Тем более, когда речь идет не о ритуальном (свят-свят, Богородица!) обслуживании, а о внешности юной школьницы?

Исходя из всего вышесказанного, позже я осознала и то, что все, кто тогда упорно боролся с пороками коммунизма, высказывали протест и не разделяли судьбу покорных, либо не достигали зрелого возраста, либо закалялись, как сталь.

Первую группировку «повстанцев» первой экспериментальной школы возглавляла Кетеван Боколишвили. Хрупкого телосложения, шустрая, с зелеными шкодливыми глазами и длинными, черными, как деготь, волосами, она была из той интеллигентной тбилисской семьи, где отец — дядя Боря, декан политехнического института, мама — тетя Дали — педагог, отправив старшего сына Ираклия учиться в Московский университет имени М. Ломоносова, полностью сфокусированные на младшей в семье — Кетеван, нежно лелеяли своё чадо.

— Кетеван, если меня еще раз вызовут в школу, я обязательно позвоню твоему брату в Москву, и не жди потом ни подарков, ни сюрпризов! — сердилась тетя Дали.

— Ну мам, что я не учу или не читаю, просто не могу ходить в этой уродливой форме, и всё! Я ведь не покойница!

— Я тебя предупредила, и смотри, передай твоим сорокам, что я и их родителей поставлю в известность! — После этих слов конфликт был исчерпан, и Кети переходила к новому плану действий.

* * *

Директор нашей школы Нора Тариэлашвили могла смело утверждать, что ее школьный сейф в те времена отличался самой уникальной коллекцией в Закавказье.

Дело в том, что замеченные в самовольничанье учащиеся проходили по утрам «коридор позора» педколлектива. Конфискации подлежали часы, кольца, серьги, ленты, цепочки, очки, шарфы, гамаши и, разумеется, крестики… Смелая и непримиримая Кети ежедневно опротестовывала изъятие крестов и усердно готовилась к яростному сопротивлению и самообороне. Крестиков Кети — металлических, деревянных, сплетенных из нитей, — вполне хватило бы на приход любой церкви. А с эстетической точки зрения, они бы украсили любой храм.

Протест Марикуны был другого рода. Недавно вернувшийся из Японии академик Миндия Салуквадзе баловал младшую дочь, постоянно одаривая небольшими сувенирами с «гниющего Запада». Как и в семье Боколишвили, чувства дяди Миндии усиливало и то, что старшая сестра Марины Манчо овладевала испанским в Московском институте имени Мориса Тореза и родители, соответственно, видели ее довольно редко. Так что любимая дочурка папы Миндии и на сей раз пришла в школу с новыми красивыми часами. Наверное, излишне говорить, каким буржуазным демаршем выглядели эти маленькие цветные часики, которые в считаные секунды перекочевали с запястья Марикуны в сейф директора, где и обрели вечное упокоение.

Вы не поверите, но самое большое негодование педагогов вызывали красные гетры Мананы Козаковой. Дело в том, что черноволосая, как цыганка, с блестящими озорными глазами Манана, как первая ласточка, приносила весну, и в то время, когда вся школа всё еще ждала завершения морозных осадков и ходила укутанная в теплую одежду, Манана уже с конца марта сверкала привезёнными тётей из ГДР красными махровыми гетрами, из-за чего и была включена в жаркие дебаты с педколлективом.

— Козакова, опять?

— Что «опять», масц?

— Гетры в марте, да еще и красные, это же неслыханно!

— Ну и что, масц, ведь и галстук тоже красный?

— Козакова, если ты не видишь разницы между тем, что повязывается на шею, и тем, что надевается на ноги, хороши твои дела! Как ты смеешь оскорблять пропитанный коммунистической кровью великий галстук?! Завтра же приведешь мать! Завтра, ты поняла?

Мама Мананы, тётя Медея, была одной из самых красивых женщин Грузии. Не скажу, что педагоги с их бесконечными

коммунистическими клише и догмами так уж жаждали часто видеть прекраснейшую Медею, но внутренний распорядок школы требовал наказания «непокорной». Порядок есть порядок! Тётя Медея особенно не спешила выслушивать очередной пасквиль на собственную дочь и оставляла на конец учебного года неприятную для обеих сторон процедуру.

У меня были длинные рыжевато-золотистые волосы, и, как «полагалось» в нашей школе, я была довольно-таки избалованным подростком. Моя бабушка Нана Еноховна часто ездила в страны социалистического лагеря и по возможности «выгуливала» и меня, тем более что за детей полагалась дополнительная валюта. Вот почему в моем ларце было множество заколок для волос, лент и других прибамбасов из ГДР, Венгрии, Чехословакии и Польши. Каждую ночь, прежде чем лечь спать, я старательно заплетала африканские косички, а затем утром распускала их, волосы казались более густыми и волнистыми. Над чёлкой, как у Леси Украинки, была заплетена коса с вьющейся золотистой лентой.

После каждого моего прихода в школу очередной цербер вцеплялся в волосы, тащил меня в туалет, сперва распускал верхнюю косу, а затем мочил всю голову под ледяным водным потоком. Финальная сцена причесывание волос, скрепление их в «конский хвост» грубой резиной, отрезанной от велосипедной покрышки, — совпадала с кульминацией истерики «огнеизвергающей» наставницы.

Изредка владельцы табуированных вещей осуществляли друг с другом «выгодный» обмен, в результате чего серьги, ленты, часы, гетры и, конечно же, крестики «кочевали» из одного класса в другой.

Накануне мы с Кети «махнулись». Я выбрала браслет с фиолетовыми камешками, тщетно попытавшись скрыть его под рукавом куртки, а Кети закрепила пышную копну волос моей маленькой божьей коровкой.

В этот день «коридор позора» возглавляла отличающаяся жестокостью и человеконенавистничеством заведующая учебной частью. Почему-то большую ярость вызвала у неё маленькая божья коровка в роскошных черных волосах Кети. «Прошедшим таможню» она велела разойтись по классам, а Кети приказала остаться.

Больше в этот день Кети в школе никто не видел, она словно сквозь землю провалилась. Её домашний телефон молчал.

Когда на следующее утро наша подруга не появилась на уроках, я и Марикуна бросились на поиски. Кети жила рядом со школой на Бахтрионской улице, в течение дня она бывала одна,

родители работали до шести часов, мы знали точно: дверь она откроет сама.

После длительного, протяжного звонка дверь тяжело открылась. То, что мы увидели, было наверное, одним из первых и посему самым глубоким потрясением в жизни каждой из нас.

Кети, закутанная в шерстяной платок, заметно похудевшая, с большими черными мешками под влажными глазами, еще больше увеличившимися на похудевшем лице, странно смотрела на нас. Нет, это не было ни сожаление, ни страх, это было что-то новое, что каждый из нас должен был обязательно испытать в своей жизни.

Испытать, как испытывают идущие на свою Голгофу борцы за истину.

— Что случилось, Кет, мы так нервничали, ты жива? — начала Марикуна.

— Вот дура, не могла позвонить, что ли? — вырвалось у меня.

И тогда Кети скинула шаль.

Трудно точно подобрать эпитеты для описания открывшейся нам картины — от красивых волос Кети осталось несколько ничего не значащих фрагментов. Ее глаза постепенно наполнялись слезами обиды и праведной горечи, но она так и не заплакала!

Кети раскрыла кулачок, и мы увидели на ее ладони мою божью коровку.

— Лалка, я спасла ее от этих живодёров, — сказала она и протянула мне заколку для волос так, будто держала в руках наши души.

Я и Марикуна, потрясенные, слушали рассказ Кети. После того как мы вошли в свои классы, заведующая учебной частью завела Кети в преподавательскую и в ее присутствии позвонила тете Дали. Текст звучал сухо и угрожающе.

— Калбатоно Дали! Попрошу срочно явиться в школу! — Завуч бросила трубку. Через пятнадцать минут взлохмаченная, с бьющимся сердцем несчастная тетя Дали взбегала по лестнице к учительской и нашептывала: «Господи, помоги, лишь бы она была жива!» Какие только картины не мелькали перед глазами перенервничавшей женщины. «Господи, помоги!»

Первое, что увидела тетя Дали после того, как открыла двери учительской, была живая и невредимая Кети. Но что тогда произошло?

— Калбатоно Дали! Что это такое? Я вас спрашиваю, что это такое? — в истерическом вопле повторяла один и тот же вопрос фурия и показывала на «затаившуюся» в Кетиных пышных волосах божью коровку.

Некоторое время тетя Дали стояла, как ледяная статуя, потом вдруг вскочила, подошла к учебному столу, взяла канцелярские ножницы и потянулась к бедной Кети. На отциклеванный школьный пол один за другим падали Кетины черные локоны и смешивались с опилками в мастике. Вот так же хотели вывалять в грязи школьного пола наше подростковое самолюбие. Оцепеневшая фурия молчала.

У тети Дали сдали нервы.

И тогда мы, три подруги детства, дали клятву, что до конца своих дней, даже ценой собственной жизни, никому и никогда не позволим угнетать ни одну из нас и даже в самые тяжелые минуты защитим и дадим надежду друг другу.

Эта клятва никогда не нарушалась.

Вера

Время бежало быстро. Одна часть моего нашумевшего школьного романа приближалась к завершению, Нукри уже был студентом политехнического института, и наш роман перешел в новую школьно-вузовскую фазу. В моей жизни произошло важное изменение — из-за постоянного гнёта в экспериментaлке я перешла в 51-ю среднюю школу. Кети в «Комаровскую», физико-математическую.

Эту школу мне рекомендовал Мишико Саакашвили: мол, вздохнешь, наконец, здесь совсем другая обстановка. Он и сам так поступил два года назад. И я поверила, он ведь был самым рациональным из нас. Правда, было бы лучше, если бы мы перешли вместе, но Мишка ведь был на два года старше. Он и Нукри уже балдели от студенческой жизни. Марикуна как «одинокий волк» несла всю тяжесть первой экспериментальной школы.

Нукри, как правило, ждал меня у филармонии после занятий, провожал домой, а вечером либо он гостил у нас, либо, соответственно, я у него. Наши родители, счастливые подобным мирным урегулированием вопроса, полностью нам доверяли, беспокоясь лишь о том, чтобы нам в голову не пришли какие-нибудь «глупости».

1 сентября 1985 года я с замиранием сердца ждала окончания уроков, чтобы побыстрее выскочить из школы и увидеться с самым симпатичным студентом мира. Сразу же после звонка я бросилась к двери. Неожиданно на пути меня окликнуло «препятствие» по прозвищу Джонджола. Георгий Арчвадзе был самый сильным и популярным парнем в школе, так называемым «смотрящим».

— Морошкина, ты это куда? Айда отмечать 1 сентября! Мы собираемся у Вахо Хоштария, Манко Бараташвили возьмет гитару, ну а девочки подсуетятся и накроют стол. Зажжем, как это подобает верийцам! («Вера» — один из элитных микрорайонов Тбилиси. — *Л.М.)*. Это не «Зумбуртало», это Вера, Вераaа!

— Во-первых, я не Морошкина, «о» пишется, «а» произносится, понял? Как в слове «молоко». Ну и, во-вторых, я занята, меня ждут!

— Ва, правда? Кто? Твой кавалер из Сабуртало? Не стоит ли ему для начала разбить нос, ну в смысле гостеприимства? Одного из Сабуртало — Саакашвили мы уже выдворили отсюда. Господи, за что мне эти муки, неужели это моя судьба — сабурталинцы? — паясничал Джонджола. — Ну ладно, красотка, сейчас иди и

передай своему дружку, чтоб я не видел его на этой территории, не то его «семерка» взлетит в воздух. Ты поняла?

— Нет, — с убийственной самоуверенностью сказала я и протиснулась к выходу между карнизом и рукой Джонджолы.

Говоря о Вере, задумываешься, это район или стиль жизни? Думаю, второе. У Веры есть свой запах, цвет и колорит. Вериец может стать жителем другого района, а вот чужак никогда не станет верийцем. Здесь нужно родиться, именно здесь и нигде больше, затем здесь вырасти в каком-нибудь красивом итальянском дворике, затем ходить на свидания в Кировский сад, заглядывать в «Сачашнико» (магазин, где дегустируют вина. — *Л.М.),* покупать жареные семечки у цыганки Гуло, поздравлять первого же встреченного обезумевшего от счастья отца с рождением сына в роддоме имени Чачава, в воскресенье ходить за покупками на Верийский рынок, где вас все знают и поэтому не обвесят, ну а вечером насладиться концертом грузинского балета Сухишвили-Рамишвили в филармонии. Вот это и есть Вера, которая никогда не примет «чужака».

Нукри стоял возле 51-й школы, рядом с новенькой «семеркой», которую ему купил отец в связи с поступлением в институт. Он нервно покуривал сигарету, на бледном лице не было ни кровинки.

— Что случилось, Нукри, чего это ты нос повесил, бичо (парень. — *Л.М.)?* Не хочешь поздравить меня с новой школой и началом учебного года? — спросила я, фыркая.

— Да, поздравляю, — сказал он грубо и чмокнул в щечку. — Мишико забрали в армию.

— Что? В армию? Куда? На сколько? — затараторила я и вдруг почувствовала, что с нами происходило что-то очень серьезное и скорее всего плохое.

— Лали, служба в армии в Советском Союзе вообще-то два года, в морском флоте — три. Это так, для информации, — объяснял раздраженный Нукри.

— А что тетя Гиули?

— В Советском Союзе матерей в армию не пускают, — безапелляционно продолжил Нукри.

— Да знаю, хорошо, ведь не дура. Куда его послали?

— На Украину, в Киев.

— А что, нельзя было как-нибудь «соскочить»?

— В Советском Союзе, не пройдя военную подготовку, гражданское лицо не сможет трудоустроиться, и вообще, у него будет «волчий билет» или статус дезертира, — монотонно разъяснял Нукри.

Правда, я не понимала ни одного слова, но наглость и

язвительность Нукри не имели границ. Как будто я была виновата в том, что Мишу «забрили» в армию, или это я придумала эту дурацкую воинскую службу!

Чаша терпения наполнилась до краев, и я выпалила:

— Ну и что ты мне язвишь, не пойму. В чем моя вина? Что случилось, мир перевернулся? Или тут кроется другая причина? Наверное, на твоем курсе хорошенькие девушки, и ты с ними кокетничаешь, не так ли? Ты пришел для этого? Ну и говори, пусть тебе хватит мужества! — кричала я.

Нукри внезапно, словно с цепи сорвавшийся, притянул меня к себе и в первый раз в жизни поцеловал в губы. Вы знаете, что значит — впервые в жизни? Это означает в первый раз! В какой-то момент мне показалось, что у меня из-под ног уходит земля. Я чуточку пошатнулась и, если бы не вовремя подставленное плечо Нукри, распласталась бы на асфальте. Звенело в ушах, горло перехватывало, я чувствовала сильное сердцебиение, ну а мысль о том, что все это происходит средь бела дня в самом центре Веры, возвращала меня в горькую реальность. Не хотелось смотреть в сторону школы, я была уверена, что Джонджола такое «зрелище» точно не пропустил бы. Вот мне завтра устроят в классе!

«Хорошо, допустим, два-три дня у меня будет болеть голова, и я пропущу эту проклятую школу, тем более, что обмануть маму не составляет большого труда. Всего-то детские грустные глазки, а остальное «покажут» анализы», — лихорадочно соображала я и прокатывала в голове возможные варианты «болезни».

— Ты с ума сошел? — старалась я отодвинуть Нукри. — Что ты делаешь?

— А вдруг и меня заберут? — промямлил не менее чем я взволнованный Нукри. — Ты знаешь, сколько это — два года? Будешь меня ждать? Кто за тобой будет ухаживать? Кто будет провожать? Как я буду оттуда следить за тобой? Ты же такая балда! Кого-то из наших ребят отправили в Читу, кого-то — в Ленинград, кого-то — в преисподнюю. Что же мне делать, я уже помешался, думая об этом, а ты ничего понимать не желаешь! К тому же этот твой новый одноклассник очень треплет мне нервы!

Правда, когда говорят: самец заранее чувствует появление конкурента. Это что-то инстинктивное, животное и в то же время ужасно азартное. Вот когда мужчина становится настоящим охотником, вот когда чувствует опасность потери принадлежащей ему завоёванной в сражении добычи, вот это и есть крик фермонов. Он и сам погибнет в этой борьбе, но первым выроет могилу противнику. Такова их природа!

Нукри молча вёз меня домой.

— Что планируешь на вечер? — спросил он.

— Одноклассники из «экспериментальной» собираются у Марикуны на цхнетской даче (Цхнети — дачное место вблизи Тбилиси. — *Л.М.)*. Ты ведь подвезешь меня?

— Конечно, только допоздна не задерживайся, ладно?

— А ты что, не зайдешь, там ведь все свои?

— Нет, я должен подняться к тете Гиули, женщина сходит с ума, несколько дней ничего не знает о Мишке.

— Хорошо, я на часок-другой, к тому же мне еще столько учить… — простонала я.

— В первый же день? Это ведь не «экспериментalка»? — засмеялся Нукри.

— Нет, это мелодия Верийского квартала, — напевала я, помахав рукой как всегда ожидавшей меня на балконе маме.

Вечером на даче великих предков Марикуны праздник по случаю 1 сентября входил в кульминационную фазу. Время, проведенное в кругу друзей, всегда незабываемо. Что мы делали? Наверное, то, что 15 — 16-летние подростки должны делать в такое время, — баловались, пели и развлекались, а больше всех в тот день шумели и шутили двое юношей: Ираклий Джибладзе и Ладо Татишвили. Кто бы мог подумать, что это было наше последнее пребывание в таком составе.

Похищение

Советский Союз с его неповторимым «обаянием», наверное, отличался еще и тем, что содержал своих «постояльцев» в плену ирреальных ценностей и догм. Да, именно бесправных постояльцев! А как еще назвать граждан той страны, где каждый пятый мечтает о побеге на Запад, каждый второй, осуждая царящую в армии «дедовщину», избиения и изнасилования, вынужден отправлять в этот кишащий ад своих 18-летних обласканных в семье продолжателей рода? А потом только Господь ведает, что с ними произойдет. В противном случае — военный трибунал.

Как называть граждан страны, чьи права не превышали прав крестьян феодальных времен? В советской резервации, стране, находящейся в тени великого Ленина, все это красиво упаковывалось стремлением к коммунизму и «забантовывалось» светлым будущим. Несмотря на высокие доходы, так называемые цеховики и дельцы меняли собственные автомобили хотя и каждый год, но на ту же модель и того же цвета. Приобретение новой машины на зарплату рядового гражданина было такой же утопией, как в свое время идеи Сен-Симона и Фурье.

В Советском Союзе все должны были быть равны. Кредитной системы, как известно, не существовало. Вот толстопузые денежные мешки и удовлетворяли свое «эго» перемещением «нажитого непосильным трудом» добра из одной ценной безделушки в другую. Часто так называемый «институт» близких соседей доносил суть информации «куда следует», что, в свою очередь, сулило большие неприятности, а то и конфискацию имущества. Несмотря на внешнюю скромность и «жизнь на зарплату», за порогом квартиры открывалась совершенно иная картина. Хвала фантазии Кавказа!

Сервиз «Мадонна», изделия Фаберже, саксонский фарфор, хрустальные люстры, кузнецовская посуда и обязательно рояль (хотя его владелец до конца жизни не имел представления, настроен ли инструмент). Таковой была определенная провинциальным мышлением необходимость, без которой считалась невозможной и достойная презентация детей в «нужном» кругу, а об устройстве любимого чада в престижный институт или о предоставлении «достойного» места в городе и говорить-то не приходилось.

Еще одним важнейшим элементом мещанского бытия являлось приданое как в его количественном, так и в качественном смысле! Наличие вышеупомянутого блага давало

даже самой непривлекательной девушке шанс «своевременного» создания нерушимой семьи, такой необходимой для грузинской культуры. План был простым и убедительным. Уж очень привлекала приехавших из провинции в Тбилиси молодых людей перспектива денежного тестя и обеспеченной жизни. Главным было утвердиться в городе, а богатое приданое, состоятельный тесть и суетящаяся с горячими хачапури теща отодвигали на второй план неперспективную, мягко говоря, внешность невесты. Ну и что, ведь с лица воды не пить?!

Да здравствуют кавказские традиции, «самые гуманные традиции в мире»! Женись, «пригвозди» ее к кухне, и айда… К благословенным русским женщинам! Тем более что в вояжах такого плана одним из убедительнейших алиби является «благословение» самого тестя.

«Иди, сынок, генацвале, гуляй. А как иначе, мы ведь мужчины, вай! Охотники, воины. Если у мужчины заржавеет меч, грош ему цена. Так уж принято, дорогой! Главное, чтобы моя Нанука не узнала, семья ведь — это святая святых!» — Опа, и карты в руки, сам Бог велел!

Совсем иные беседы велись между тещей и дочкой: «Да хватит тебе, ну чего ты ревёшь, дурная? Ну, куда он денется. Немного побесится и вернется. Мужчина как собака, доченька, не сотрётся, иногда его нужно отпускать перебеситься, ну чтобы потом он верно служил. Посмотри на своего отца, немного покукарекал на стороне и вернулся, вай! Теперь сидит целыми вечерами у телевизора, и никто не видел его отклеившимся от дивана. Таков, золотце, наш удел, мы же порядочные женщины! Ну-ка, оглянись, есть ли в четырех подъездах такая семья, как наша? Подумаешь, у нищих Пертаия нищие невестка с мужем постоянно вместе. Не видишь, что эта несчастная девочка ходит в одном платье, а ты у нас каждый день в новеньком. То ли ещё будет, тьфу-тьфу не сглазить!»

Радикально отличалась позиция членов семьи мужа. Высказывание «Я привела сыну жену» — несравненный образец исключительно грузинского народного творчества. Представьте созревшего оболтуса, которому мама выбирает жену…

Преподнесенное свекровью бриллиантовое кольцо, как «Георгиевский трактат», нужно было принять безропотно и с большой благодарностью, несмотря на то, соответствовало ли дорогостоящее сокровище вкусу невестки. Обручальное кольцо в форме бублика и дюжий бриллиант должны были красоваться именно на безымянном пальце правой руки, чтобы все, повторяю — все, знали не только о незыблемом положении женщины, но и о материальном статусе семьи, что сие кольцо, как зеркало, четко

отражало…

В ларце будущей свекрови в энном количестве можно было сыскать нижнее бельё «неделька», «перьевые» пеньюары и множество других «глупостей», которые приукрасили бы ретро-секс-шопы любой страны. Инструкция, как правило, не прилагалась. Всё это являлось скорее игрушкой для душевного спокойствия продолжателя рода. По крайней мере, по мнению Ее Величества Свекрови.

Вместе с рождением сына невестке давался еще один шанс в розыгрыше семейной лотереи, что, в свою очередь, не исключало получения денежного приза и других ценностей в виде золотых украшений или даже норковой шубы. Наверное, читатель думает, что еще нужно женщине? Отвечу: дело в том, что все вышеперечисленное благосостояние на протяжении времени по копейке, по волоску, по каратику, целенаправленно вытягивалось из горла нового члена семьи вместе с ее нервами! Сага «невестка-свекровь» хранит такие «жемчужины» садизма, что и не снились ни одному известному серийному убийце и маньяку. А Чикатило и вовсе отдыхает!

В грузинской культуре рождение ребенка — особый феномен, будто в других странах детей приносят аисты. Фраза «Я родила тебе сына» звучит как приговор, и, что главное, этот «железный» аргумент работает до конца жизни. Только в грузинском языке существуют такие определения, как «разрешение», «благополучное завершение», 40-дневный переход в родительскую семью, еда до сплетения кишок, а затем похвальба излишним весом. Давать деньги несущему благую весть допустимо, но лишь в том случае, если родился мальчик, и апофеоз этого неизбежного хаоса — двухнедельный запой мужа именно в то время, когда он нужен новоиспеченной маме и ребёнку, как кислород.

Короче, как говорят, по принципу «коса на камень» о способностях «противоборствующих» сторон можно сочинить многие тома. Но мы не продолжим эту тему и вернемся в сентябрь 1985 года.

Хотя учеба в школе возобновилась три дня назад, я и мои девочки были уже на третьем «шатало» (пропуск школы. — *Л.М.)* и скрывались в так называемом «Красном саду». Несмотря на то что для «шатало» лично мне «полагался» Кировский парк на Вере, мое сердце склонялось все-таки к Сабуртало. Пребывание с девочками было куда приятнее, чем наличие и интерес поклонников в новой школе.

— Э нет, из-за такой жизни можно повеситься, лучше уж никогда не выходить замуж, — сказала Кетино и с сожалением посмотрела на маму нашего одноклассника, выгуливавшую в

сквере, где мы собрались посплетничать на «шатало», маленьких детей. На руках несчастной женщины был один сопливый ребенок, а другой ковырялся в песочке. В её глазах не чувствовалось жизненного огонька, она была изможденa.

— А что, никто не поможет, а? — спросила Марикуна.

— Кто, Вахо? Он же натуральный лоботряс, жди от него помощи. И отца вот уже полгода никто не видел. Говорят, он с кем-то спутался в Волгограде и теперь живет с ней. И чего она рожала троих? — рассуждала я.

Интересно, а сколько детей будет у нас? Я, например, хочу троих. Только ясно, что у моих детей не будет приложения в виде такого папаши, как у Вахо, — сказала Кети и захохотала.

— Да, мужем Кети станет пухленький, низенький профессор-очкарик, который будет ее постоянно возить на симпозиумы, — смеялась Марикуна, указывая на Кети.

— А я подожду принца, он прилетит на собственном самолете и заберет меня с собой. Я рожу ему двух или трех златовласиков, а он, как это бывает в сказках, подарит мне дворец, фаэтон и полцарства! — Марикуна так ярко иллюстрировала сказанное жестикуляцией, что мы покатились со смеху.

— Я и вправду не знаю, к тому же о родах такое рассказывают, мало не покажется. Наверное, я вообще не буду думать о замужестве. Знаете, отец сказал мне, что после школы отправит меня в Москву, во второй медицинский, у меня там дядя Ильюша — самый крутой онколог в Союзе. Здорово, не правда ли?

— Ведь говорила, что завидую Морошкиной, у всех по одному отцу, а у нее сразу два, и второй сейчас активизировался! — продолжала смеяться Марикуна.

— А, кстати, отец тебя с сестрами познакомил? — спросила Кети.

— Да, очень милые девочки, маленькие, беленькие и голубоглазые, но, кажется, мы совсем не похожи друг на друга. К тому же они немного ревнуют и даже не вышли из комнаты, когда я у них гостила, — сказала я и замолчала. Просто не хотелось говорить на эту тему.

— Ну всё, разошлись. Завтра на том же месте, в тот же час? — шутливо спросила Марикуна.

— Я — пас. Завтра иду в школу, а то совсем отстану от программы. Когда вспоминаю первое сентября и Джонджолу, сразу умереть хочется, но ведь не могу же я прятаться до конца дней своих? — вздохнула я.

— Ну и ладно, мы и без тебя потусуемся, правда? — сказала Марикуна с издёвкой и посмотрела на Кети. — Пусть эта верийка

уходит к своим.

— Да, точно, почувствуй разницу, — ответила Кети и многозначительно посмотрела на подъем Саирме.

— Ладно, девчонки, не дуйтесь, просто так надо! — Мы разошлись по домам.

Ночь я провела в кошмарах. То мне снилось, что Нукри и Джонджола убивают друг друга из-за меня, то выплеснувшийся из школы грязный поток уносит полученный при крещении крестик, то будто я зависаю над собственным телом сверху и кричу, но тщетно…

— Почему ты плачешь, Лалико, девочка моя? — послышался встревоженный голос мамы, которая, по всей видимости, долго ждала моего пробуждения.

— Ты знаешь, мне приснились какие-то ужасы. Драка, затем потеря крестика, а потом я не чувствовала себя, совсем не чувствовала, — хныкала я. Окончательно обмякшая рука машинально потянулась к шее, и вдруг я вспомнила, что мой крестик в августе в Сочи унесла внезапно набежавшая волна…

— Значит, все это мне не снилось? Нет, снилось только это — правда. А если сбудется и остальное? — посмотрела я на маму мокрыми глазами.

— Не бойся, детка, это всего лишь сон, ты тогда так перенервничала из-за крестика, что это глубоко засело в твоём подсознании, а теперь вырвалось во сне. Ничего плохого не произойдет, — успокаивала мама. — Пойдем в церковь к батюшке Ростому и освятим новый крестик.

Ложиться спать было плохой идеей, все равно через час вставать. К тому же я боялась возвращения недоброго сна.

— Ма, выпей со мной чаю, пожалуйста… всё равно не уснуть.

Не помню такого случая в жизни, чтобы мама оставила без реагирования хотя бы одну мою просьбу. Вот я, порядочно напуганная, на рассвете, как на духу, и выплеснула все, что происходило вокруг меня. Последним аккордом было трехдневное «шатало», но, как видно, маму озадачило совсем другое из моего рассказа.

— Лалико, постарайся примирить мальчиков. Ты будешь нравиться многим и должна вести себя так, как это подобает настоящей женщине, не позволяй им столкнуться друг с другом, не доведи до драки! Твоя сила в примирении, а не наоборот!

— Что ты мне предлагаешь, бегать с белым платком? (В старину женщины в Грузии бросали между враждующими белый платок, что приводило к прекращению битвы. — *Л.М.)* — спросила я, уже полностью освобожденная от страха, скинувшая с плеч тяжесть ночи.

— Нет, Лалико, этого никто не требует, но, мамочка, сделай так, чтобы ты никогда не была причиной драки! И больше никаких «шатало» в парке! Обещаешь?

— Да, мама, никогда в жизни, но если я все-таки пропущу урок, то приду домой, не подводить же класс, ну в общем обещаю! — сказала я, чмокнула маму, перекинула через плечо ранец и направилась к остановке автобуса.

С каждой новой остановкой, приближающей меня к школе, усиливалось и мое волнение. Вот уже видна филармония. Чтоб мне провалиться!

Перед школой, как всегда, собралась «биржа». Джонджолу не было видно, и я свободно вздохнула. Первым уроком была грузинская литература, которую преподавала опытный педагог Клара Чхаидзе. Она так преподносила нам гениального Важа-Пшавела, как будто провела всю жизнь с его героями и знала их лично. «Зачем воевать с плохим, хорошее вечно враждебно». — «Ва, какие клёвые слова, этим многое объясняется», — комментировала я мысленно слова Важа. Этот метод оказался весьма подходящим для меня и в будущем. Ведь и вправду здорово, когда классика укрепляет тыл?

До звонка на перемену оставалось около пяти минут, когда в класс ввалился взволнованный в вытащенной из-за пояса рубашке Джонджола.

— Простите, масц, — сказал он, опустив голову, и присел рядом со мной. Джонджола не отличался почтительностью и сладкоречивостью, но Клара Чхаидзе была редким исключением в педколлективе: она пользовалась авторитетом не только среди коллег, но и у строптивых учеников.

Джонджола же принадлежал к той категории учащихся, которые долго остаются в памяти школы. Между ним и педагогом протянулись невидимые нити уважения и доверия.

— Все в порядке, Георгий? — спросила учительница.

— Да, масц, ничего особенного, так, небольшие неприятности, но сейчас все в порядке!

— Очень хорошо, что нам и требуется. До четверга, — попрощалась Клара масц в унисон с прозвучавшим звонком и вышла из класса.

— Лали, постой, не уходи, я что-то хочу сказать тебе, что-то очень важное. Не выходи из класса, прошу тебя.

— Не дури, Георгий, посмотри, какая погода. Немножечко погреюсь на осеннем солнышке, или я «мзетунахави»? (Игра слов: слово «мзетунахави» обозначает не виденную солнцем принцессу, или «красавицу». — *Л.М.),* — дразнила я, мне нравилось, что самый крутой парень в школе практически был в моём

подчинении.

— Не уходи, Лал, иначе, быть может, всю жизнь будешь жалеть, ты это понимаешь? — заорал Джонджола так, что оставшиеся в классной комнате ребята одновременно взглянули на нас. — Не уходи! Если хочешь, я преклонюсь перед тобой, — продолжал он и — прежде чем я успела ответить, упал на колени. Его глаза наполнились слезами. Я и мои одноклассники были обескуражены. Авторитет «номер один» школы вел себя совершенно неадекватно. Так, будто забыл свой авторитет дома. Он не видел ничего вокруг. Сначала я подумала, что это розыгрыш, но его наполненные слезами, как бы несущие знак несчастья глаза не лгали. Когда я к нему приблизилась, мне стал совершенно ясен смысл фразы «скрежет зубов».

Лоб Георгия был в холодном поту, челюсти сильно стиснуты, на губах виднелась просочившаяся из десен кровь. Он нервно кивал головой и, будто заколдованный, повторял одно и то же.

— Не выходи на улицу, я люблю тебя, только я, сильнее всего на свете, только не выходи! Хочешь, встань здесь на скамейку, чтобы я на тебя смотрел снизу вверх, как смотрят на богиню, только не выходи из школы! Я люблю тебя! — безостановочно повторял Джонджола, и от одного его сильного движения я оказалась на стуле. Кабинет грузинской литературы располагался на первом этаже, вот почему мне, стоящей на стуле, бросилась в глаза суматоха в школьном дворе. Подельники Джонджолы проводили разборку с какими-то ребятами.

«Интересно, что случилось с утра пораньше? — подумала я. Будто в ответ в окне мелькнул знакомый силуэт. — Вайме, Нукри! Что ему нужно здесь в такую рань? Что происходит? Он что, пропускает лекции? Почему Джонджола не пускает меня на двор?» — В голове начался такой сумбур, что все, что происходило «внизу», стало ирреальным. Моя душа, как в ночном кошмаре, проносилась перед 51-й школой, а мое тело, словно вкопанное, стояло на стуле перед коленопреклоненным Джонджолой.

Вскоре мне всё-таки удалось собрать душу и тело воедино. Невзирая на серьезные препятствия, я пулей вылетела на улицу.

— А ну-ка сейчас же прекращайте, вы что, с ума сошли? — закричала я и встала между взбудораженными словно петухи с острыми шпорами, мальчиками.

— Лали, ты уходи, — одновременно послышались голоса Нукри и оказавшегося рядом Джонджолы. — Это не твое дело!

— Правда? А чье это дело? Может быть, моей бабушки Аграфены? — сказала я разгневанно. Вне внимания не осталось и то, что ребята прятали свои руки за спинами. Нож! Конечно, нож!

— Или ты сейчас же заберешь меня домой, или никогда больше не увидишь, Нукри Чаганава! — сказала я, сверкая глазами, и пошла к остановке.

Как ни странно, Нукри без слов последовал за мной, будто ждал этого. Из-за отсутствия зачинщика потасовки суматоха перед школой улеглась за минуту.

«Вах, ну какая я сильная! — хвасталась я про себя. — Как развела «состав»! Вот развлеку девочек. А маме скажу, что не я была причиной драки. Ауф, ну как объяснить ей, почему я опять пропустила уроки?» — блуждая в собственных мыслях, я прошла остановку.

— Подвезти, красавица? — услышала я сзади сигнал машины. Это что ещё за нахал?

Из «Волги», широко улыбаясь, подмигивал Алик.

— Здравствуй, Алик, — поприветствовала я водителя Леонтьевича, который часто развозил по домам гостей семьи Чаганава.

— Привет, Лалико, запрыгивай в машину. Ты в порядке? Как тебе нравится новая школа?

— Не знаю, мне-то она нравится, а вот я ему… — сказала я и повернула голову к надутому, как индюк, Нукри.

— Это ничего, все утрясется, — улыбнулся Алик.

— Лали, сейчас поедем во Мцхету на хинкали, нас там ждут ребята, а потом заедем к Марикуне и Кети, ладно? — спросил Нукри, к которому вернулся дар речи.

— Да ладно, ну какая Мцхета? Я дала сегодня маме слово, что никогда не пойду на «шатало» и не обману!

— Клянусь тобой, это в последний раз! Правда, клянусь маленькой Татукой, — сказал Нукри и в подтверждение истинности своих слов перекрестился. Татука была его трехлетней племянницей — маленькая и самая любимая «кахетиночка», как звал ее Нукри. Аргумент казался железным.

— Хорошо, только вернемся побыстрей, завтра у нас начинается практика, хочу быть в форме.

— Ладно-ладно, маленькая, — сказал Нукри и попросил Алика поехать на Бахтрионскую.

К нам присоединились «братья» Нукри. Они дружили с раннего детства — Заза Чхаидзе и Гия Качарава были не разлей вода. Рядом с ними я чувствовала себя полностью защищенной, они слыли самыми «тёртыми калачами» в городе. Заза сел вперед, так как был самым крупным, Гия обошел машину справа, я оказалась зажатой посередине.

— Что вы меня сдавили, — ворчала я.

— Ты ведь не стокилограммовая, большое дело, придвинься

ко мне, чего раскричалась, ведь ты знаешь преимущества золотой середины? — шутил Нукри, и я смирилась с судьбой.

По дороге ребята разбирали происшедшее в моей школе. Потом сказали, что Джонджола уже не представляет собой проблему, и продолжили болтать про всякие глупости.

Как это ни удивительно, но в Грузии я была только во Мцхете, поэтому объяснение Алика о том, что мы должны обогнуть Мцхету из-за плохой видимости, я, естественно, приняла совершенно нормально.

Объезд слишком затянулся. Первое подозрение, что что-то происходит, у меня возникло под селом Игоети. Как-то в детстве Талес устроил нам экскурсию в Атени и Горийский Джвари. Помню, я спросила у Игоети, почему он бросал деньги из окна. «Здесь прежде была таможня, это старая традиция, к тому же, пожертвованные деньги собирают неимущие», — был ответ.

…И Нукри бросил мелочь, помянул Господа и перекрестился.

— Что мы здесь делаем, Нукри? — спросила я со скрытым подозрением, вспомнив к тому же, что сижу посередине, и перспективы выбраться отсюда самостоятельно у меня нет.

Нукри молчал.

— Что хотим? Да свадьба это, свадьба! — закричал Заза Чхаидзе. — С сегодняшнего дня ты жена Нукри, наша невестка. Поздравляю, голубки!

Существуют моменты, которые навечно запечатлеваются в твоей жизни. Некоторые со знаком плюс, некоторые — отрицательно, но, что главное, **навечно**! Это приблизительно то же самое, как показать умирающему человеку ретроспективу его жизни. Так промелькнули передо мной пятнадцать лет. Детство, рождение брата, безграничная доброта мамы, бабушкины шуточки-прибауточки, религиозно-исторические уроки Талеса, новоиспечённый папа, хорошего же он будет мнения обо мне! … Вай, ведь завтра у меня первая практика?!

Не состоявшаяся, первая и последняя…

Ту ночь мы, мои похитители и я, провели в селе Кобулети у родственников Нукри. Всю ночь я разговаривала с дядей Севериано и тетей Феодорой и, по-моему, очень аргументированно доказывала, почему нет перспектив моей связи с Нукри. О браке и речи быть не могло!

На рассвете ко мне приблизился Нукри.

— Знай, ты ко мне не притронешься! — закричала я, но это не был голос страха. Это была первая осознанная борьба за женское достоинство!

— Ты с ума сошла? Я и не думал, тихо, я люблю тебя, правда, люблю. Завтра мы вернемся в Тбилиси и поступим так, как ты

захочешь. К слову, через две недели я ухожу в армию…

— Что? Куда? А говорил, что тебя освободили? А как же отцовские связи?

— Отец сказал, что не испортит мне биографию. «Отслужи, а остальное я беру на себя», — велел он, вот я и подчиняюсь, а дальше, как Богу будет угодно…

— Тебя куда направляют? — Известие было ошеломляющим.

— В Сухуми, Абхазию… Останься со мной, прошу, — и прослезившийся Нукри поцеловал меня в щеку.

В это время в Тбилиси выбитые из привычного состояния мама, Талес и бабушка тщетно уговаривали разбившего в подъезде «лагерь повстанцев» Джонджолу вернуться домой.

— Нет, тетя Манана, и не просите, вот вернутся они, спрошу у Лали, по её ли это воле, тогда и уйду. Да что там, моя вина, раньше об этом нужно было думать — не уберёг! — сиплым голосом повторял Джонджола и в знак своей непреклонности кивал головой пристроившимся неподалеку верийским ребятам.

У жизни странный хронометраж, иногда все впереди, а иногда в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет все бесповоротно запоздало.

Гарантия неприкосновенности

Дорога в Тбилиси казалась бесконечной и утомительной. Старый аджарец не отпустил нас одних, он сидел впереди, а мы, как селёдки в банке, сзади.

Моя твердая позиция и полная неопределенности перспектива, как видно, вызывали у ребят волнение и напряжение.

— Что случилось, девочка, ведь не засудишь нас? — спросил Гия Качарава и дотронулся до своей трехдневной щетины.

Дедушка Севериан цокнул языком, намекая на то, чтобы Гия заткнулся.

— Нет, — холодно ответила я.

Несмотря на мою настойчивую просьбу, возвратиться домой мне пока не светило. Один из корпусов на проспекте Важа Пшавела, где на пятом этаже жил Нукри, показался мне крепостью Бастилией. А дома нас ждали ошалевшие от страха, растерянные родители Нукри. Я приветливо поздоровалась с обоими.

— Ни о чем не беспокойтесь, я подожду маму и поеду домой, — сказала я в дверях встревоженной маме Нукри.

— Лали, решать только тебе, — ответила тетя Лия. — Ты ведь знаешь, мы очень тебя любим, генацвале.

Неожиданно Заза сильно дернул меня за руку.

— Выйди на минуту, — сердито сказал он и поволок меня на балкон. — Что ты делаешь? Какой такой дом? С ума сошла? Что вытворяешь? — угрожающий голос звучал зловеще. — Не думаешь ли ты, что и потом мы будем такими добренькими? Посчитай, сколько здесь этажей!

— Идиот, оставь меня в покое, — сказала я, попытавшись вызволиться из Зазыного плена.

— Он правду говорит, — выбросил сигаретный бычок сидящий на корточках Гия и зло посмотрел на меня снизу.

В дверях раздался нервный звонок. Не нужно было быть Вангой, чтобы догадаться — это пришли мои.

* * *

В то время маме было 37 лет. Когда мы шли по улице, невозможно было не проводить ее глазами. Талес был старше нее на десять лет и страшно ревновал. Поэтому они повсюду бывали вместе и, ко всему прочему, стали лучшими друзьями. Бессонная

ночь маленькими паутинками отпечаталась на их лицах. Оба одновременно обняли меня.

— Мордуленция, как ты? — спросил Талес и потрепал меня за щеки.

— Хорошо, па…

Манана не издавала ни звука. У мамы всегда случался спазм горла, когда она нервничала.

— Войдите, пожалуйста, почему стоите в дверях? — Первой пришла в себя тетя Лия и взяла на себя инициативу. — Что делать, Манана, дорогая, такова судьба родителей девушек. И моя Нина сбежала прямо со школы.

— Я никуда не убегала, — пробормотала я, видя растерянный взгляд Нукри.

— Большое спасибо, Лия. Можно, мы с Лалико поговорим отдельно, — наконец выдохнула Манана.

— Ну, конечно, заходите вот сюда, — пригласила Лия в свободную комнату, — а я сладкое принесу.

Грузинский менталитет, порядок, убеждения требуют защиты и уважения «института девственности». Несмотря на то, что моя мама была уроженкой Сочи, эта древнейшая грузинская традиция и для нее была, безусловно, значимой. Ее бирюзовые глаза наполнились слезами, светлые волосы показались поседевшими.

— Ма, я не хотела, меня похитили из школы, между нами ничего не было. Нукри — очень хороший, но я хочу домой. Сперва окончу школу, поеду в Москву, а потом посмотрим, — продолжала я бормотать. — Клянусь братом, он даже пальцем до меня не дотронулся.

— И больше не увидишь Нукри? — спросила почти пришедшая в себя Манана.

— Ну почему это не увижу? Буду иногда приходить сюда со школы. Будем вместе ходить в кино, театры, на дискотеки…

Сказанное мною явно заставило Манану задуматься.

— Это как?

— Что — как? Буду иногда приходить со школы, — повторила я. — Неужели не понятно, просто будем дружить.

— Знаешь, что я тебе скажу, милая моя! Значит, я должна следить за твоим хвостом, где и когда ты будешь, в школе или кино? А что делать с Джонджолой, который устроил засаду в подъезде? Может, нанять тебе охрану? Объясни-ка мне одну вещь. Нукри-то ты любишь?

— Да, а при чем тут это? Люблю, но замуж не собираюсь. Так трудно это понять?

Манана впервые закурила в тот день. Аналогичный разговор состоялся в соседней комнате у Нукри с его отцом.

— Что это ты натворил, парень? Разве так мы с тобой договаривались? Или ты думаешь, было так легко добиться твоего распределения в Сухуми. Вот направят тебя в Читу, тогда увидишь небо в алмазах! А я и пальцем не пошевельну, чтобы что-то изменить, — сердился Леонтьевич.

— Ладно, ну, папа, все наши, кто пошел в армию, накануне переженились. Мне что, дожидаться, пока Лали уведет кто-то другой?

— Потерпишь два года, ничего не случится! — продолжал Лери. — И вообще, скажи спасибо, что ее родня — порядочные люди, а то бы увидел заснеженный Магадан. Пятнадцать лет за похищение, вот что они могли потребовать! И потом, как ты посмел взять мою казённую машину и Алика? Тьфу, безголовый… А теперь пойди, извинись, и на этом закончим. Отслужишь, Лали окончит школу, потом кто вам мешает? — Лери уже собирался выйти из комнаты, когда Нукри, вскочив, как сумасшедший, направился к окну.

— Что, хочешь, чтобы я выпрыгнул отсюда? Ты же знаешь, что я способен! Лали отсюда не уйдет, и точка! А если уйдет, тогда увидите…

Бедный Лери понял, что шутки с самолюбием парня в таком возрасте равноценны игре с огнем. И какой у него был выход? Взяв за руку продолжателя рода, он прижал его к себе и сказал:

— Сынок, генацвале, я говорю для тебя. Учись, гуляй, кто мешает, но если ты так решил, что поделать, я и твоя мать рядом с тобой.

Переговоры входили в третью, решающую стадию.

* * *

В сложную минуту человеку свойственны и самобичевание, и жалость к самому себе. Разница, наверное, в процентном наличии эгоизма. Соответственно, меня больше характеризует второе, да и то крайне редко. Когда я очень устаю, то жалуюсь судьбе, что у меня нет ни богатых родителей, ни накопленного имущества. Да и вообще, в семье уже который год я и мужчина, и женщина в одном лице…

А ведь моя жизнь могла сложиться по-иному: своевременное окончание школы, затем учеба в Москве, потом, наверное, за рубежом, затем, уже где-то после тридцати лет, знакомство с каким-нибудь бизнесменом или дипломатом, замужество «по всем правилам» и беззаботная жизнь где-нибудь на Сейшельских островах. Только с одним, только одна свадьба, а затем

деревянная, железная, серебряная, золотая, бриллиантовая и платиновая свадьбы, один семейный альбом и у детей одна на всех фамилия.

Боже, не подумай, что я недовольна, нет же, большое спасибо тебе за все, такова моя ежедневная молитва… Просто человек — ненасытное создание.

Козлом отпущения из-за неосуществимых желаний всегда была моя мама: «Всё было бы по-другому, если бы Манана в тот самый день, 4 сентября 1985 года, взяла меня за загривок и уволокла домой».

…Третий раунд поставил точку 48-часовому марафону — вердикт родителей звучал для меня как наказание: отныне я замужняя, семейная женщина и в перспективе мама, продолжательница рода Чаганава.

Аргумент моей мамы был совершенно беспомощный, но логичный: «Я не смогу целый день бегать за тобой, у меня растет маленький сын. Это хорошие люди, вот и оставайся. Лия обещала, что Нукри не дотронется до тебя, пока тебе не исполнится шестнадцать».

Лия кивала головой в знак согласия. Счастливый, достигший цели Нукри улыбался, а я толком и не понимала суть моей новой функции.

Между прочим, Лия честно выполнила данное маме обещание.

С моими друзьями и их родителями случился такой шок, что целую неделю девочек никуда не выпускали. Все остальное протекало банально: новая вечерняя школа, так как мой «аморальный проступок» осуждала система образования коммунистического режима. Для таких, как я, «осквернивших идеалы компартии», место было лишь в специальной вечерней школе.

До прихода в школу я представляла картинки из советских пропагандистских фильмов о рабочих и служащих, как сяду за одну парту с соскучившимися по учебе сапожниками, домохозяйками, горняками, и так, объединенные в единый советский непобедимый кулак, мы будем изучать Пушкина, Маяковского и Шота Руставели. Но, как всегда, моя фантазия была вразрез с текущей реальностью. В новой школе я обнаружила, что мои одноклассники были не рабочие с завода или, подобно мне, рано вышедшие замуж, а дети богатеньких родителей, которым в обычной школе было сложно получить медаль или аттестат с отличием. А вечерняя школа за определенную мзду давала для этого полную гарантию. Советская система образования так же, как и многие другие сферы, всегда

отличалась прозорливыми и прогрессивными идеями. Ну на самом деле, какое время давать образование рабочему классу?

Согласно советскому законодательству, расписаться в загсе имели право только достигшие семнадцати лет, так что нашим родителям пришлось взять над нами опеку, и, наконец, состоялась официальная часть. Моей свидетельницей была Марикуна, а у Нукри — школьные друзья, которых с того дня никто не видел.

По поводу венчания мы получили холодный отказ Леонтьевича, так как коммунистической номенклатуре были запрещены любого рода церковные обряды, в том числе венчание и крещение. В 1986 году действовал «сухой закон», посему свадьба была малочисленной и безликой, ну какая свадьба без домашнего вина и тамады? Тем не менее Ваке-Сабурталинские противоборствующие группировки все-таки умудрились разбить на нашем торжестве один-два сервиза, но, что важнее, ритуал «кровопускания» прошел без крови.

Соглашение родителей о «гарантии неприкосновенности» не могло соблюдаться вечно. Вполне естественно, что 1986 год вошел в мое личное дело тремя знаменательными датами: я окончила школу, стала студенткой, и страна получила еще одного грузина Сандро (Александра) Чаганава.

Экзамен

Лето 1986 года выдалось жарким не только из-за обычной для Тбилиси в этот период погоды, но и потому, что я сдавала вступительные экзамены в институт с семимесячной беременностью. В тот год приемная комиссия Тбилисского педагогического института отличалась особой строгостью. Дело в том, что ректором института был назначен Роин Метревели. Батони Роин отличался особенной принципиальностью и объективностью. Этого он требовал и от других. Главными его требованиями к экзаменационной комиссии были справедливость и строгость, а что касается высшей оценки, она выставлялась лишь только под его личным контролем.

Факультет русской филологии был одним из самых престижных, и без преувеличения можно сказать, что здесь учились самые красивые девушки Грузии. Мой выбор был обоснован любовью к русской классической литературе. Я постоянно отождествляла себя то с Наташей Ростовой, то с Анной Карениной и подозреваю, что история последней стала моей судьбой (с учетом нового столетия, я бы предпочла финал с «хеппи-эндом»). Мысль о том, что когда-нибудь я более основательно приобщусь к этой нескончаемой сокровищнице культуры, приносила мне огромное наслаждение. Обостренное чувство зова крови и русских корней время от времени испытывало приятную нирвану.

Экзаменационная тема была знакомой и тысячу раз пережеванной, поэтому «испеклась» легко и без проблем. С экзамена я вышла первой и показала большой палец болельщикам, ожидавшим меня во дворе института, в знак выполненной на высоком уровне операции. Заслуженная «пятерка» оправдала ожидания родни.

К следующему экзамену по обществоведению меня готовила замечательный человек, отличный педагог и блестящий психолог Зоя Чимакадзе. Главное то, что во время подготовки она постоянно меня кормила, так как согласно ее методике наполненный желудок хорошо питал мозг. А может, шестнадцатилетняя беременная девочка будила в ней родительский инстинкт. Короче, так или иначе, процесс был приятным и, как оказалось впоследствии, очень качественным. Рассказанные ею мировая история, жизнь выдающихся людей, мысли философов и, главное, теория спиралевидного развития Гегеля навсегда отпечатались в моем сознании. Так в один из жарких июльских дней вооруженная чимакадзевскими знаниями

я пришла на экзамен. Моя фамилия вызвала странное смятение среди экзаменационной комиссии. После двадцатиминутного совещания меня подозвала председатель комиссии.

— Знаете, Лали, детка, вашей работой заинтересовался сам Роин Метревели, и этот экзамен он примет у вас сам, только не нервничайте, ради Бога, — сказала пожилая дама и посмотрела на мой выпирающий, как каска пожарника, живот.

Дверь отворилась, и в аудиторию вошел высокий, симпатичный мужчина, который необычайно походил на голливудскую интерпретацию итальянского мафиози. Члены комиссии засуетились и подали ректору кресло.

— Морошкина, да? — спросил хриплым, басовитым голосом господин Роин.

— Да, Лали Морошкина, — бойко ответила я.

— Лали, генацвале, ты ведь грузинскую школу окончила? — продолжал ректор.

— Да, но в семье мы разговариваем на русском, — искренне ответила я.

— Удивительно такое знание русской классики, я хочу сам удостовериться в твоем ай-кью, и если хочешь «отлично», ответь, не подготавливаясь, на первый же билет.

Его позиция мне была ясна. Наверное, у господина Роина возникли сомнения, не прибегла ли я к помощи шпаргалки. Я же ни в школе, ни в институте и никогда в будущем шпаргалками не пользовалась. Но откуда ему было об этом знать?

Билеты один за другим падали на стол, и я безостановочно отвечала. Экзамен все больше становился похож на блиц-опрос в передаче «Что? Где? Когда?»

— Сколько лет строился собор Парижской Богоматери?

— 150.

— Самая древняя книга?

— «Папирус Приса», хранится в Парижской национальной библиотеке, относится к 2600 году до нашей эры.

— Увлечение Байрона?

— Спорт. Был лучшим пловцом, в 1810 году переплыл 7,5-километровый пролив Дарданеллы.

— Древнейший гимн?

— Японский «Кимигайо», создан в XIX веке.

Вопросам не было конца…

— Батоно Роин, сжальтесь, она ведь беременная, — заступилась за меня председатель экзаменационной комиссии.

— Естественно, «отлично»-то ей гарантировано, просто интересно, сколько чего еще она умудрилась запомнить, — ответил с улыбкой батони Роин и вписал в экзаменационную

книжку «пятерку».

Марикуна

В школьные годы Марикуна отличалась особым озорством и изобретательностью. Самыми любимыми ее местами были школьный буфет и находящийся рядом со школой гастроном. Правда, тетушка Тамуна строго-настрого предупредила обслуживающий персонал обоих учреждений, чтобы подростку не продавали сдобу. Но, как известно, «взятка освещает ад», и Марикуне удавалось задобрить продавцов; тем более, кто мог отказать такому милому созданию?

Фантазия подростка особенно возгоралась в школе. Однажды Марикуна появилась в классе с очередным подарком отца Миндии. Это были синие очки «капиталиста Пьера Кардена». Возмущению педагогов не было границ, но они получили такой отпор, что чуть ли не сами бросились чистить запыленные стекла ее очков. Дело в том, что, по версии девочки, у нее были очень повреждены глаза, на сей раз она капала альбуцид, а впереди — тяжелая, многочасовая операция, которая определит ее будущую судьбу. О занятиях, естественно, и речи не было. Эта история, вероятно, продлилась бы несколько семестров, если б не случайная встреча классной наставницы и тёти Тамуны в хлебном магазине.

— Калбатоно Тамуна, как ребенок? — спросила классная руководительница. — Мы все, весь педколлектив, переживаем за судьбу Мариночки. Представляю, что испытывает батони Миндия. Ведь он вернулся из Америки?

— Что вы говорите, калбатоно Этери, о чем это вы? Я только что оставила Марикуну вместе с Лали и Кети в кинотеатре «Амирани».

— Как? Ей можно смотреть фильмы? Наверное, в специальных очках? А альбуцид? А операция?

Марикуну и нас буквально вытащили из кинотеатра за загривки, к тому же и дома ей досталось по полной. На другой день вести передачу «Изучаем русский язык» пришлось мне одной. Моя партнерша, исполнительница детского шлягера «Пусть бегут неуклюже…», находилась в домашнем заточении. Но каждое фиаско Марикуны было стимулом для новой проказы.

Несмотря на то, что мое раннее замужество было не лучшим примером для моего поколения, а тем более для моих друзей, часть из них последовала за мной буквально по пятам.

Многие из вас, вероятно, читали сказку о волшебных превращениях: когда человек в одно мгновение становится необычайно красивым, стройным, словом, прекрасным. Но ведь

это совсем не безграничная фантазия Шарля Перро и братьев Гримм! К концу десятого класса Марикуна начала худеть и преображаться, «менять окрас». Это именно тот термин, который максимально точно подходил ее положению. Между прочим, впоследствии эта метаморфоза стала одной из главных тем авторского ток-шоу Марикуны «Табу», что с большим удовольствием подхватили позднее расплодившиеся как грибы после дождя новые передачи.

Главным же в истории этого телешоу было то, что Марикуна смогла произвести идентификацию двух личностей — старой и новой — в одну, не только не скрыв собственную такую неординарную историю, но представив ее на широкий суд зрителей, тем самым дав стимул многим проблемным детям. Да, они однажды проснутся, посмотрят в зеркало, увидят по другую сторону прекраснейшего длинношеего лебедя и приготовятся к бурному течению жизни.

Короче, переродившаяся Марикуна с удовольствием подсчитывала умножившихся поклонников, а затем все это обсуждалось на заседании «тройки», сопровождавшемся кофе и сладостями (к которым Марикуна не прикасалась) — до заплетания языков и помутнения рассудка:

— Знаете, девочки, Малхаз все же лучше всех, — хвасталась Марикуна своим новым ухажером.

— Нет, ты, видимо, спятила, да он ведь старик! Представь себе, Лали, этому типу 25 лет! — не скрывала возмущения Кети.

— Подожди, когда тебе стукнет 25, а ему будет 35. Уф, как измучаешься, ухаживая за ним, шутишь — судно таскать! — прикалывались мы.

— Какие вы дебилки, ведь он врач, если понадобится, он нам сделает справки для школы, к тому же у его матери всегда есть сулугуни и гоми — ну просто объедение. Да еще у них во дворе есть бассейн и другие прибамбасы, говорила Марикуна, облизывая языком губы и мечтательно глядя на горизонт. К слову, сыр как продукт питания остается слабой точкой Марикуны на протяжении всей ее жизни.

Не знаю, сулугуни ли, бассейн, доброе мегрельское сердце или действительно любовь необычайно симпатичного человека Малхаза Гвасалия собрали всех нас в 1987 году во Дворце ритуалов на свадьбу.

Моей свидетельницей в предыдущем году была Марикуна. Соответственно, сейчас был черед Кети.

— Главное, не прыгайте, как козы, — наставляли нас родители, но в какие времена слушались старших?

На Марикуне было надето подаренное семейством Гвасалия

чудесное серебристое платье. Ее светлые густые волосы были красиво уложены сзади. Она и вправду была похожа на богиню. Малхаз, соответственно, был облачен в подарок семьи Салуквадзе и был под стать невесте.

Молодожены ожидали традиционную процедуру выбрасывания лепестков роз, когда их пригласил администратор Дворца ритуалов и сказал, что они являются самой красивой парой за всю историю их дворца и поэтому снова должны пройти свадебный ритуал через месяц в честь прибывающей в Грузию с официальным визитом премьер-министра Великобритании Маргарет Тетчер. Что нам еще было нужно? К тому же, это была личная просьба высоких партийных бонз. Конечно же, семьи Марикуны и Малхаза кроме внешнего обаяния на все сто процентов удовлетворяли семейные святыни, соответствующие идеалам коммунистической партии, принципу «семья — ячейка общества», были нерушимы, как сталь!

Свадьба на 200 человек, сыгранная в тот день в Телети, отличалась еще и тем, что была своего рода репетицией перед визитом «железной леди» из Великобритании.

Месяц не такой большой срок, и семьи брачующихся с прилежанием приступили к делу. А главной проблемой для них была наша «дрессировка»! Согласно решению тети Тамуны и дяди Миндии, мы, три «кики», как нас называл родительский совет, впервые были допущены на такую «тайную вечерю», как «Иван да Марья». Дело в том, что родителей дяди Миндии расстреляли в 1937 году, а родители тети Тамуны принадлежали к высшим элитарным слоям. К примеру, дедушка Иван Джаши был профессором и проректором сельскохозяйственного института, а Марико Ишхнели — представительница известного певческого рода Ишхнели. В честь родителей в семье тети Тамуны ежегодно отмечали «Ивана да Марью», куда приглашались друзья ушедших из жизни родителей — Бараташвили, Вачнадзе, Амилахвари, Багратиони, представляющие царственно-богемную часть грузинской культуры и истории, прикоснуться к которой дано не всякому смертному.

Визит «тетушки Маргариты» оказался своего рода «грин-картой» для присутствия на мероприятии семейств Салуквадзе-Джаши. Дело в том, что во время приема гостя высокого уровня мы должны были соблюдать своего рода кодекс поведения. Экзамен нужно было сдать! Ну ведь не бывает свадеб без жениха и невесты?

После двухдневного тренинга было принято решение, что мы должны надеть белые сорочки, длинные юбки и быть причесанными соответственно этикету.

— Морошкина, если увижу тебя в панталонах, я не знаю, что сделаю! — сердился дядя Миндия, так оригинально окрестив мои наимоднейшие шорты!

— Марикуна, никаких браслетов с бубенчиками, серег и широких поясов, вы же не восточные танцовщицы, — добавляла Тамуна.

— Кетуша, приди одетой, ты же не на пляже! — продолжал «кутюрье» нашего нового мероприятия маэстро Миндия.

«Пансион благородных девиц» был готов к первой проверке.

Стол блистал красотой и совершенством. Свежие цветы «Иван да Марьи» символически украшали его. Столовые приборы из серебра, отделанный золотом белый сервиз «Лемонжи» ожидали знающее этикет общество.

— Какого черта столько вилок? — ворчала я и мысленно повторяла: «Сперва маленькая, потом средняя и, наконец, большая для горячих блюд». — И сдались мне эти чёртовы горячие блюда!

Кети ежеминутно поправляла строптивые ленточки на сорочке, испытывая явный дискомфорт.

Марикуна в длинной черной юбке и белой гипюровой сорочке с камелиями напоминала знатную особу XVII–XVIII веков.

— Дитрих, мон ами, подай, пожалуйста, этот малиновый соус, — обращалась необычайно красивая, будто изваянная из воска пожилая дама к сидящему напротив меня в накрахмаленном жабо мужчине.

— Марго! Вы изменили вашей привычной диете и едите сладости? — удивлялся господин Дитрих, угощая малиной прекрасную даму.

— О, Дитрих, разве много искушений осталось в этой зряшной жизни, выглядящих так аппетитно и эстетично, что так и хочется попробовать.

Мы с Кети под столом с излишней горячностью долбали друг друга ногами. У обеих от еле сдерживаемого смеха защемило жилку на шее.

Аромат злосчастной «Мадам Бовари» развеял колдовство. Марикуна, часто моргая своими нежными голубыми глазами, обратилась к соседу.

— Можно мне одну ложечку?

Пожилой обладатель великокняжеской фамилии взял на себя функции кавалера, утонченно подающего блюдо, однако из-за одного нагло-неуклюжего движения Марикуны выронил его содержимое на ее белую рубашку.

— Фу ты, обосралась! — Эти слова, как гром среди ясного неба, прокатились над застольем избранных. Пенсне, лаклоновские платки, перчатки с монограммами, мундштуки в едином порыве оказались на столе. А нас так же синхронно выдворили с традиционного семейного праздника.

Срезались!

* * *

Время не ждало, приближался визит Маргарет Тетчер. Мы, как «безнадежно испорченные», не поддавались даже дрессировке! Не выписали бы они Бугримову из Москвы? Короче, без нас обойтись было всё равно нельзя, а вот разумный, взрослый, 26-летний зять Малхаз вел себя согласно протоколу.

Леди Маргарет оказалась весьма общительной и приятной дамой, ее удивлению не было предела, когда семья невесты

общалась с ней на английском «хай»-класса, да еще на таком, что даже номенклатурный переводчик ЦеКа не понимал значения и половины слов.

На сцене сменяли друг друга танцоры, певцы, юмористы. Самую большую симпатию госпожи Тетчер заслужил детский ансамбль «Мартве», чьими неизменными солистами были братья Цулукидзе.

По грузинской традиции тамада — наиважнейшая фигура застолья. Он, по существу, летописец прошлых и текущих событий, семейных традиций и будущих перспектив. Короче, иллюстрированный альманах «Вокруг семьи» и мост между брачующимися.

Хорошо проведенное мероприятие — всегда победа тамады, а плохо организованное, соответственно, фиаско. Свадьба Салуквадзе — Гвасалия стала основой взаимоотношений не только двух семей, но и грузино-британского партнерства.

Между нами, Тамуна и Маргарет поразительно походили друг на друга, высокие, статные, элегантные, прямо, как разрезанные половинки одного яблока. Видимо, этот факт не остался вне прозорливого внимания «железной леди», Тамуна безотлагательно получила приглашение во дворец королевы Великобритании.

Очень скоро передовую европейскую прессу украшали фотографии Маргарет Тетчер и красивейшей грузинки. Обе были в своих любимых строгих синих костюмах с белым платком.

Вторично новобрачные были одарены фарфоровой вазой от гостьи из Великобритании, которая, в свою очередь, была передана в эксклюзивное владение плоду любви этого симбиоза — прекрасному созданию Тате Гвасалия.

9 апреля

1989 год бурлил и обещал все новые сюрпризы. Старый режим испускал дух. В нашем институте идея создания ячейки национального движения проваливалась не раз. Приученные к советскому образу жизни педагоги трудно свыкались с новыми идеями, хотя не мешали активизации студенческого движения.

Наш четвертый курс уже достаточно созрел для того, чтобы делать выводы. Одно было предельно ясно: кончалось что-то старое, уже заплесневелое и невыносимое, рождалось что-то новое, нежный грудной ребенок, за которым трудно ухаживать. Многоглавый Советский Союз, как раненое чудовище, орал и извергал огонь. Разрушался семидесятилетний алогичный и вынужденный союз пятнадцати республик, подкрепленный советской идеологией.

Демократия — вот чего так не хватало Грузии, вот то, чего так жаждали грузины, и то, что так дорого обошлось нации.

После лекций студенты часто шли к митингующим. Рассказы диссидентов о государстве нового типа, новой национальной идеологии многие из нас попросту не понимали. Часто втайне друг от друга мы узнавали значения незнакомых слов, которые впервые слышали от национальных лидеров. С одной стороны, империя и так рушилась, а с другой — темпераментные грузины хотели ускорить этот процесс.

Может, в этот день, в этот злосчастный рассвет, лучше было бы продемонстрировать христианское смирение? Может, если б послушались призыва Святейшего и Блаженнейшего Католикоса — Патриарха Всея Грузии пойти молиться в Кашветский собор, из нашей истории был бы вычеркнут хотя бы один кровавый миг? Не позволили бы такому монстру, как Советский Союз, совершить еще одну ошибку, не пролилась бы кровь грузинской молодежи, а советские саперные лопаты и танки не были бы вымазаны в свободолюбивой грузинской крови. Сколько мам подарили бы Грузии новое здоровое поколение. Ведь среди погибших были в основном женщины — бесстрашные, гордые грузинки, щитом и броней прикрывшие еще вчера смеющихся гуляк, в одну ночь, с 8 на 9 апреля 1989 года, помудревших, ставших мужчинами и воинами. Время всё рассудит.

Победившая на выборах 1990 года законная власть на чрезвычайной сессии Верховного Совета официально восстановила утраченную в 1921 году независимость Грузии.

Но это была только временная, показная, эфемерная победа. Был разрушен и опустошен центр Тбилиси, гражданская война

разделила грузин на две части. Грузия постепенно проваливалась в длительную кровопролитную, братоубийственную войну. У нас опять не хватило сдержанности, вновь не смогли отвести атаку более сильного, коварного и беспощадного врага. История повторилась.

* * *

В 1919 году советская Россия с помощью грузинских большевиков — Сталина, Орджоникидзе — и проживающих на территории Грузии национальных меньшинств создала антигосударственные большевистские ревкомы. В Абхазии такой организацией руководил Лакоба, а в Южной Осетии — Плиев. Началось манипулирование выступлениями крестьян, которые впоследствии превратились в большевистские восстания против центральной власти. Оба восстания были подавлены на начальном этапе как центральной властью, так и посредством местных осетинских и абхазских организаций.

В мае 1920 года Россия признала независимость Грузии. Несмотря на это, в феврале 1921 года она начала наступление на страну. Против независимой Грузии использовались в Цхинвальском регионе и Абхазии как раз те силы, которые активизировались в 1919 году.

25 февраля 1921 года Тбилиси пал, большевики захватили Грузию.

За оказанную абхазскими и осетинскими коммунистами помощь в свержении законной власти Грузии этим регионам предоставили статус автономий, в частности, Южной Осетии — автономного округа, а Абхазии — советской социалистической республики, который она сохраняла в течение пяти лет.

Осетины — потомки аланов, представители переселившейся на Кавказ индоевропейской языковой семьи.

Осетинский этнос поселился в Грузии в Средние века. Цхинвальский регион осетины компактно заселили в XVII–XVIII веках. По переписи 1914 года, в Цхинвали проживали всего четыре осетинские семьи. По данным 1989 года, за пределами Югоосетинской автономной области осетинского населения было в два раза больше, чем в самом округе.

Особая заинтересованность России в наличии автономного статуса этого региона была обусловлена тем, что в 1919 году России был нужен коридор до Рокского перевала. Именно поэтому было поднято восстание среди населения прилегающей территории.

Что касается абхазов, они представляют исконную древнюю часть населения Грузии. Грузинские цари именовались царями грузин и абхазов. Представители абхазских дворянских фамилий были известны при царском дворе как вассалы грузин. Абхазия позднее всех вошла в состав Российской империи. А когда началась Кавказская война против Российской империи, большая часть абхазов, как и других мусульман, включились в нее. В результате Россия приняла решение о массовом переселении северокавказских горцев, в том числе абхазов, в Турецкую империю.

Это событие 60-х годов XIX века называлось мухаджирством. Именно поэтому так мала численность абхазов — из-за вышеописанных событий в Абхазии практически остались только христиане и язычники.

Для управления Кавказом Российская империя всегда пыталась сеять вражду между кавказскими народами, в чем часто достигала успеха. По переписи 1989 года, в Абхазии жили только 85 тысяч абхазов, что было гораздо меньше количества проживающих там грузин, русских и армян.

В период «перестройки» в Грузии, как и в Прибалтийских странах, усилились антицентристское и антисоветское движение.

С целью остановки этого процесса Комитет госбезопасности СССР начал создавать различные интерфронты, бороться против антицентристских сил и проводить просоветскую, прорусскую политику. На территории Грузии была использована абхазская и югоосетинская политическая элита. Пророссийские силы Южной Осетии (в которой осетинское население составляло 54 процента) нанесли первый удар Тбилиси. В 1990 году совет депутатов Южной Осетии, не согласовав свои действия с Тбилиси, повысил статус автономной области до статуса автономной республики и обратился к Москве с просьбой о выходе из состава Грузии и присоединении к России. Это повлекло со стороны грузинской власти отмену данного решения, а также упразднение автономной области и ввод в регион сил МВД. Тогдашняя власть (режим З. Гамсахурдиа) отличалась проведением жесткой и негибкой политики.

В 1990–1992 годах происходили локальные столкновения, с обеих сторон погибли несколько тысяч человек, а число беженцев перевалило за 20 тысяч. Согласно Дагомысскому соглашению 1992 года, огонь был прекращен и были созданы миротворческие силы (Северная Осетия, Россия и Грузия).

С 14 августа 1992 года до 27 сентября 1993 года Россия трижды нарушала договор…

Видимо, имперские амбиции не изменились и в XXI веке.

Так начиналась российская агрессия прошлого века.

Побег

Наверное, неловко жить налаженной жизнью в неустроенном мире, у нашей страны запутались паруса. Мазанные одним миром, мы, три подруги детства, вторили времени. Мендельсон над нами явно издевался, всеобщее волнение грозило перерасти в шторм. Кети и сололакский Гио Непаридзе, с 1986 года до самозабвения влюбленные друг в друга, тщетно пытались убедить своих родителей в правильности своего выбора, да и корабль Марикуны не шел полным ходом. Я и Нукри после семилетнего брака расстались.

Причина была по-грузински банальной. Бурную и разгульную жизнь Нукри время от времени украшали различного рода «бабочки», и, естественно, согласно «грузинской традиции», каждая проведенная с ними ночь прямо пропорционально отражалась на моем телефоне. Звонки «доброжелателей» достоверная гарантия разрушения супружеской идиллии. Вначале я верила правдоподобным басням, которые «застуканный» на измене Нукри щедро сочинял. Со временем обстановка так накалилась, что, если б даже одновременно ожили Эзоп, Крылов и Лафонтен и поспешили бы посвятить свои новые творения нашей давшей трещину семье, спасения все равно не было бы. Самолюбие — состояние души: или любишь и уважаешь собственную душу, самое себя, или затаптываешь, плюешь в нее.

По моему глубокому убеждению, ни один мужчина не стоит дороже той цены, которую мы, женщины, за них платим. Жена, готовая все простить мужу, несмотря на унижения и измену, вернуть домой, вновь разделить с ним супружеское ложе и фарисейски демонстрировать детям «семейный лад», сама падшая, более падшая, чем зарабатывающие на улице женщины. Их цель оправдана, это — бизнес. Когда же продаешь душу, продать вдобавок и тело — это как бонус к хорошей сделке!

По гороскопу я Скорпион, рождённый в год Петуха. Если не наступать мне на хвост, я миролюбива и ласкова, но не дай Бог меня тронуть. В этот момент я опасна и мстительна. Правда, от этого порока я пыталась избавиться всю жизнь, но безрезультатно.

Мольбы родителей с обеих сторон о сохранении семьи потерпели фиаско. Меня понимала только бабушка. Ее вердикт на поступок зятя звучал в привычной для нее манере: «Ваш сын мог сидеть на коне, а он залез ослу под яйца».

Эпатажная Еноховна часто прибегала к методу шокотерапии, имевшей довольно убедительный эффект. Единственное, о чем я

думала, так это как уйти красиво. Финал, который должен был быть сильнее старта. После очередного скандала Нукри обратился к радикальным мерам, со словами «Ты никуда не уйдешь» хлопнул дверьми и обрезал в подъездном ящичке заранее приготовленным ножиком «Викторинокс» связывающий с миром телефонный провод.

Чувство мести мутило моё сознание. План был следующим: исчезновение с пятого этажа. Балкон семьи Чаганава был аварийным и достаточно накренившимся. Под ним зловеще выступали бетонные брусья, живое наследие пристроек лоджий. Прикрепив бельевую веревку к краю балкона, я стала медленно и осторожно скользить вниз.

На четвертом этаже жила очень милая и любимая мною армянская семья. По сей день у меня в глазах растерянное лицо дяди Ованеса, который увидел меня висящей на веревке, словно Маугли.

— Простите, у меня двери захлопнулись. Можно, я выйду от вас? — сказала я первое пришедшее в голову. Ответа я не получила. Стакан чая в руках пожилого соседа заметно дрожал.

Когда мама увидела меня с содранной на руках кожей, а затем услышала мой рассказ, у неё прямо у порога подкосились ноги. Зато «враг» был повержен. Пораненные руки, потрясенный дядя Ованес и упавшая в обморок Манана — такова была цена, которую я заплатила за этот реваншистско-акробатический номер. Но мне ещё предстояло попробовать увесистый кусок от сладко-кислого пирога «вендетты»

…Вернувшись домой, Нукри долгое время не мог выйти из состояния шока.

«Песочные часы»

Время было трудное, а растерзанную в клочья жизнь нужно было склеивать заново. Я категорически отказалась от возвращения в материнскую квартиру и считаю, что в тот момент это было одно из разумнейших моих решений. Я должна была научиться существовать независимо.

Согласитесь, в 90-е годы в Грузии в съемных квартирах жили только приезжие студенты из сёл, и мое решение снять квартиру поставило в тупик членов семьи. Они недоумевали.

— Отныне все решения я принимаю самостоятельно! Я и только я! — категорично заявила я и невольно подумала, что прежняя роковая ошибка моей матери давала новую реальность моему сегодняшнему дню. Или я начинаю новую независимую жизнь, или становлюсь похожей на ту серую массу, которой всегда кто-то управляет. Кукла-марионетка хороша только для одного спектакля, а после ее прячут в дряхлый, запыленный сундук, и кто знает, когда она еще увидит дневной свет, и увидит ли вообще.

Я не желала стать куклой на привязи, и не имеет значения, какой господин этой куклой манипулирует! Я была матерью маленького мальчика, которая должна обеспечить ему хорошее питание, образование и уход в «бесцеремонно» подорожавшей стране!

* * *

Государственный телерадиовещатель был именно той желанной компанией, где удовлетворялись амбиции любого человека. Известные и знакомые по телеканалам лица, медленно дефилируя, прогуливались по коридорам телевидения, смотрели на новобранцев свысока и как бы вторили вслед:

— Это место занято, пока наше время, которое продлится долго, очень долго…

До государственного телевидения я уже прошла школу двух частных компаний «Ибервизии» и «Тамариони». На «Ибервизии» вела развлекательно-познавательную передачу, а на «Тамариони» аналитическую программу на русском языке, которая в то время пользовалась большой популярностью. Моим напарником был Зураб Двали. Именно с ним мы еженедельно проходили по острому лезвию ножа, так как наши объективные сюжеты вызывали раздражение то у «Мхедриони», то у какого-либо

высокопоставленного лица от власти. Сначала нас пытались купить, потом шантажировать, а затем и вовсе убрать. А мы не продавались, и всё…

По натуре необыкновенно теплый, но имеющий волевой характер, Зура после каждого неприятного события успокаивал меня: «Не боись, Морошкина, всех не перебьют», или «Нас мало, но мы в тельняшках». Позднее Зура стал моим другом на всю жизнь и человеком, разделяющим все мои жизненные невзгоды. Частные телекомпании «дышали на ладан», а меня с детства больше привлекала аура «аквариума» (из-за обилия стёкол, так называют здание телевидения. — *Л.М.)*. В моем представлении у этого заведения имелся свой характерный запах, лицо и цвет, разумеется, обязательно светлый.

Каждый четверг с четвертого по восьмой класс я вела молодежную передачу «Изучаем русский язык». Автором и ведущим передачи была наша соседка, близкий друг бабушки и мамы известный теледиктор Ирина Матиашвили. Тётя Ирина хорошо знала о моих лингвистических наклонностях и поэтому настойчиво попросила бабушку привести меня на телевидение. Так я на долгие годы осталась на экране. Я и сегодня помню неповторимый вкус творога и сметаны в столовой телевидения. А может, тогда мне все казалось необыкновенным, чистым, белым и сладким?

Короче говоря, твердо решив «захватить» эфир на первом канале, я во всеоружии направилась прямо в отделение информационной службы.

1994 год… Одна за другой закрываются частные телекомпании, хаос, мрак, длинные очереди за хлебом, холод, безысходность и дома, и на улице. Люди, похожие на призраков, словно питающиеся кровью собрата, теряют самое главное — НАДЕЖДУ! Повсюду боль, стоны и плач. Почти в каждом подъезде крышки от гробов, предупреждающие о беде. Новые кладбища, как грибы после дождя, выросшие в самом центре города, напоминают о потерях… Ушли в вечность борцы за свободу, вчерашние «мальчишки-сорванцы»: Ладо, Ремка, Вахо, Ираклий… и кто сосчитает, сколько еще ребят нашего поколения, ставших жертвами «игры в патриотов».

Несмотря ни на что, жизнь медленно и лениво, как бы нехотя, двигалась вперед.

Институт я окончила с красным дипломом и по настойчивой просьбе матери училась в аспирантуре. Но мы нуждались в ежедневном доходе, а я, вдобавок, в перспективной работе. Модные в то время кооперативы и разные акционерные общества меня не привлекали, поэтому я решила попытать удачу в

любимой и знакомой с детства организации. Моя старшая подруга Лия Бурчуладзе была редактором «Моамбе». Лия — одна из тех редких грузинских женщин, которые, несмотря на трудности жизни, всегда хорошо выглядят, при любых обстоятельствах настроены оптимистично и абсолютно на каждую тему имеют свое компетентное мнение. Она, как хороший коньяк: крепнет с возрастом и растёт в цене.

— Мартышка (так она меня ласково называла), будет неплохо, если тебя увидит Мамука, — в один прекрасный день заявила мне Лия.

— Какой Мамука? — спросила я.

— Как какой? Арешидзе, директор информационной службы.

— Ведущий передачи «Добрый вечер»? Лия, ты что — прикалываешься? Кто меня примет без протекции? Не знаешь, что там творится?

— А вот это уже не твое дело, завтра оденься посолиднее и приходи, я устрою встречу, а остальное — за тобой. — Лия была строгой и непоколебимой.

На следующий день она с пропуском в руке ждала меня в фойе телевидения и давала мне последние наставления:

— Слова не растягивай, не выделывайся, и еще — сейчас же вынь жевательную резинку изо рта!

Я беспрекословно повиновалась приказу «старшины» Бурчуладзе.

Мамука оказался милым человеком, от него веяло доброжелательностью.

— Очень приятно, сказал он, — Лия мне уже говорила о вас. Сейчас вы немного поправились, или это ваш обычный вес? — Вопрос был настолько шокирующим, что я с трудом выдавила звук. Мамука понял причину моего смятения. Нет, вы не так меня поняли, вы прекрасно выглядите, дело в том, что экран добавляет лишних килограммов восемь, поэтому я и спросил.

— Знаю, — пробормотала я, — у меня есть опыт работы на телевидении. Кстати, я вешу 56 кило при росте 172 сантиметра.

— Ладно, забудь, а ну-ка прочитай этот текст, — сказал Мамука, перешедший сразу на «ты», и протянул мне какие-то каракули.

— Что я здесь разберу? — Я не смогла спрятать свое недовольство.

— А как ты хотела, для тебя должна работать персональная машинистка? То так будет, а то эдак, — посмотрел Мамука поверх очков. — Время такое!

Несмотря на то, что Мамука ничего обнадеживающего мне не сказал, было ясно, что я произвела впечатление. Раз он так меня

испытывал, значит, понравилась! Невероятно, я буду ведущей информационной передачи Первого канала!

— Каждый день по пять-шесть часов громкого чтения, потом придешь, и еще посмотрим. Ах да, работай над «ше», у тебя какое-то специфичное «ше». На каком языке вы разговариваете в семье?

— На русском, — сказала я.

— Ну тогда понятно. Короче, никакого русского, отвлеки слух, и жду тебя через неделю, и не ешь сладкого!

Вся следующая неделя прошла в занятиях и тренировках. Я вспоминала еще в школе изученные разговорные упражнения: «бдги-птки, бдге-птке, птке, бдго, птко, бдгу, птку…»

— Молодец, уже лучше, — похвалил меня Мамука и позвал Лию. — Сегодня же в эфир ее.

— Куда? — безнадежно спросила я. — Меня? В эфир? Нет, нет, я пока не готова, нет, в другой раз. Вот завтра приду подготовленной, и потом я такая растрёпанная…

Но Лия и Мамука, погруженные в телевизионный хаос, похоже, меня не слышали.

Вечерняя аналитическая передача «Песочные часы» была личным ноу-хау Мамуки.

Над этой передачей трудились новоиспеченные журналисты, так что, если в то суровое время в эфир и пролезала «лишняя правда», это сразу же сваливалось на молодой коллектив. Прорвавшимся в студию недовольным «пострадавшим» Мамука объяснял: «Что делать, юные они, несмышлёные и учатся еще, не убивать ведь?» Среди «прорвавшихся» лидировал нынешний государственный министр Грузии Георгий Барамидзе — с европейской внешностью, но с комсомольской душой, который постоянно протестовал против критики в адрес «Союза граждан» и требовал незамедлительно наказать строптивых журналистов.

Несмотря на то, что я «собаку съела» в телевизионной сфере, дебют меня все же очень волновал: во-первых — на грузинском, во-вторых — на государственном канале, да еще в таком коллективе. Вдруг ошибусь? Позор на весь мир!

Время перед эфиром тянулось нескончаемо. У меня, обнаженной до нервов, так вспотели ладони, что на тексте смазались чернила. Вот уже в который раз я говорила себе: «Ты сможешь, а нет — останешься так, будешь работать где-нибудь продавцом или станешь на всю жизнь любовницей какого-нибудь пузатого мешка с деньгами». Не знаю, то ли далеко не эстетичная картина с пузатым дядечкой, то ли торговля у прилавка показались уж очень не заманчивой перспективой, в общем, худо-бедно, эфир состоялся. Не помню ни единого слова, сказанного тогда.

На выходе из студии меня ждали явно довольные Лия и Мамука. Лия забрала у меня текст и хлопнула меня им по голове.

— Поздравляю, Мартышка, только в следующий раз не говори «железная роза»! — сказала Лия победоносно. Шутка ли? Ее протеже оказалась годной!

— Что за «железная роза»? — растерянно спросила я.

— Выражение такое — «железный занавес» — то есть преграда, а не «железная роза», — терпеливо объяснил мне Мамука, и это было первым в моей жизни, но далеко не последним арешидзевским разъяснением. (Тут игра слов: по-грузински «роза» и «занавес» звучат похоже — «варди» и «парда». — *Л.М.)*

Талес

1996 год — один из самых тяжелых на моей памяти. Это был год потерь и отчаяния. Хмурые тучи сгущались повсюду: в стране, на работе, дома и, конечно, в душе. Я часто думаю, что судьба посылает нам такие периоды для очищения и для проверки нашей твердости. В зависимости от того, насколько стойко и непоколебимо встретишь испытание, зависит твое будущее существование в этом мире.

Политическая обстановка в стране, в частности, отношения с Россией, были постоянно изменчивыми и шаткими. Таковым было и мое пребывание в телевизионной сфере. Несмотря на то, что я всегда и по менталитету, и по языку считала себя грузинкой, моя фамилия все-таки вызывала у некоторых чувство неприязни. Наверное, это происходило из-за тех комплексов, которые диктовала их провинциальная сущность. Но факт оставался фактом, я становилась жертвой российско-грузинских отношений.

Мотив был четким: «Не время играть на нервах населения вражеской фамилией! Информационный выпуск должен вести носитель грузинской фамилии!» По статистике, Грузия на первом месте по числу изменённых фамилий. Когда думаю, сколько вокруг меня людей на самом деле имеют негрузинское происхождение, завуалированное «арийскими» фамилиями, получается довольно-таки впечатляющая картина. Какой фарс!

Для меня, как для уважающего свои корни, род и генетику человека, такая сделка была неприемлемой и более того — оскорбительной. За что и попадало. Как известно, «бьют по лицу, а не по паспорту».

Короче, итог был одним и тем же, — я, как правило, оставляла эфир в ожидании «лучшего» времени. Так что конфликты в российско-грузинских дипломатических отношениях не раз становились причиной моих личных проблем.

Представьте себе, в развитой стране, например в Америке, дисквалифицируют ведущего — этнического еврея только по той причине, что в секторе Газа опять беспорядки, или после манифестации выходцев из Африки во Франции накажут чернокожего ведущего! Каково? Но у нашей страны, наверное, ни в 1996 году, ни сейчас, вопреки великим историческим примерам, нет и даже не было претензий на совершенную толерантность и существование гражданского общества. Лично я прощаю моих «инквизиторов», тем более, что все произошедшее только усиливало во мне заряд свободы и справедливости.

В марте того злосчастного 1996 года я шла работать в

вечернем эфире, когда по дороге встретила Мамуку Арешидзе.

— С сегодняшнего дня у нас новый главный редактор, он спрашивал о тебе, так вот — тебя ждет серьёзный разговор. Кстати, он интересовался, имеется ли у тебя «крыша», ну, в смысле, покровитель.

— Да ну его… А ты куда собираешься?

— Пока не знаю, — Мамука был печальным и по обыкновению лаконичным. — Наверное, в депутаты.

— Заходите, заходите, — встретил меня новый шеф. — Морошкина, что скажешь нового?

— Ничего, — холодно ответила я и, чтобы не помять пиджак для эфира, повесила его на спинку кресла.

— А что ты скажешь на то, если я переведу тебя на сюжеты?

— Почему? Над сюжетами я работала пять-шесть лет назад в «Тамариони» и «Ибервизии», для меня этот этап уже пройденный и безынтересный, а еще меня совсем не привлекает беготня с микрофоном по улице при не особенно спокойных обстоятельствах. Или студия, или я ухожу, я не могу весь день слоняться на улице. — Это был мой ультиматум.

— Смотри, какая ты бойкая, вах! Переходи на сюжеты, говорю тебе, потом усовершенствуй речь, а со временем я тебя возвращу назад.

Предложение было «впечатляющим» и довольно двусмысленным.

— Я должна исправить речь? — грубо спросила я нового шефа.

— Да, иначе мы сейчас же распрощаемся, — таким же тоном ответил мне голос из кресла. — У тебя, генацвале, русский акцент, и точка!

— Откуда взяться русскому акценту в грузинской школе? — не отставала я. — Да вы знаете, когда моя сочинская тётя слышит мою русскую речь, она себе уши затыкает, а вы говорите — акцент!

— А вот это меня абсолютно не интересует! — ответил главный редактор.

Приговор пересмотру не подлежал!

— С сегодняшнего дня будете иметь дело с моим адвокатом, о своем провинциальном акценте позаботьтесь, — бросила я и громко хлопнула дверью.

Какой адвокат? Откуда? Вот оно, влияние голливудских фильмов, но не могла же я сдаться без боя? Я точно знала, что для меня, однажды уволенной за акцент, причём русский, двери телевидения закрылись бы навсегда. Начиналась борьба, острейшая борьба за сохранение собственного «Я»! В руках же,

как Фемида с завязанными глазами, я держала лишь только свою боль и правду.

После многоразового просмотра блокбастеров и консультаций с друзьями я направилась к адвокату.

Еврейского происхождения, хрупкого телосложения и с пронизывающим взглядом адвокат в роговых очках внимательно выслушал меня.

— Дело выигрышное, удивительно, что у меня не было подобной практики в Грузии, но почему бы не попробовать? Если вы готовы к борьбе и не остановитесь посреди дороги, пожмем друг другу руки и сразу же перейдем к делу. От вас требуются две вещи: справка из театрального института насчет правильности речи и справка из Организации защиты прав человека, остальное — за мной. В трудовом договоре нарушено несколько пунктов, шанс есть! — деловито сказал господин Симон и с головой погрузился в бумаги.

Я остолбенело смотрела на адвоката: вот какую профессию мне нужно было выбрать! Как классно — защищать закон! Жизнь каждого спасенного человека — это твоя личная победа!

Как оказалось, господин Симон был из династии знаменитых адвокатов, и практику он прошел, ни больше ни меньше, в Америке.

Я поняла, что пришла по адресу.

Господина Гизо Жордания, ректора театрального института и общественного деятеля, моя просьба удивила.

— Лали, детка, не понимаю, что за справка тебе нужна? Столько лет ты на экране, и если бы у тебя был акцент, кто бы тебя держал до сих пор, тем более такой профессионал, как Мамука Арешидзе, — пожал он плечами.

— Господин Гизо, именно для подтверждения этого мне и нужна справка, официальная, с вашей печатью, я должна отнести ее к адвокату.

— Эта девочка меня с ума сведет, на таком грузинском, как у тебя, даже исконные грузины не говорят.

— Вот и напишите мне все это, господин Гизо. Что сейчас сказали, то и напишите, — объясняла я маэстро, злясь на себя: из-за какой глупости беспокою такого человека. Но ожидание мести было настолько сладким, что временный дискомфорт становился второстепенным.

С желанным «жордaниевским» выводом я направилась в Комитет защиты прав человека на улицу Павлова. Господин Сандро Кавсадзе был симпатичным, усатым, худощавым мужчиной средних лет. Он не меньше господина Гизо удивился моей просьбе.

— Написать, что гонение по этническому признаку незаконно? Да, но, детка, кто в этом сомневается? — спросил господин Сандро и посмотрел на меня поверх очков.

— Есть, господин Сандро, и такие, — пожала я плечами.

— Ну, а если есть, госпожа Морошкина, пусть ознакомятся с международными нормами, — строго сказал господин Сандро и протянул мне желанный документ.

Двусторонне вооруженная, я направилась к адвокату, который уже вызубрил статью о незаконных нарушениях, в частности, об обязательных предупреждениях, о беспричинном расторжении трудового договора и т. д… В общем, дело было почти «в шляпе», почти…

Известно, что бюрократический аппарат 90-х не отличался особой гибкостью. Меня же впереди ждало столько проблем, что телевизионный эфир по сравнению с ними казался детским лепетом…

Мартовский холод пронизывал до костей, погода будто понимала, что этот мир покидает пламенный патриот — человек, вырастивший меня…

Встречали ли вы доброго волшебника? Доводилось ли вам жить с ним под одной крышей?

Мама и Талес познакомились в педагогическом институте, где оба читали лекции. Оказывается, когда я в первый раз увидела Талеса, обняла его, и меня не смогли от него оторвать. Рубашка, промокшая от моих слез, как бетонная прилипла к его телу.

Талес был вынужден прийти к нам домой, прийти и остаться навсегда. Он был моим избранником. Между нами существовала особенная невидимая связь. Я чувствовала его, а он — меня. Потом на свет появился златокудрый Эрэкле. Мой брат, мой маленький рыцарь. Я всегда стеснялась Талеса, но это не было неудобством, это было благоговением и уважением, которое я испытывала к нему.

Я часто думала, если бы я жила с отцом, какие отношения у нас были бы? Отношения, гармоничнее, чем эти, представляются с трудом. Одно знаю точно: то, что я и душой, и сердцем грузинка, заслуга Талеса Шония. За то, что я впитала историю, религию, культуру Грузии, люблю и преклоняюсь перед всем этим — волшебство, содеянное сыном Кавказских гор!

Несмотря на то что во многих связанных со мной жизненных перипетиях Талес из-за присущей ему тактичности не высказывал свое мнение вслух, я понимала, о чем он думал по его дыханию, манере курить трубку и шепоту: «Мордочка, все в порядке?» — Его мнение всегда было дорогим и важным для меня. И кто

виноват, что у меня постоянная размолвка с жизнью.

— Береги себя, несколько дней не выходи из дому, — деликатно говорил он, и это было предостережением, что меня ждала какая-то опасность.

— Дядя Талес, скажите нам тоже, а что нас ждет? Что будет? — не успокаивались мои подруги, влюбленные в Талеса по уши.

— Идите отсюда, обормотки, вы ведь знаете, что все трое будете самыми счастливыми женщинами, — с улыбкой и терпением отвечал Талес.

— Нет, нет, нас интересуют детали, — ныли избалованные вниманием Талеса Кети и Марикуна.

Нетерпеливость, наверное, спутник юного возраста. Талесу, видно, на роду было написано постоянное наше занудство то дома, то на экскурсии, а то на яхте, которую он построил собственными руками, которая стояла на Тбилисском море и часто принимала нашу шумную компанию.

Распад моей семьи был шоком для Талеса, тем более что Нукри он любил как собственного сына. Сандро, мой старший сын, вырос у него на руках, и Талес никогда его не отличал от собственных внуков.

Дело в том, что первая жена у Талеса умерла очень рано, и его старшая дочь Марина Шония росла у матери Талеса, педагога химии, аристократки по крови калбатони Тамары. Я и Марина с первой же встречи полюбили друг друга. А что нам было делить? У нее не было матери, а у меня отца. Положительным зарядом этих безукоризненных отношений во многом была моя мать, которая никогда нас не разделяла.

Подросший Сандрик был очень шаловливым и беспокойным ребенком. Одно его озорство закончилось тем, что он сильно повредил глаз щепкой от шишки. Вердикт врачей был удручающим: или срочная операция в Москве, или слепота, сначала одного глаза, а потом и другого.

На следующий день я, мама и Сандро уже летели в Москву в офтальмологическую клинику имени Германа фон Гельмгольца.

В Гельмгольца нас встретили холодно и грубо. Решение квалифицированных врачей было таким: срочная операция. Согласно распорядку, заведенному в клинике, родителям не разрешалось оставаться в палате. Так что мне обошлась в довольно крупную сумму предоперационная ночь с Сандро, который не мог и двух слов связать по-русски.

Известно, что в 90-е годы мобильные телефоны были большой редкостью, поэтому нашим единственным средством связи с внешним миром стала дряхлая телефонная кабина на

первом этаже клиники. Манана ждала нас в гостинице «Пекин», а в Тбилиси тыл укрепляли бабушка Нана и Талес.

— Дай мне поговорить с Сандриком, — сказал мне Талес, узнав об операции.

— Ну что, парень, ведь не боишься? — спросил он.

— Нет, бабу (по-грузински «деда». — *Л.М.),* — отвечал Сандрик храбро, — вообще-то эти русские очень странные.

— Что случилось, не можешь объясняться с ними на грузинском? — смеялся Талес.

— Не могу, ничего не понимают-то! — отвечал Сандро.

— Мальчишка, сможешь всю ночь говорить со мной по телефону? — спросил Талес у Сандро.

— Да, бабу, все равно спать не хочется.

Тогда скажите маме, чтобы не нервничала, и позвоните мне ровно в 12 часов.

Сказанное Талесом показалось мне немного странным, но ведь странности были кредо моей семьи.

— Что он, с ума сошел? — прокомментировала мама. — Хотя, не знаю… Ему видней.

Зато утром нас ждало чудо.

— Не может быть, — твердили врачи и сменяли друг друга с медицинскими инструментами у левого глаза Сандро.

После сорокаминутной суеты главврач клиники извинился и сказал нам, что, по-видимому, они ошиблись, ребенок здоров, и мы можем забрать его.

Мама ждала нас в коридоре.

— Мам, нас отпускают, говорят, что операция не нужна, — растерянно сказала я.

— Как? А говорили ведь, срочная операция, что повредится и второй глаз? — удивилась Манана.

— О-о, поболтаете в гостинице, заодно по дороге зайдем в «Макдоналдс», и купите мне «Лего», — сказал довольный жизнью Сандро. — Мам, ты же обещала!

— Талес? — синхронно посмотрели мы с мамой друг на друга.

— Да! — подмигнул нам Сандро совершенно здоровым глазом.

— Что, да? Что он тебе сказал?

— Ничего, до первого луча солнца читал молитвы, — ответил Сандро и рассмеялся во весь рот, обнажив белоснежные зубы, не зря мои друзья и по сей день зовут Сандро «Крокодилом». — Ну пошли в «Макдоналдс»? — зудел новоисцелённый.

Общение с Талесом частично вынуждало терять иммунитет к жизни, все и так было ясно как Божий день. «Туда не иди», «вот

сейчас время», «немного торопишься», «лучше на следующей неделе», и кто знает, сколько было подобных предупреждений. В тот момент кажется, что иммунитет — твоя привилегия, он всегда защитит тебя, но…

Мама затеяла генеральную уборку дома.

Вытряхивалось все: ковры, кресла, занавеси и даже наши карманы. Во время одного такого вытряхивания выпала записная книжка Талеса и «заманчиво» раскрылась. А ну-ка, скажите, какая жена пройдет равнодушно мимо раскрытой записной книжки мужа? Сам Бог велел! Моя мама не была исключением.

— Лалико, ты не представляешь, что я тебе должна сказать, — услышала я в телефонной трубке дрожащий голос Мананы.

— Что случилось, мама? — спросила я, напряженная после тирады Мананы.

— Он уходит куда-то далеко, не знаю, куда и с кем.

— Кто? Куда? — Начинать разговор с середины было стилем Мананы, остальное надо было понимать чутьем.

Талесико уходит! У него в записной книжке написано: «В марте 1996 года у меня большая встреча, я прощаюсь со всеми!» — Манана была в отчаянии. — Представляешь, я за ним ухаживаю, глажу сорочки, стираю носки, а он уходит, — не успокаивалась она. — Все мужчины сволочи!

— Ладно, ну мам, наверное, просто так написал, — сказала я ей, — этакий плод фантазии.

— Да ты вечно его защищаешь. Значит, мне кажется? — Манана всегда была объектом наших шуток, ее русский акцент и своеобразный сленг постоянно становились предметом всеобщего веселья.

Помню, однажды вернувшегося с телепередачи Талеса на пороге встретила заплаканная Манана.

— Ну почему вся Грузия должна была узнать, что ты видел голую Циури? Почему? За что мне такое наказание? — упрекала Манана Талеса, захлебываясь слезами.

— Какая Циури, Манчо, ты в своем уме? — говорил удивленный Талес.

— А что ты все твердил, «циури схеулеби, циури схеулеби»? (Игра слов. Циури схеули, переводится и как «тело женщины», и как «тела небесные». — *Л.М.)*

— Манчо, это совсем другое! — задыхался от смеха Талес. — Это тела небесные, женщина!

В 1994–1995 годах Манана, Талес и Эрэкле переехали в Германию, в Берлин. Талес читал лекции и в то же время участвовал в опытах, проводимых на немецкой военной базе. Я и

Сандро часто навещали покинувшую страну семью. Трудные для Грузии годы мы провели сравнительно легко, частично в дороге. В конце года Манана и Эрэкле вернулись.

— Не можем без тебя, а еще Талес не соглашается на предложенные условия, представляешь, нас оставляют на немецкой базе, зарплата большая, да и квартира в Берлине, только с тем условием, что мы не вернемся в Грузию никогда! Он отказался. Мы отказались. Не хотим без Грузии!

* * *

Самолёт из Берлина как всегда задерживался. Наконец, после 8 — 9-часового ожидания объявили наш рейс. В то время при наличии знакомых в аэропорту можно было встречать пассажира прямо у трапа. Люди с багажом, пакетами «дьюти фри» и всяким скарбом сменяли друг друга. Талес опаздывал. Манана нервно накручивала круги по аэропорту.

Муж, которого она не видела три месяца, не показывался.

Внезапно у трапа мы заметили силуэт болезненно худого мужчины, он привлек мое внимание только тем, что красная сумка от «Ив Лоран» в его руке показалась мне очень знакомой.

— Талес? — Я и Манана ждали ответа друг от друга. С этой минуты для меня было ясно как день, вот про какую «большую встречу» он писал в записной книжке.

— Почему ты так похудел? — не отставала Манана от Талеса, целуя его лицо и руки.

— Я скучал по тебе, Манчик… — вымолвил он, обнимая жену. — Лапочка моя, я так скучал..

Онкологи нашли у него рак гортани.

Невероятно, абсолютно здоровый, атлетичный, добрый волшебник и рак? Быть не можеееееееееет!

— Может!

— Нет, все равно не может!

Болезнь быстро охватила его тело, но и не думала прикасаться к его душе, та была сильнее болезни!

Холодный, мерзкий март, дровяная печь и мы — оставшиеся лицом к лицу с Ее Величеством СМЕРТЬЮ!

По-видимому, кому-то там, в далекой Европе, был не на руку отказ грузинского ученого, наверное, он знал больше того, что дает гарантию жизни обыкновенному смертному.

Процесс быстро продвигался вперед к негуманному, нелогичному концу.

Прогноз врачей не оправдался, это не было раком, это не

было опухолью. Отказ Талеса от хирургического вмешательства был правильным — диагноз все равно не совпал с реальностью. Он просто угасал, красиво, тихо таял как свеча, растворяясь в нас, в мире, во всем том, что так сильно любил.

— Манчик, родная, не обижайся, ну… Так лучше, во время войны столько парней ушло, им ведь нужен опекун? — говорил Талес страшные слова.

— Лали, как я должна это понимать? — спрашивала побледневшая Манана, и ее единственным желанием было растаять и исчезнуть вместе с этим человеком.

Так тяжело вспоминать последние минуты любимого человека, но это уже не моя, а наша история.

По капле растаявший Талес прощался с каждым членом семьи и давал последние наставления.

— Мордочка, ты станешь такой сильной, что все вытерпишь, отвердеешь, станешь, как сталь, и знай, если с кем-нибудь не справишься, я буду всегда рядом. Позовешь, и буду рядом, впрочем, и звать не надо.

— Ладно, ну папа, а что мне делать с ними? — спрашивала я Талеса, кивком показывая на маму и брата и вытирая нахлынувшие слезы.

— Они? Они часть тебя, ты справишься! Мордочка, у меня одна просьба, знаешь ведь, какая твоя мать? Не вытерпит, даст множество медикаментов… Прошу, как только отключусь, ничего не предпринимайте, я должен уйти так, чистым, о'кей, договорились? — спрашивал меня Талес так, словно мы выбираем новый мяч для игры в футбол.

— Да, — беспомощно вырвалось у меня. Вечером позвонил Мамука Арешидзе.

— Я хочу прийти, что-то надо сказать, ты ведь дома? — спросил он.

— А где ж я могу быть? — Звонок меня удивил. Вечером Мамука рассказал нам свой сон. «17-го уйду и не мучайте меня», — такова была воля Талеса и во сне Мамуки.

Рассветало утро 17-го марта. Тело Талеса не реагировало на внешние факторы, и мы все равно мучили его! Мучили его искусственным дыханием и капельницами, как будто жизнь недостаточно истерзала его, мы еще добавили! Но, с другой стороны, каково это, остановить женщину, безгранично любящую самого лучшего человека, мужа и друга. — Может, поможет, а может, еще есть шанс, хоть последний?

* * *

Вызванная «Скорая помощь» зафиксировала факт смерти, и, несмотря на существующие правила бытия, наперекор Вселенной, Талес поднял левую руку, указал Манане и Эрэкле на выход из комнаты, а меня остановил, сильно сжав мою руку своей ещё тёплой рукой отключенного, бездыханного тела и будто влил в меня силу, в его не кровное, но духовное дитя.

21 марта 1996 года Талес навсегда поднялся на небо, а нам оставил «Откровение».

Откровение

С Божьей помощью, по милости Сына Божьего, вдохновению Святого Духа написано это Откровение.

Много замечательных, испытанных в веках молитв создано в помощь человеку, но, не познав себя, не пройдя тернистый путь очищения, поверит ли человек в Бога, сумеет ли возвыситься над злом и творить добро, что так необходимо сегодня человеку.

И поскольку Бог создал человека по своему образу и подобию, даровав ему путь любви и добра, причастил к земной жизни во имя торжества Духа Святого, каждый имеет дарованное свыше право найти собственный путь к очищению, вознести свою молитву к Богу, дабы присоединить свой голос к другим святым молитвам.

В этом бренном мире мы снова теряем начертанный провидением путь, закрывая сердца друг от друга.

Откровение — это крик моей души, изреченная в слове мысль о том, как жили сыны человеческие и что надо предпринять сегодня всем нам — мне, тебе, ему, чтобы защитить землю, не навлечь на род человеческий наказание Господне и уберечь его от гнева природы.

Это благоговейная попытка резонансного слияния энергетических вибраций фразы, слова, звукоряда, единство тембра рассказчика, места, церкви, монастыря, ритуала, грузинского танца и космического многоголосья песенных звуков, являющихся средоточием всех тех частот-характеристик, которые несут в окружающий мир умиротворение, оздоравливают физическое тело и духовно возвышают человека.

Мир, окружающий человека, возбуждает его, и человек в свою очередь, воздействует на окружающий мир. Этот замкнутый круг отношений легко разрушить, поэтому его надо беречь и укреплять, чтобы не были погребены под его обломками и род человеческий, и его хрупкий дом — голубая планета Земля.

Откровение

«Творите добро, и зло не одолеет вас».

(БИБЛИЯ)

Это ведь земля твоих предков, Отечество, Родина твоя. Это ведь земля детей твоих, внуков и правнуков. Это ведь земля, на которой должны покоиться и твоя душа, души ближних твоих.

Так береги ее!

Вспомни, что хранится в самых сокровенных уголках души твоей и о чем ты уже успел позабыть. Помнишь ли, как давно ты не радовался восходу солнца, не любовался небом, озаренным пламенеющими лучами заходящего солнца, тревожным небом, затянутым печалью; великолепием горных вершин?!

Призадумайся и вспомни!

Помнишь ли, как давно ты не наслаждался журчанием родника, грохотом водопада, как давно не любовался красотой цветущего куста или раскинувшейся у подножия горы долиной, окутанной утренним туманом; или прилепившимися к скалам, точно ласточкины гнезда, домами, от красоты которых сильнее бьется сердце и внезапно сами собой в голове складываются стихи, в душе рождается музыка, и все это неповторимое очарование хочется запечатлеть на холсте. И не удержать тебе возгласа: «Люди! Взгляните, какая красота вокруг! Люди, встаньте рядом со мной, ибо самая величественная, прекрасная, захватывающая панорама открывается именно отсюда, с этого места, словно источающего живительную энергию! Люди, давайте встанем вместе, рядом, давайте сплотимся в своем стремлении творить добро!

Сейте доброе, разумное, вечное!

Помнишь ли, как давно у тебя не возникало желание взлететь высоко-высоко и оттуда, с высоты парения, оглядеть эту красоту, эту землю, чистота и святость которой для тебя превыше всего; полететь в те места, где залегает та самая «глина», из которой тебя «замесили», где твоя колыбель, где ты делал первые робкие шаги, где впервые произнес слово «мама», где все твое и все в тебе

— каждый цветок, растение, камень, родник, холмы, поляна, дом, народ?! Иногда ты грезишь этим наяву, и сердце сжимается от боли, и непреодолимо манят эти места обетованные.

И смутные желания овладевают тобой, и хочется повернуть время вспять и очутиться в своем детстве окруженным заботой и любовью, в духовной чистоте, покое, добре. Взлететь — и с высоты обозреть то место, где заложен краеугольный камень твоей жизни, откуда берет начало твой жизненный путь, богатый и радостями, и горестями, где твоя пристань и где ты находишь отдохновение от трудов своих и вечной борьбы, черпаешь силы для преодоления новых испытаний, готовясь к борьбе, — и вооружившись любовью, доблестью, добром, вступаешь на жизненный путь в гордой уверенности: она хрупка, она нуждается в твоей защите, она — земля твоих детей и внуков, их колыбель, их Отечество.

Так береги же его!

Помнишь ли, как давно ты не испытывал острого, непреодолимого желания услышать ликующий зов пробуждающейся жизни в родном уголке, на Родине — твоей колыбели.

Как давно ты не радовался, глядя, как новорожденные своими пухлыми голыми ножками впитывают тепло заботливой земли, ее любовь, добро, благодать? Как давно не смотрел с доброй улыбкой, с разливающейся в душе теплотой, вспоминая себя, шагающего нетвердой поступью ребенка, на освещенном добрым светом лице которого сияют удивленно распахнутые, озаренные любовью и надеждой и жадно впитывающие и запоминающие красоту, добро и многообразие мира глаза. И любовь, любовь, любовь…

Помнишь ли, как давно ты, с пронзенным болью сердцем, не подхватывал ребенка, споткнувшегося о камушек, кажущийся ему глыбой, и, крепко-крепко прижимая его к себе, вдруг вспоминал свои расцарапанные коленки, разбитый лоб… И вот словно внезапно прорвавшимися через непогоду первыми весенними лучами солнца озаряется личико ребенка. И ты, опустив его на землю и погладив по головке, окрыленный и счастливо гордый, продолжаешь свой путь к добру, к любви, к грядущим испытаниям. Ведь все это — твое. Не дай погаснуть, не прячь, одолей все, раскрой

душу — пусть и на других снизойдет понимание, и да раскрепостят они души свои!

Освободись, освободись, слышишь?!

Помнишь ли, как давно не охватывала душу радость, желание защитить, приласкать, благословить влюбленных?!

Подави в себе раздражение и наполнись до краев любовью!

Помнишь ли, как давно, вскочив при виде стариков и сняв шапку, ты не вспоминал своих стариков, уступал им место или, предложив руку, перевел через дорогу, поделился теплом с ними? Ведь такие, как они, дали тебе жизнь, и ты тоже станешь таким.

Думай, думай, думай!

Замирала ли твоя нога — не дай Бог раздавить букашку, растоптать цветок, разорить гнездо, раскрошить хоть один камешек древнего памятника, причинить боль своему пепелищу, своей земле, своей Родине! Давно ты не воспринимал чужую боль как свою, носил траур в сердце, скорбя скорбью другого? Воспринимал чужую радость как счастье, припадая к нему, как к источнику собственного счастья?!

Так пусть душа твоя будет нежной, чувствительной, открытой, просветленной!

Помнишь ли ты, как давно не испытывал учащенного биения сердца при виде того, как семя, брошенное твоей рукой в землю, дало стремящиеся к солнцу, к небу, к жизни ростки?! И сердце наполнялось радостью, любовью, чистотой: это мое, это наше, я дал этому жизнь ради вас!

Помнишь ли, когда ты вырастил цветок, по своей форме, аромату, цвету, энергетике отражающий всю красоту жизни, любви, мира, чистоты? И потом? Сорвал ли ты этот символ жизни и преподнес ли его в дар женщине, старцу; приносил ли этот дар заходящему в морские волны солнцу, дар, уносящийся по солнечной тропинке сверкающих волн в вечную жизнь?!

Созидай, рождай, возвеличивай жизнь!

Помнишь ли, как давно ты, радуясь сердцем, не орошал живительной влагой пыльные листья растений, выращенных благодаря чужому труду, в неудержимом желании посеять и вырастить еще больше, приумножить цветущие сады — ведь это все принадлежит тебе, твоим детям и внукам — ради их жизни, счастья, любви и

чистоты?! Как давно ты, утомленный, не испытывал чувство удовлетворения, глядя на плоды своего труда?! Помнишь ли, как давно ты не закладывал камня в строящийся дом, школу, детский дом, в здание музея, библиотеки, храма?! Ведь это останется твоим детям, будет принадлежать и служить твоему народу, это ведь их прошлое и будущее.

Проникнись, трудись, созидай!

Помнишь ли, когда в последний раз окружал лаской, заботой ближнего своего, друга, соседа, просто знакомого, да и незнакомого, когда вспомнил о нуждах их, об обещаниях своих, одарил их бескорыстно и от всего сердца?! Не нарушал ли слова своего, когда в последний раз делал добро бескорыстно и незаметно? Незаметно — ибо добро творится не ради того, чтобы пожинать плоды, а ради добра самого.

Помнишь ли, как давно ты не подходил с лаской к братьям нашим меньшим, делился с ними куском хлеба, не проявлял заботу о них, не пытался поделиться с ними заботами своими и тайнами? Ведь они — ближние твои, заботятся о тебе, тянут твою лямку, оберегают твой покой и здоровье. Они ведь зависят от тебя и существуют для тебя и твоих близких.

Будь им покровителем, и сам обретешь защиту!

Помнишь ли, когда не ответил грубостью на грубость, когда подавил гнев, не затаив обиду, не простив, не удержав брань и проклятия? Когда отвечал добром на зло? Ты ведь так создан, задуман, настроен — ведь добро делать легче и приятнее!

Помнишь ли, как давно ты раскрывал книгу, пытаясь до конца вникнуть в суть ее и мысль, удивляясь, и задумываясь, и восхищаясь глубокой мыслью писателя, которая уже навсегда остается в тебе, становится твоей, глубоко осмысленной и обогащенной тобой? И ты учишь и учишься. Как давно у тебя не появлялась потребность обратиться к Важа-Пшавела, раствориться в полях и весях, небе и звездах, среди сущего и неодушевленного, беседовать, спорить с камнями, родниками, полевыми цветами, горами, облаками? Учиться у них и учить других.

Сколько времени не обращался ты снова и снова к животворному созданию великого Шота Руставели, воспевая каждую строку, ставшую поговоркой. Ведь суть этих строк глубоко заложена в тебе, ведь они тобой

созданы, ты воспитан, сложен из этой музыки — какое величие труда, души, мысли твоего народа несут они!

Так воспринимай, учись, передавай, учи!

Помнишь ли, как давно ты не проявлял заботы, любви, ласки к лозе, не совершал крестного знамения, сложив из виноградной лозы крест, над забродившим виноградным соком? Взлелеял ли ты виноградную кисть, напоенную соками твоей земли и давшую живительную влагу, теплом твоего сердца, потом и жизненной энергией твоих предков? Перебродив, она очищается от всякой скверны, от всего злобного и грязного, становится кристально чистой. Давно ли, зачерпнув из квеври (глиняная посуда для хранения вина. — *Л.М.)* вина, смотрел сквозь него на солнце, вознося к Богу мольбу о прощении и здравицу во славу Родины, о здравии живых и поминовении мертвых, о мире, труде, любви, очищении, о жизни, тихонько напевая. И вдруг — песня, которая звучит как гимн жизни бессмертной и вечной!

Как давно ты не воскрешал в памяти гимны жизни своих предков, звуки которых как бальзам напоят все вокруг, окропят камни, родники, цветы, горы, поля, пробудив и оживив их и наполнив пением и танцами? А затем изольются в людские души, очищая и освещая. Сначала исподволь, робко, благоговейно начиная восхождение; и вдруг возносятся, как столп, в неудержимом стремлении к центру мироздания, в стремлении приобщиться по подобию Божьему ко всему светлому. А затем? А затем прогромыхает сверху, прольется на все вокруг, сея добро, и растворится в пространстве, чтобы взорваться с новой силой, с новой энергией, новой любовью и новой красотой, и почувствуешь, что ты — человек, ты — в Боге и Бог — в тебе.

Помнишь ли, как давно не напевал ты «Мумли мухасао» (грузинская народная песня. — *Л.М.),* горько усмехаясь, как давно не отваживался грянуть «Мхедрули» (воинская песня. — *Л.М.),* чтобы сразиться с врагом, защищая родную землю, свою семью, свою колыбель, плоды своего труда, свои памятники, святые могилы предков и святость будущей жизни? Помнишь ли, как погибал в этой борьбе, выполняя свой святой долг, приобщаясь к лику возвышенных святых рыцарей, отдавших жизнь за Родину, и взирая с небес на воцарившиеся на твоей Отчизне мир, святость, любовь?

Пой, пой, воспевай свой народ, свою Родину, ее светлое будущее!

Помнишь ли, как давно ты не надевал украшенную газырями чоху, гордо расправив плечи, пробудив каждый мускул своего тела, давно не парил в невесомости, смело и плавно отдавшись на волю полей безграничного Мирового океана, не летал, чуть помедлив перед взлетом, широко раскинув руки и ноги и окидывая взором все вокруг? «Я в тебе, ты — во мне, все это мое и для меня». А потом? Опустился, спрыгнул, не чувствуя притяжения, ударился коленями, прикоснулся рукой, приласкал свою землю, родимую сторону, свою мать, свое временное пристанище, свою Родину, приник к ним душой, чтобы слиться с его полем, с его телом; обнажил меч для ее защиты, высек огонь, рассеял мрак, бросил головной платок-мандили между враждующими, чтобы помирить, успокоить; как давно не чувствовал, как пробуждается в тебе любовь, доблесть, нужда в покаянии? И невольно вырвался, вознесся ввысь вопль души — любви, величия, переполняющих чувств, стремлений, осознанных и неосознанных, заботливости, истока жизни?!

Помнишь ли, как давно ты не танцевал, а ведь это дар небес, это же в тебе, ты должен передать, научить, одарить других, научиться сам, впитать, понять, оспорить: «Это ведь круг моей души и моих близких, в нем ведь отражены история и традиции моего народа, это ведь наши приемы, которыми мы пользуемся в своем труде, борьбе, любви». Радуйся, что он перенимает, впитывает твое — ты-то знаешь, что это даровано тебе Богом, тебе это доверил и обязал к этому Всевышний — показать, воспитать и передать другим.

Так подхвати, подыграй, танцуй, заставь танцевать других!

Помнишь ли, как давно ты не задумывался над истоками жизни, не высказывал свою точку зрения, разделял чужую, дав обет раскрыть эту тайну, нести не смерть, но жизнь?

Давай жизнь, приумножай жизнь!

Помнишь ли, как давно ты не раскрывал «золотое руно» — в нем ведь заложены душа, разум, помыслы твои и твоего народа. Перелистывай, изучай, восполни плодами своего ума — ведь его страницы безграничны, их надо восполнять, а имя им — прогресс человечества.

Он должен способствовать быстрому возвышению, просвещению человека, помочь ему подняться на новую ступень и оттуда протянуть руку помощи другим.

Трудись, восполняй, учи, помогай другим!

Помнишь ли, как давно ты не вспоминал о Боге, взывая к нему, не посещал святых мест, храмов, не преклонял там колен, не склонял голову, не очищался от зла, не возвышался, не наполнялся покоем, любовью, добром, проявляя уважение к чужой культуре, чаяниям, надеждам, правам и обычаям, религии? Как давно не задумывался над тем, что разные народы по-разному взывают, воспевают и преклоняются перед Богом. Но Бог един для всех. Бог покровительствует всем!

Возлюби Бога и уважай другие религии!

Помнишь ли, как давно ты не вспоминал, не повторял, не передавал, не осознавал, не учил тому, что заложено в тебе, в твоих генах, что впитано тобой с молоком матери и о чем невозможно забыть?

1. Я Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов перед лицом моим!

2. Не создавай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и на земле внизу и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им.

3. Не произноси имени Господа Бога твоего всуе.

4. Помни день субботний, чтобы чтить его. Шесть дней работай и делай всякие дела твои. А день седьмой, суббота — Господу Богу твоему.

5. Почитай отца своего и мать свою, чтобы продлились дни твои на земле, которые Господь Бог твой дает тебе.

6. Не убий.

7. Не прелюбодействуй.

8. Не укради.

9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего.

10. Не возжелай дома ближнего своего, ни жены его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его — ничего, что у ближнего твоего.

И коль все это в тебе и ищет выхода — не удерживай, открой душу, выплесни, выпусти на свет, рассыпь бисером, раздай, раздари, стань сеятелем добра, любви, милосердия, чистоты.

Да снизойдет на тебя просветление! Просвещай, освящай!

Воспламенись и сгори как священная свеча! И тогда в нашем маленьком лазоревом доме, в нашей Отчизне, в наших семьях, наших душах воцарятся мир, чистота и гармония!

Помилуй нас, Господи, помилуй…

Талес.

1995 год.

Да снизойдет на вас благословение Господне, его благодать и человеколюбие, ныне, присно и во веки веков.

Аминь!

Илия П. Святейший и Блаженнейший Католикос — Патриарх Всея Грузии, архиепископ Мцхета — Тбилиси.

Наш двор

Безработица и всеобщий нигилизм часто приводят к печальным последствиям. С затянувшейся апатией, как правило, тяжело справиться и тяжело от нее излечиться. Несмотря на то что в телевизионной эпопее я была права и институционно, и конституционно, никто не спешил возвращать меня на телеэкран, тем более что мое эфирное место ни на минуту не оставалось свободным. Как говорят: «Свято место пусто не бывает».

— Не нервничай, детка, — успокаивала меня мама, одетая в черное, как бы подчёркивая скорбность нашего бытия. — Не время сейчас для экрана, я вот всю жизнь потеряла… Пережди, всё проходит…

После смерти Талеса Манана на время будто отключилась от внешнего мира. Ходила рассеянная, под одежду надевала белье Талеса и разговаривала в основном с его портретом. Эрэкле служил в государственной охране и, оставшись один на посту, наедине с луной убивал свою боль в раненом сердце. Мужчине на Кавказе не гоже лить слёзы, а ему было уже целых 19. Бабушка Нана в необычном для нее амплуа пыталась облегчить Манане ведение домашнего хозяйства и выдумывала абсолютно безвкусные, не существующие в природе блюда. Я же, как самый приземленный член семьи, с керосиновыми бидонами и канистрами с бензином думала о нашем спасении. Маленькому Сандро требовалось много чего, а особенно тепло. Нукри наслаждался холостяцкой жизнью, и поэтому решение каждодневных проблем, конечно же, полностью легло на меня.

Несмотря на то, что я выросла в элитной (не люблю этого слова, но читатель поймет контекст, в котором это говорится) семье, всегда, во все трудные моменты мной явно управлял инстинкт самосохранения «дворняжки». И на сей раз думать нужно было не только о завтрашнем дне, но и о хлебе насущном.

Когда в 60-е годы члены моей семьи из-за нахлынувших патриотических чувств начали процедуру «возвращения к корням» и обмена сочинской квартиры на тбилисскую, желающим оказался русский военный. Он служил в Тбилиси и жил в Сабуртало, в военном городке. Обмен состоялся.

Двор в Сабуртало остался в моей памяти как маленькая, красивая «модель дружбы». По воскресеньям в ухоженный, погруженный в зелень двор соседи почти всех национальностей и вероисповеданий выносили большой стол, ставили на него огромный серебристый самовар и пекли разные булочки из заранее замешанного сдобного теста. Их аромат и по сей день

вьется у меня перед носом, и мое «ароматное эго» удовлетворяется только тогда, когда начинают печь куличи перед Пасхой.

Вот таким был запах «русского двора» на улице в Сабутало, — с армянской аджикой, еврейской мацой и украинским борщом, приправленным по вкусу. Вскоре вместе с неблагоприятными историческими процессами, развившимися в Грузии, исчезла воскресная традиция нашего двора, испарился аромат булочек, затерялись и самовар, и русский язык, объединяющий столько этносов.

Зеленый уголок превратился в безжизненные уродливые бетонные изваяния с огромными пристройками и безликими гаражами.

Мои соседи: русские, евреи, украинцы, армяне, азербайджанцы и белорусы — торопились возвратиться на свои незнакомые исторические родины и поэтому наспех, довольно дешево продавали свои квартиры, мебель и машины. Помню изумление моей матери, когда перед отъездом на Украину жившая над нами семья Якубов, с которой мы дружили, прощаясь, предложила переоформить на нас фамильные могилы.

— Мананочка, дитятко, мы сюда больше никогда не вернемся, оставьте себе наше местечко на кладбище, будете за ним ухаживать, на Пасху крашеные яички класть, а в будущем, дай вам Бог сто лет жизни, может, и вам пригодится.

После этого события у мамы неделю было высокое давление.

— С ума сойти! Как они посмели предложить подарить могилы? Это плохая примета, — никак не успокаивалась Манана.

Очень скоро я поняла, что мама совершила очередную коммерческую ошибку. Ну какой хотя бы чуточку меркантильно мыслящий человек потерял бы огромный участок на кладбище в Сабуртало?

Короче, нужно было искать выход из создавшейся ситуации. Забота о пяти безработных — не такое уж легкое дело, и мне с горя в голову пришла довольно прогрессивная для того периода идея. Со временем я все больше удостоверяюсь в том, что выгодные идеи не приходят на полный желудок. Не зря сказано: гончую собаку, арабского скакуна и женщину нельзя кормить досыта! Возвращаясь к истории нашего двора, добавлю, что жившие в Грузии негрузины, как правило, не разговаривали по-грузински, так как чувствовали себя комфортно и без этого. Абсолютно все знали язык настолько, чтобы заплатить за коммунальные услуги, доехать на такси до аэропорта или вызвать «Скорую помощь».

Волна эмиграции создала дискомфорт именно таким людям.

Составленная на грузинском языке документация звучала для них как китайский, а об интеграции этих людей в общество, конечно же, никто и не думал. Я хорошо приспособилась к этим обстоятельствам. Знавшим меня с детства нескольким соседям я предложила свои условия: они оставляют мне квартиру, пока не устроятся на новом месте, а я в это время выгодно продаю оставленное ими добро и надежно храню сумму, полученную за квартиру.

Дело было довольно трудным, утомительным и бесконечно ответственным. Собирающиеся уехать из Грузии тогда не раз становились жертвами ограблений, поэтому мое деловое предложение было для них единственным выходом из сложной ситуации. Дело усложнялось и тем, что большинство маклеров были связаны с так называемым «черным миром», и бывшие владельцы проданных квартир часто становились живой мишенью.

Представьте, накопленное на протяжении всей жизни имущество за минуту становилось добычей злоумышленников. Каждая вынесенная из семьи и проданная вещь, как туша шакала, манила работавших во всех дворах «наседок». Трудности уезжающих усугубляло и то, что надо было приехать на новое место максимально «свободно», без тяжелого груза, так как перевозка вещей обходилась дороже их стоимости, каждый лишний килограмм требовал лишней траты. Риск был слишком велик и для меня, но процент, получаемый от стоимости проданной квартиры, был тем гарантом жизни, в котором так нуждалась наша семья.

Через короткое время я прослыла в кругу клиентов надежным и пунктуальным партнером, и новые заказы текли рекой. Я купила первую собственную крохотную двухкомнатную квартиру и машину, и, что главное, у Сандро появилась своя комната, обустроенная новейшей техникой! Я ведь всю жизнь мечтала о своей комнате, хоть совсем маленькой, но собственной!

Между прочим, я по сей день жалею, что не превратила свой «квартирный дебют» в выгодный бизнес.

Но мое сердце билось в ожидании совсем «иного», и это «иное» представляло собой необходимый атрибут моей жизни, кислород и правильную самоидентификацию. Я нутром чувствовала, что прерванное дело нужно было продолжить и довести до конца. Телевидение — голубой экран, прямой эфир — было тем необходимым для жизни адреналином и желанной мечтой, что не давали мне покоя ни днем, ни ночью. По ночам мне иногда снилось, что уже идет «заставка» «Песочных часов», а у меня нет текста, или синхрон прошел не до конца, а я не готова

к комментарию. Но то, что у меня больше нет дела в этой организации, мне не снилось никогда.

Заза Дарасели

— Лали, если ты сегодня никуда не убегаешь, может, останешься с ребенком, я хочу подняться на кладбище, — в полусне послышался мне голос Мананы.

— Ладно, ладно, мам, только, умоляю, зажги керосинку… Замерзла, — молила я, укутанная в одеяло, о тепле.

Март подходил к концу, но зима не сдавала свои позиции. По специфическому запаху керосина, устоявшемуся в комнате, я поняла: мама не дала мне замерзнуть.

Каждодневное посещение кладбища стало для Мананы уже обычным ритуалом. Несмотря на неверие в то, что ее Талесико в земле, и вопреки убежденности в том, что он всегда с ней рядом, Манана без устали продолжала украшать могилу новыми букетами. И могильный камень был частью ее дизайна. Она великолепно знала вкус своего супруга, его отношение к жизни, и поэтому на могиле было надгробие, простое и в то же время красноречивое: с авторским автографом — с красивой грузинской вязью «Талес».

— К телефону, — позвала меня Манана с порога и исчезла.

Восьмилетний опыт приучил меня к солдатскому ритму, и через две-три секунды абсолютно пробудившаяся я стояла в коридоре с телефонной трубкой в руке.

— Вы Лали? — спросила незнакомка.

— Да, это я.

— Одну минуту, я вас соединю с господином Зазой Дарасели.

Заза Дарасели? Руководитель «Второго канала», отец Дарсо звонит мне? Почему? Тысячи мыслей хаотично пронеслись в только что проснувшейся голове.

— Лали, я — Заза, — дружески сказал мне голос по ту сторону телефона, словно под этот голос я обычно засыпала и просыпалась.

— Слушаю, батоно Заза, — промямлила я.

— Сейчас поднимайся, одевайся и быстро на телевидение. А что касается твоей фамилии, будь хоть Ивановой, хоть Сидоровой, короче, быстро! — приказал голос и пропал в непрерывном гудке.

Не может быть, сам Дарасели звонит? Может, девчонки меня разыгрывают? Надо спросить у Марикуны, ей свойственно такое, тем более что через несколько дней первое апреля. В прошлом году пришлось давать трехчасовое интервью какому-то бездарному, косноязычному парню, и после изнуряющих часов «корреспондент» заявил: «Извините, сегодня первое апреля, и эту

шутку мне заказала ваша подруга»… В этот же день разъяренная Кети проклинала своего возлюбленного и нашего друга детства Гио: «Позвонил какой-то «доброжелатель» и сказал, что ты встречаешься с Любой из Дидубе». А Марикуна тем временем потирала руки от удовольствия и ждала возле гостиницы «Аджара» свою очередную жертву — нашего друга Гию Буджиашвили. Дело в том, что Гия был уверен в существовании ленинградской красотки, которая позвонила и попросила: «Если принесешь мне много цветных шариков, я подарю тебе незабываемую ночь».

— Что сейчас привело сюда эту девицу? — думал рассерженный Гия, рассматривая приближающуюся Марикуну. — Она и вправду очень похорошела!

Привет, красавчик, город-герой Ленинград и женский отряд под предводительством старшины Салуквадзе готовы к принятию доклада!

Гия моментально выпустил шары и впился в Марикуну взглядом «отцеубийцы».

— Да ну тебя, я с самого начала знал, что это ты, — не признавался от природы дипломатичный Гия, которому в прошлом году Марикуна от имени девчонок подарила одеколон «Кензо», наполненный дешевым керосином, который он на себя и вылил.

— Кет, не знаешь, где Марикуна? — позвонила я Кети.

— Дома, по-моему, у Таты свинка, она с ума сходит, — ответила Кети, зевая. — Ты что так рано встала?

— Да, какие-то дела, — ответила я и с удовольствием исключила участие «своих» в какой-либо «провокации». Жалко было похожую на хомячка маленькую Татуку, но то, что Марикуне было не до розыгрышей, давало надежду, что мне действительно позвонил Заза Дарасели!

— Ба, скорей приходи, — позвонила я бабушке Нане, — мне срочно нужно выйти, и не с кем оставить Сандро.

Нана Еноховна, как всегда, появилась пунктуально.

Я разогрела воду, выкупалась и с мокрой головой прыгнула в машину, — ничего, сейчас включу печку и быстро высохну, — успокаивала я себя и радовалась, что мама не видит меня в таком виде. Ну, не кудри же у меня вьются, а так, жиденько, — подумала я и накрасила губы перед зеркалом.

— Заходи, заходи, — послышался откуда-то голос Зазы, и вскоре появился он сам.

— Как ты, несчастная? — спросил Заза и подмигнул мне.

— Да так себе, господин Заза, — приготовила я обвинительную речь.

— Знаю, знаю, все отлично знаю. Мы поговорили с Русудан, и думаю, что именно ты нужна Второму каналу. У тебя не будет проблем с ребенком?

— Нет, что вы! Все мне помогают, — отвечала я и мысленно благословляла жену Зазы Русудан. Это ж надо, быть такой, чтоб мужу не только не запретить принять на работу новую симпатичную сотрудницу, но, более того, посоветовать это! Много перспективных кадров становятся жертвами невоспитанных, бестактных, напыщенных жен: никчемные вторые половины блокируют пространство вокруг мужей, и часто, придя в какой-нибудь офис, думаешь: это серьезное заведение или агентство женственных, манерных геев и мужеподобных, безликих женщин? Сильной женщине не нужно возводить кузницу героев Босха вокруг мужа, она уверена в своей красоте, женственности и самобытности, ее самолюбие никогда не занизит планку, не опустится ниже уровня, соответствующего ей как женщине и жене.

— Сейчас же спускайся вниз, там тебя ждет режиссер Дато Асатиани, освойся в новой студии и с завтрашнего дня начинай, тоже мне русская!

Прищуренная, с хитринкой улыбка Зазы говорила сама за себя. Морщинки вокруг глаз подчеркивали одну превосходную особенность его характера — все жизненные сложности он облегчал юмором. Глянцевая поверхность телевидения, как правило, легко прокатывала принципиальных людей. Годами устоявшаяся порочная система отбирала только хладнокровных игроков. Но Заза не был игроком. Его непримиримая к этому пороку натура рождала много врагов, но никто из них не смел даже пикнуть против него. Поклонник Маркеса, глубокий философ и порядочный человек по своей сути, он всегда стоял выше суеты бренного мира.

Его отеческая забота распространялась на весь коллектив, так что попавшие на Второй канал чувствовали себя, как в собственной семье, и, естественно, из этих тепличных условий никто не уходил по своей воле. Зазе постоянно приходилось быть рядом с каждым из нас в горе и радости, на свадьбах и крестинах, на днях рождения и других праздниках. И все это с терпением принимала добрая, нежная и точеная, как фарфоровая статуэтка, Русудан.

Ведущими информационных выпусков, как правило, были девушки, поэтому наши нескончаемые проблемы Зазу волновали так же, как и дела его собственной дочери Нино, нашей сверстницы и коллеги.

— Хватит сидеть в эфире! С ума сведут меня эти девчонки,

рожайте детей и приходите потом, — ругался Заза с беременными ведущими. — Что вы тут облучаетесь, хоть бы дитя пожалели!

Я не устану утверждать, что самая большая удача в жизни — это хороший начальник! Не члены семьи, не муж, не друзья, а начальник, который умней тебя, опытней и прозорливей. Только в этом случае у тебя есть шанс для развития, только тогда ты выбираешь правильный вектор и только в этом случае достигаешь профессиональной вершины. Хороший спортсмен это логическое продолжение своего тренера. Можешь стать чемпионом, но тебя погубит тщеславие, можешь покорить высоты, но отказаться от желанной мечты. Только настоящий педагог, тренер и начальник доведут своего ученика до заветной вершины.

Пять лет на «Втором канале» пять лет непрерывного счастья, гармонии и любви. Знаете, сколько это? Именно столько, чтобы энергия, аккумулировавшаяся здесь, согревала тебя всю оставшуюся жизнь. Точно так, как согревают отошедшую в вечность душу Дарасели благословленные им любимые люди.

В тот же год господин Роин Метревели пригласил меня старшим преподавателем на кафедру русского языка в Тбилисский государственный университет имени Иване Джавахишвили.

Моя жизнь как вечный маятник с постоянно прыгающей амплитудой: или я с неистовой силой устремляюсь в высоту с распростертыми крыльями, или с той же скоростью падаю на землю, и чем выше я поднимаюсь, тем болезненнее падаю, но, к счастью, как кошка, — на лапы и с удвоенной энергией начинаю новую жизнь.

Такие странные грузины

На протяжении многих веков грузины являлись народом-толерантом.

Никогда ещё они не оскорбляли ни чужую культуру, ни чужое вероисповедание, ни чужие чувства. Антисемитские и антимусульманские настроения никогда не были оружием в руках маленького православного народа.

Грузины относятся к числу древнейших народов мира, прошедших довольно длинный и трудный путь политической и культурной эволюции. Историческими обстоятельствами, развившимися на протяжении веков, внешними миграционными процессами и толерантностью грузинского народа была обусловлена многонациональность грузинского государства.

Рядом, под одной крышей, живут грузины, армяне, русские, азербайджанцы, осетины, греки, абхазы, украинцы, курды, грузинские евреи, евреи, белорусы, ассирийцы, татары и другие национальности.

Грузия отличается также мозаикой этноконфессий. На территории государства сосуществуют различные религии, религиозные направления и группировки:

1. Православная Автокефальная Церковь Грузии, сформировавшаяся в 30-х годах IV века, ставшая автокефальной с V века.
2. Грузинская епархия Армянской апостольской церкви, которой руководит епископ, назначаемый в Эчмиадзине (Армения).
3. Иудейская религия.
4. Католичество.
5. Мусульманство (сунниты и шииты).
6. Баптизм.
7. Лютеранство.

Кроме того, секты: пятидесятники, адвентисты, молокане, духоборцы, свидетели Иеговы и т. д.

Большинство населения составляют христиане, после которых по численности стоят мусульмане и иудеи. Несмотря на религиозное и этническое разнообразие, именно Грузия имеет право сказать вслух, что она абсолютно свободна от антисемитизма, расовой и религиозной дискриминации.

Символично, что на церковном собрании Руис-Урбниси в 1103 году великим реформатором Давидом IV Агмашенебели (Строителем) были приняты необходимые для централизации страны меры: проведена церковная реформа, ставившая церковь в

подчинение царской власти, военная реформа, включающая в себя переселение жителей Северного Кавказа в Грузию. Именно за счет этих народов началось пополнение населения в Шида Картли, уменьшившегося вследствие войн. В частности, речь идет о заселении армян, осетин, азербайджанцев, ассирийцев, курдов, греков, украинцев и русских на вышеуказанной территории. Этот процесс продолжался вплоть до начала XX века.

С именем Давида Агмашенебели также связано строительство города на месте крепости Гори и переселение армянских беженцев.

Для демонстрации государственного гуманизма Грузии достаточно лишь вспомнить о документе, опубликованном царем Ираклием II, в котором говорится, что каждый человек, будь он грузином, армянином, французом, татарином или евреем, занимающийся торговлей, мог отправить во время призыва в армию вместо себя нанятого человека. Принимая во внимание тот факт, что торговлей и ремеслами в Грузии занимались большей частью негрузины, становится ясной толерантность грузинского царя к этническим меньшинствам.

Как ни удивительно, но чаще всего именно этнические грузины сталкивались в Грузии с проблемами. К примеру, в XIX веке, в 1830 году, из Турции в Триалети было переселено бывшее грузинское население, ассимилированное сперва с греками, а потом с турками, которым были чужды как грузинские обычаи, так и язык.

Этот процесс так же болезненно проходил среди грузинского населения Месхет-Джавахети, поскольку церковная служба, ритуалы проводились на армянском языке, что исподволь способствовало арменизации. Результатом такого рода ассимиляции является также мешанина в происхождении фамилий. К сегодняшнему дню очень трудно определить этимологию множества фамилий. Корень может быть грузинским, а суффикс — армянским или греческим, или же наоборот: Варламов (Варламишвили), Лазиди (Лазишвили).

Грузия всегда была на одном из первых мест по смешанным бракам, поэтому исследование исторического или генеалогического древа в большинстве случаев ведет к обнаружению армянского, осетинского, азербайджанского, русского или греческого генотипа. И именно генетическое разнообразие дало ей столько красивых и одаренных людей.

Иммануил Кант (1724–1804) писал: «Все европейские путешественники, побывавшие на Кавказе, единогласно признают красоту и привлекательность кавказского народа».

Кавказ всегда представлял собой один из труднейших и

интереснейших регионов для европейских исследователей. Как ни трудно себе представить, но американские исследователи пытались провести параллель между большим США и маленьким Тбилиси, где так же рядом друг с другом живут разные народы, слышны разные языки, играют разную музыку, принадлежат к разным культурам, молятся по разным конфессиональным направлениям, но живут под одной крышей и являются гражданами одной страны — Грузии.

Нельзя не отметить, что лишь в одном Тбилиси сегодня, как и прежде, живут представители 80 национальностей. Грузинская историческая толерантность была уже доказана великим царем Давидом IV Агмашенебели. После освобождения Тбилиси от четырехвековой власти турок-сельджуков был издан указ, согласно которому грузинскому христианскому населению воспрещалось резать свиней в кварталах проживания мусульман, чтобы не оскорблять их чувства.

Наиважнейшим является также то, что даже в период ренессанса государственной и политической жизни страны грузинский народ всегда был дружествен и благосклонен к более слабому и малочисленному этносу, в первую очередь, к соседним кавказцам.

Особо следует выделить грузино-еврейские отношения, имеющее 26-вековую историю. Когда во время Второй мировой войны фашистами были истреблены миллионы евреев, именно у главы правительства первой независимой Грузии Ноэ Жордания, эмигрировавшего в Париж после советизации, родилась идея их спасения. Вместе с министром иностранных дел в эмиграции Евгением Гегечкори, изгнанным министром финансов республики Котция Канделаки и министром образования Ноэ Цинцадзе он умудрился приставить к еврейским фамилиям окончания грузинских — «дзе» и «швили», сохранив тем самым жизнь тысячам евреев.

Так что во главе инициативы спасения грузинских евреев в Париже стояло бывшее грузинское правительство, а вывезенные за рубеж национальные сокровища вместе с Эквтиме Такаишвили преданно охранял грузинский еврей Иозеф Элигулашвили.

Если окинуть взглядом старый Тбилиси, то мы увидим синагогу, мечеть и церковь, расположенные на одной площади, — как отражение нашей великой истории. Сделав шаг к современности, мы заметим армянский театр и центр азербайджанской культуры, множество еврейских общин, цыганских ансамблей, клубов курдской поэзии, центров осетинской и абхазской культур, объединение русских литераторов и многие другие многоязычные организации.

На многих языках выходит периодическая пресса. Нужно также отметить, что каждая пятая школа негрузиноязычная. Однако здесь уже появляется тема для полемики.

Во время коммунистического режима в негрузиноязычных школах грузинский язык фактически не преподавался. Это была бомба замедленного действия, которая уже начала действовать. В независимой Грузии мы получили огромную массу людей, не владеющих грузинским языком, следовательно, не читающих юридические документы и не принимающих участия в политической и культурной жизни страны. Все это создает синдром второстепенности, а он, как известно, ни к чему хорошему не приводит. А если учесть, что эти люди представляют довольно значительную часть населения Грузии, то легко можно сделать выводы.

Часто из-за неправильной политики в образовании из негрузиноязычных школ фактически выпускаются потенциальные эмигранты, которые за неимением возможности самореализации или возвращаются на историческую родину, или же эмигрируют за границу. Неужели Грузия может позволить себе роскошь терять своих детей? Если не будет принята государственная программа обучения грузинскому языку, то вышеуказанный процесс ускорится, и то, что было достигнуто нашими предками на протяжении веков, будет уничтожено, и тогда Грузия потеряет свою самобытность и колорит, которыми она гордилась веками.

Именно веками сбереженный и взлелеянный потенциал дает нам возможность интегрироваться в цивилизованный, демократический мир, строить развитое правовое государство, каждый житель которого вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности будет считать себя полноценным гражданином Грузии.

И, наконец, вспомним слова барона де Шая о Грузии:

«Этот народ глубоко мыслящий, если хотите, иногда гениальный. В стране вечна не только красота, но и доброта, отвага, честность, где из сердца исходит благородное гостеприимство грузин».

Новый этап

Знаете, что значит в Грузии одинокая женщина? Во-первых, беззащитность, а это, в свою очередь, не исключает и то, что любого самца, которому придет на ум удовлетворить свой животный инстинкт, практически ничто не остановит.

Телевидение, театр и модельные агентства всегда были центрами удовлетворения мужского эго. Всем работающим в этих организациях женщинам были хорошо знакомы бесцеремонные приглашения, неуместные предложения и многое другое. По выходу из здания телевидения у охранной службы меня частенько ждали разные сюрпризы то цветы, то шоколад, а то и сувениры. Так поклонники выражали свое желание и ждали ответа от измождённых охранников. Нередко незначительный с первого взгляда жест уважения перерастал в грубость и явное преследование. Очень часто после передачи меня обгонял и преграждал дорогу джип какого-нибудь высокопоставленного чиновника.

— Пересаживайся, Лалико, генацвале, а твою машину увезет шофер, — так озвучивалось желание тучного, сытого, самодовольного самца, который тысячу раз прокрутил увиденное несколько минут назад на экране в своей грязной фантазии, сейчас же он желал прикоснуться к добыче и нагло утверждал свою похоть в конвертируемой валюте. Для таких ведь все продается, как неодушевленный предмет, как ваза на рояле или запасная покрышка от внедорожника.

Нереализованная фантазия рождала в разъяренном насильнике реваншистские порочные чувства, и вследствие проявленного сопротивления в мой архив добавлялся еще один мститель.

Такие бега становились утомительными и изнуряющими. Вопреки тому, что второй раз выходить замуж я не торопилась, по ряду причин нужно было срочно принимать решение.

Мишико Готвадзе являлся заботливым и добропорядочным молодым человеком, с кем любая женщина была бы защищенной и счастливой. Постоянное внимание, подарки и, что главное, теплейшее отношение к Сандро стали причиной моего окончательного решения. 21 декабря 1998 года я и Мишико расписались. Эта дата была знаменательна и тем, что именно в тот день вместе с нами расписывались Кети и Гио. Наконец-то, их десятилетний роман подошел к логическому финалу. Решение было спонтанным, незапланированным и, прямо скажем, «джинсовым». Свидетелями друг у друга, соответственно, были

мы сами.

— Ребята, случаем это не какая-нибудь профанация, у нас не будет никаких проблем? — такова была реакция удивленного персонала Дворца бракосочетаний. Их взор был устремлён на наши, прямо скажем, не совсем чистые кроссовки.

— Нет, просто мы решили не терять время, пока мальчики не передумали, — смеялись я и Кети.

Выйдя из загса, мы начали обзванивать родню.

— Мам, я вышла замуж, — сказала я так, будто купила новую пару обуви.

— Лали, по-человечески у тебя не получается, да? — бесстрастно спросила мама, у которой были очень теплые и дружеские отношения с Мишико.

Что поделать, знаешь же, не люблю эту преждевременную суету, а так все разъяснилось, ответила я и подмигнула троим новобрачным. Единственной заботой в тот день был выбор ресторана и приглашение ближайших друзей, да и переодеться не мешало…

Кети и Гио тоже сделали по звонку и уведомили родителей о счастливом завершении долгой любовной эпопеи в ЗАГСе.

Только спустя годы я отметила, что 21 для меня — число сакральное. День кончины Талеса, день моего второго бракосочетания, день рождения Сталина и Михаила Саакашвили, день завоевания титула чемпиона мира среди профессионалов по боксу Георгием Канделаки. Цифра 21 кармически пронизывала мою судьбу.

Рачинцы (Рача — один из регионов Западной Грузии. — *Л.М.)* оказались милыми и гостеприимными людьми. Моя свекровь во время каждого звонка на традиционный, свойственный только грузинам вопрос «Откуда невестка?» (имеется в виду, из какой части Грузии. — *Л.М.)* несколько тушевалась и после короткой паузы отвечала:

— Да тбилисская она, городская.

Впрочем, на этот вопрос ответа нет и у меня. «Откуда дровишки, из лесу вестимо…» По маме сочинке, корнями карталинке (Картли один из регионов Восточной Грузии. — *Л.М.),* или по папе — петербуржцу с кахетинскими корнями? Нет, полная неразбериха! Часто я думала, а ведь было бы лучше, если б вместо двух светских бабушек — высокопоставленных чиновниц: с папиной стороны дворянки Софьи Вачнадзе и с маминой — вечно с сигаретой и чашкой кофе в руке Наны Учадзе, у меня была бы одна сладкая деревенская бабушка, которая к моему приезду пекла бы хачапури, резала цыпленка, утепляла мне ноги, рассказывала деревенские новости и перед отъездом в

Тбилиси заполняла сумки вареньями и ткемали. Если бы я попросила своих бабуль налить мне чаю, они бы точно облили меня кипятком.

Короче, рачинский многоголосый синдикат из множества родственников отмечал наше счастье пару недель. Во время каждого исполнения рачинской «Лапе» у Мананы увлажнялись глаза, и она с особым удовольствием делилась причиной слез гордости с сотрапезниками:

— Видите, как любят мою Лалико, поют песни, написанные о ней, ну что за золотой народ!

Только к концу третьей недели Манана узнала, что «Лале» — не песня обо мне, а прекраснейшая жемчужина рачинского фольклора.

— Не могли мне раньше сказать? — обижалась Манана. — Вот дураки.

— Ладно, ну, Манчо, ты так радовалась, как мы могли омрачить это счастье, — умирали со смеху я и Мишико.

В 1998 году я уже точно знала, что на следующий год стану матерью еще одного грузина.

Непоседа от природы, с учетом того, что Заза Дарасели строго запретил мне облучаться беременной в эфире, я нашла себе альтернативное занятие. Так как мне нужно было много воздуха, по вечерам Мишико выгуливал меня на улице Барнова. Улица была погружена в дым движков, что очень походило на эффект Чернобыля. Решение пришло внезапно. Я вернулась к испытанной мною профессии. Молниеносно продала квартиру в центре города вместе с квартирой бабушки Наны, и мы все вместе переехали на свежий воздух в трехэтажный дом в Ведзиси (холм в центре района Сабуртало. — *Л.М.)*.

Параллельно я осуществляла заветную мечту молодости Мананы — оканчивала аспирантуру и готовилась к защите диссертации. Это в какой-то степени логическое продолжение грузинско-народно-кекельского взгляда, который почему-то разделяла и моя мама. Красный диплом и ученая степень были не личным желанием главного действующего лица, а больше удовлетворением амбиций маминых соседей и родственников. Ведь учёная степень подчеркивает статус семьи.

— Лалико, а в небеременном состоянии экзамены сдавать ты, конечно, не можешь? — спросил с улыбкой ректор уже государственного университета господин Роин Метревели.

— Что поделаешь, батоно Роин, видно, в таком состоянии меня больше тянет к книгам, — отвечала я ректору, по его же милости ставшая его коллегой.

— Да, это точно! А то как бы ты нашла время для науки? Ну,

что хочешь, с чем пришла?

— Ничего, Роин Викторович, ведь помните, 17-го у меня защита, будет и наша кафедра, ничего не планируйте на вечер, — с улыбкой ответила я. — Диссертация!

— Ладно, ладно, помню, но должен сказать тебе одну вещь: уважаемый Резо Амашукели захотел присутствовать на защите твоей диссертации, ведь знаешь, он не только великий поэт, а и критик, вот и подготовься хорошенько.

Прямой эфир, экзамены, тестирования, опросы стали для меня такой обычной процедурой, что я не особенно переживала перед приближающимся днем защиты. Я зачитала презентационную часть моей диссертации и окинула взглядом комиссию, которая брала тайм-аут для вынесения «приговора».

В актовом зале университета я заметила достопочтимого Резо Амашукели и подошла к нему.

— Огромное спасибо, батоно Резо, для меня большая честь — ваше присутствие здесь.

— Для меня тоже большая честь познакомиться с тобой, Морошкина. По дороге сюда я зашел в магазин и купил подарок, если бы мне не понравилась твоя диссертация, ты бы его не получила, — и господин Резо потянулся к карману. Кольцо с огромным синим сапфиром было наградой великого поэта.

— Только знай, юзгар, на этом не останавливайся, пиши, пиши много и этого научи, — сказал господин Резо и положил руку на мой выпирающий живот.

И диссертация, и десертация прошли просто великолепно. Я полностью оправдала надежду университета, но все равно была убеждена, что бюрократическая бумагомания является пустой тратой времени. Ну кому интересны мои научные труды или тема диссертации? В этом городе ведь более актуально соответствие стандартам роста и веса, чем наука. К сожалению, существует непререкаемая сверхпровинциальная догма: если ты не носишь очки с увеличительными стеклами, расчесывала волосы меньше, чем неделю назад, и не волочишь одну ногу, значит, твое серое вещество в лучшем случае предано летаргическому сну. Это, конечно же, результат плебейского мышления, ведь вокруг нас столько одержимых комплексами людей. Соответственно, общественное мнение они и формируют. Так что для блондинок в науку дороги нет.

Маленький рачинец

24 июля 1999 года на свет появился Георгий Готвадзе, милое создание со взъерошенными светлыми волосами.

К тому времени я и мой отец уже полноправно разделяли заботы дочери и отца. В родильном доме отец-педиатр был неоценим.

Моя жизнь и так похожа на венесуэльский сериал, в одной семье столько всего переплелось! Когда начинаю объяснять, сколько у меня братьев и сестер, иногда сама путаюсь в своем рассказе. Значит, так: одна сестра от первого брака Талеса, один брат от второго замужества моей матери и две сестры от второго брака моего отца. Так, в принципе не особенно много. Что главное — у всех нас прекрасные взаимоотношения. Например, мои сестры с папиной стороны так любят моего брата с маминой стороны, что у них друг без друга не обходится ни одно семейное собрание, не говоря уже о том, в какой гармонии друг с другом первая и вторая Мананы-жены моего отца. Мужчины нашей семьи были удивительно «верными», и посему вторые жены папы и дедушки звались именами первых! Короче, я вас утомила!

Папа Виктор отличался большой жизненной активностью. Основатель социальной педиатрии в Грузии отчаянно объяснял непослушным медсестрам, что из-за узких протоков мне запрещено кормить грудью младенца.

— Нет, Виктор Борисович, «кормление грудью» — новая социальная программа, мы ничего не можем сделать, она должна попробовать.

— Что должна попробовать? Говорю, нельзя, это же не первый ребёнок, программа написана мною, но в случае Лали — нельзя, — ругался папа.

Мишико был так растерян появлением маленького рачинца, что в подобных спорах не участвовал, крохотное милое существо спокойно посапывало у него в руках.

Несмотря на наставления отца, медсестра все же попыталась меня потерзать.

— А ну, оставь меня сейчас же в покое! — сказала я с такой зловещей категоричностью, что она пулей вылетела из палаты и примерно через десять минут вернулась с искусственным питанием.

Семейные кланы объединились вокруг маленького Георгия и вели себя так, как будто впервые и только у них родился продолжатель рода, а весь остальной мир уже давно перешел на фотосинтез.

Сандро до безумия полюбил крохотное создание и постоянно прислушивался к мирному сопению малыша.

Маленький Георгий большей частью рос у бабушек и дедушек, я тем временем уехала в Москву для повышения квалификации на телеканале НТВ, а Мишико вместе с партнерами основывал винную компанию.

Зима 2000 года выдалась особенно холодной. По-видимому, мы все пропустили простуду Георгия, и бедный малыш горел от жара. Виктор привел лучших педиатров города, но болезнь все больше и больше побеждала обессиленного младенца. Трудно передать, в каком состоянии были мы, все члены семьи. Наступил пятый день, никто из нас и глаз не сомкнул. Ребенок перестал есть, болезнь прогрессировала. Именно в такие моменты понимаешь, насколько бессилен человек, на какие пустяки тратит время, как напрасно старается, из-за чего портит нервы! Жизнь ведь мгновение, данное на небольшой срок, а мы это кратчайшее время проводим во вражде, зависти и междоусобицах. Пропади пропадом все богатство, золото и драгоценные вещи, все никчемно по сравнению с жизнью, здоровьем.

Врачи уже не дают надежду… Боже милостивый, почему я вспоминаю тебя только тогда, когда мне очень трудно? Но ведь мы договорились, что по пустякам тебя не побеспокою, только касательно мальчиков. Умоляю, спаси его, он ведь такой крохотный и пока некрещеный…

Сабуртало, балкон дома на Будапештской улице и улыбающийся Талес… Ой, папа, как хорошо выглядишь, как я по тебе соскучилась. Помоги мне, папа, у меня ребенок погибает!

— Мордочка, все в порядке… — машет мне с балкона рукой Талес.

— Лали, Лали, жар спал, не чудо ли? У него 37 градусов! — На секунду задремавшей мне послышался счастливый голос Мишико. Эту секунду и бесконечное счастье подарил мне мой добрый ангел, мой Талес.

Козаковы

Дни, проведенные в Москве, наверное, одно из самых приятных воспоминаний в моей жизни. В тот период послом Грузии в России был господин Малхаз Какабадзе, и по приезде в Москву он сразу взял надо мной шефство. Почти каждый вечер Малхаз, его супруга Нино и я шли на открытие какой-нибудь выставки, на концерт или презентацию. Так было и в тот день. Малхаз позвонил мне утром и предупредил, чтобы я ничего не планировала на вечер, так как на Тверской в «Мэрриотте» проводилась церемония награждения лучших брендов года.

Гостиница была полна представителями прессы и московского бомонда. Высокий, смуглый Мамука Хазарадзе в модном полосатом костюме стоял в фойе. Он направился к нам, как только увидел, поздоровался и нервно потер руки.

— Что случилось, Мамука, дорогой, нервничаешь? — спросил его Малхаз.

— Как же нет, господин посол, столько претендентов. Куда нам до них!

— Дела не так плохи, хорошее качество никогда не теряется, — успокоил его Малхаз и пригласил Нино и меня на второй этаж в празднично украшенный зал.

В гостинице классического стиля витал головокружительный запах разного парфюма, виски и дорогих сигар, который действовал одурманивающе. Красивейшие гламурные московские дамы и утонченные, объездившие Европу русские мужчины представляли новую элитную прослойку современной финансово-устойчивой России. Все вышеупомянутое больше походило на ожесточённый поединок золота, бриллиантов и других драгоценностей на аукционе «Сотбис», чем на церемонию награждения брендов. Да, Москва тонула в роскоши! И вот настала долгожданная минута. Несмотря на то что всего пятнадцать минут была знакома с Мамукой, я всем сердцем болела за него, в конце концов он грузин, да и бренд — лучший, почему бы и нет?

— Лучшим брендом года признана компания «Боржоми» и ее глава Мамука Хазарадзе! — уведомил со сцены конферансье.

В зале раздались аплодисменты. Ведь русским, как и грузинам, хорошо известен животворящий вкус «Боржоми» во время похмелья! Малхаз, Нино и я поздравили Мамуку с большой и заслуженной победой.

— Не расходитесь, — предупредил нас Мамука, — сейчас позову своих, и айда отмечать!

— Если можно, я вас оставлю, — скромно сказала я, так как было неловко оставаться в незнакомом обществе.

— Что ты, наши журналисты должны постоянно быть рядом с нами, так, Малхаз? — дружески сказал Мамука, и я больше не колебалась, тем более что мне представилась отличная возможность для подготовки свежего материала.

На банкете «Боржоми» было много российских коллег, представителей дипломатического корпуса и грузинских сотрудников офиса. Во главе застолья сидел тамада.

— Дорогие друзья, во-первых, большое спасибо за признание и за такую любовь к «Боржоми», и, что главное, генацвале, часто пейте «Боржоми», как это делает моя старая бабушка. Поверьте, наша вода продлевает жизнь! — восхвалял Мамука лучший бренд года.

Вечер закончился так же красиво, как и начался. Малхаз и Нино проводили меня до гостиницы и пообещали мне еще много сюрпризов. Все-таки, как хорош большой город! Постоянно кипит и, если не совпадешь с его ритмом, тебя унесет и смоет в унылую каждодневность.

Я уже собиралась спать, когда в трубке послышался голос Мананы Козаковой:

— Лаличка, ты в Москве? — спрашивала Манана, хотя сама же позвонила на московский номер.

— Да, и ты? — удивленно ответила я и посмотрела на высвеченный на циферблате номер телефона.

Я, Тинатин и Чола (Леван Цуладзе, художественный руководитель театра им. Марджанишвили, супруг М. Козаковой. — *Л.М.)* приехали на юбилей папы. Твоя мама сказала, что ты в Москве, так вот, мы хотим тебя пригласить. Только не говори, что занята!

— С ума сошла, как я скажу, что мне некогда на юбилей Миши Козакова? Где и когда? — сразу перешла я к делу.

— Короче так, вечером в 6 часов на Арбате, где зоомагазин, как штык, жди там, я приду за тобой, и театр там же, в двух шагах. Ну, до завтра.

— Пока, — попрощалась я и еще раз оценила привлекательность большого города. — Вот это кайф!

«Москва, звонят колокола…» — напевала я перед сном, виртуально рыская в шкафу, чтобы подобрать одежду назавтра. Все-таки что значит генетика, зовет кровь — и все тут, хоть лопни!

Свадьба Мананы и Чолы отдельная история. Увидели друг друга, полюбили, и все, без лишней суеты накрыли стол. Застолье с актерами и режиссерами украсило бы любой шедевр маэстро

Феллини: поэзия, песни, танцы, абсурд и, что главное, любовь — красиво оформленное, немыслимо прекрасное зрелище. Белолицая и черноглазая Тинатин же — логическое продолжение всего вышесказанного.

Привлекательная, удивительно мобильная, практичная Манана и постоянно думающий, новаторски мыслящий Чола представляли маленький семейный клан с высочайшим талантом. Присутствие на юбилее Михаила Козакова, да еще в статусе ближайшего родственника, разумеется, было приятно и почетно. Знаете, что такое московская поздняя осень? Это еще хуже, чем зима, ведь зимой ты морально привыкаешь к морозу и холоду, а вот когда на календаре ноябрь, а термометр показывает минус 10 градусов — это просто нечестно! Вот тогда и понимаешь практичность и предусмотрительность русских женщин, и становится ясно, почему местные красавицы надевают на свидание теплые, неуклюжие меховые сапоги. Зимой фойе российских ресторанов, концертных залов и оперы напоминают кулисы известного кутюрье, где модели из-за нехватки времени быстро, на ходу меняют одежду. Именно так меняют теплые грубые сапоги на изящную обувь с высокими каблуками закоченевшие от холода дамы. А ещё из-за соли, насыпанной для таяния снега, как правило, «тают» сапоги, навсегда выходя из строя.

Красив был вечерний Арбат: матрешки, ушанки, военные ордена-медали и прочая всякая всячина как магнит притягивали туристов. Наряженные в национальную одежду фольклорные танцевальные ансамбли с задорными славянскими напевами веселили продрогших от холода гостей столицы.

Согласно инструкции, полученной от Мананы накануне, я встала у зоомагазина. За витриной дружно дремали пригревшиеся возле радиатора два противных хомяка и облезлая кошка.

Через полчаса я продрогла от мозга до костей. У меня было такое чувство, что тщательно подобранный в честь Миши Козакова французский сарафан из шелка с открытой спиной превратился в лед. Ноги окоченели, будто я стояла босая на плодородной русской земле. Мананы нигде не было видно, единственным спасением было находившееся возле зоомагазина кафе «Арбат». Сто граммов разморозили мне мозги, вернули способность к мышлению, и, чуть согревшись, я опять вышла на улицу. Прошел еще час, и я испытала на себе, что чувствовали живые существа в ледниковый период. Я с завистью посмотрела на обитателей зоомагазина: им не о чем волноваться, и вновь вернулась на теплый остров, в кафе «Арбат».

В результате перманентного принятия по сто граммов через каждые полчаса картина радикально изменилась. Хомячки в зоомагазине стали удивительно милыми, а облезлая кошка превратилась в гордого потомка сиамского кота. На этом галлюцинации не закончились. По Арбату прямо по направлению ко мне шел красивый, гордый, с широко расправленными плечами герцог Анжуйский. «Неужели я столько выпила?» — подумала я и повернулась к витрине.

— Морошкина, да? — послышался за спиной голос Анжуйского.

— Да, — сказала я растерянно. — Ну всё, конец…

— Я — Кирилл Козаков, Мананин брат. Извините, Манана и Леван задержались с папой и ждут вас в театре.

«Тьфу ты, слава Богу», — с облегчением вздохнула я. Идентификация Кирилла Козакова с одним из главных героев российского сериала «Графиня де Монсоро» окончательно вернула в реальность. Я украдкой от Кирилла показала дулю хомякам и облезлой кошке, вновь ставшим противными, и гордо последовала за «спасителем» завоевывать русский бомонд.

На Манане и Чоле, подобно мне, был заметен утренний хмель. «Встреча на Эльбе» переходила в решающую фазу.

Юбилейный вечер попеременно вели два гениальных российских актера — Ширвиндт и Гафт. Роли, сыгранные ими, навсегда запечатлелись в памяти советского и постсоветского зрителя. Несравненный юмор, прозорливость и остроумие были их фирменными знаками. На сцене с поздравлениями и воспоминаниями прикольных историй сменяли друг друга представители российской театральной и эстрадной элиты. Манана, Чола, я и Тинатин смеялись до слез. Правда, маленькая Тинатин многого не понимала, но, глядя на нас, веселилась не меньше нашего, время от времени указывала пальцем в сторону сцены и на ломаном русском громко повторяла: «Это мой дедушка!» И вот настал кульминационный момент вечера. Ширвиндт пригласил на сцену жен, детей и внуков Михаила Козакова, и в театральном зале остались практически только я и Чола. История Мишиных многократных женитьб удивила бы и самого иранского шаха.

— Мои все-таки самые красивые! — гордо сказал Чола, указав на сцену, и это было абсолютной истиной!

— Мананкина подруга? Лали? Очень приятно, — пожал мне руку спустившийся со сцены маэстро. — Будем дружить!

Банкет больше походил на передачу «Вокруг смеха». Обессиленная от эмоций, я жалела только об одном — было бы неплохо устраивать такие же вечера и в Тбилиси, ведь мы

носители этой общей культуры. Столько лет жили вместе, и из-за одного-двух бездарных политиков не стоит терять общие православные корни. Решено! Во что бы то ни стало я должна пригласить Михаила Козакова в Тбилиси, чтобы и грузин сделать участниками этого безмерного наслаждения любовью и гармонией!

«Вестник»

Несмотря на то что грузинские курорты и вправду принадлежат Грузии, а не, скажем, Монако, они удивляют отдыхающих европейскими ценами. Например, цены в Бакуриани и в Альпах значительно отличаются друг от друга в пользу Альп. Бесконечное сопрано скучающих мамаш отобьет охоту к отдыху у кого угодно. А количество выкуренных сигарет и выпитого кофе юными леди вывело бы из строя внушительную часть разведчиков Маньчжурии и закаленных в бою ниндзей.

— Гиуна, дедико (мамочка — *Л.М.*), выходи из бассейна, выходи, сынок. Слушай, иди — говорю! Оглох, что ли, вах!

— Ладно, ну, дее, еще чуть-чуть… Прошу, еще чуток…

— Выходи, а то я сейчас же позвоню твоему отцу!

— Гванца, не заплывай за 25-метровую отметку, слышишь, не заходи — говорю, надень очки, зачеши волосы, закрой рот.

— Ника, не играй с собакой, укусит, о-о-о, не можешь понять с первого раза? Хочешь сорок уколов в живот, да?

— Резико, генацвале, время обедать, что тебе взять? Что? Не слышу! Только творога и сметаны тебе не хватит! Съешь котлету или не увидишь санки, как своих ушей, вай!

— Бидзина, приезжай, а то Гивико совсем меня не слушается! Ладно, меня сюда сбагрил, а сам там гуляешь, да? И денег больше нет, Бидзина, слышишь, не своди меня с ума!

— Да, мама, алло, да, не простынут, да, две пары рейтуз и шапка надеты, сегодня ел макароны и телятину, да, мам, да, и медом кормлю, и мацони (кисло-молочный продукт. — *Л.М.*), ну конечно, подогреваю…

Многоголосый хор мамаш превращался в эхо в фойе гостиницы и, как бумеранг, возвращался с такой силой, что совсем неудивительно, что отцы, как правило, отправляли шоферов за своим дорогим семейством или без проблем доверяли взлелеянных, избалованных представителей новых поколений своим женам, которые совсем недавно научились водить автомобиль.

Из-за того, что всем было хорошо известно мое «теплое» отношение к грузинским курортам, маленького Георгия я провожала только до места назначения, а дальше за ним ухаживали заботливые родители Мишико.

Зазвонил мобильный телефон, и по ту сторону провода я услышала голос Зазы Шенгелия.

— Лап, ты где?

— В Бакуриани, кто говорит?

— Заза Шенгелия, ты мне срочно нужна, ведь знаешь, на Первом канале реорганизация, я должен тебе кое-что предложить.

— О'кей, завтра утром приеду, — сказала я и, сильно заинтригованная, не спала всю ночь.

На следующий день я была в комфортном кабинете шефа Первого канала.

— Короче, так, я и Марк Александрович поразмышляли и решили, чтобы ты вела «Вестник». Между прочим, эта идея понравилась и Нугзару Попхадзе, — говорил Заза.

Мои сестры, Нино и Софья, были соседями господина Нугзара, весьма влиятельного медиамагната, а Софья — даже свидетельницей на свадьбе его дочки — Натии, поэтому я не удивилась протекции господина Попхадзе. Нет, вру — все-таки удивилась! Ну кто сегодня замолвит за тебя словечко по собственной инициативе?

— Заза, знаешь, сколько времени я не говорила на эфирном русском? После «Тамариони».

— Ладно, для тебя это не проблема, чуток поупражняйся, и все. Короче, завтра ты — в эфире.

— Завтра? — спросила я и поняла, что меня ждала очередная лингвистическая трансформация.

Господин Марк был одним из первых телевизионщиков, соответственно, у него был огромный опыт и здоровая амбиция знания своего дела. Работать с ним решался не каждый. Новоиспеченные ведущие долго не удерживались с довольно жестким и требовательным руководителем. Набор уловок Александровича не знал предела.

— Заходи, Морошкина, значит, с сегодняшнего дня мы — партнеры? — спросил он меня с улыбкой.

— Да, господин Марк, только дело в том, что я давно не разговаривала на эфирном русском, и мне надо переключиться.

— Что за проблема, механизм, что ли, заело? — рассмеялся Марк, и я принялась за дело.

По нескольку часов в день я читала русские тексты и усовершенствовала речь.

День за днем наши отношения превращались в настоящую, стойкую, испытанную временем крепкую дружбу. Лия Бурчуладзе, Марк Рыбкин И Цира Лабаури, эти корифеи телевидения, стали моими лучшими старшими друзьями и спутниками жизни.

В начале нынешнего века у Парламента Грузии была одна хорошая традиция — раз в год в Сочи устраивались футбольный матч и так называемая встреча «без галстуков» с депутатами российской Государственной Думы. Несмотря на то, что я обычно не работала над сюжетами, и моим делом был студийный эфир, в

один прекрасный день шеф заявил мне, что на освещение очередной дружеской парламентско-думской встречи должна поехать я. Причин было несколько: во-первых, конечно же, знание русского и, во-вторых, экономия гостиничных трат, так как буквально половина Сочи — мои родственники и было где остановиться на халяву.

— Езжай, Матроскина, заодно своих повидаешь, три-четыре дня без тебя как-нибудь переживем, вот, Миша Робакидзе поможет. — Миша был моим напарником, который вел «Вестник» по понедельникам и, кроме этого, подготавливал сюжеты для ОРТ.

— Ладно, с удовольствием, а женщины в делегации будут?

— Ты что, какие женщины на футбольном матче?! Да еще в нашем Парламенте вот прям такие, только спортивные трусы и надевай. Боже упаси. А ты чего, рехнулась, с каких пор это ты бабами интересуешься?

— Да ладно, Марк Александрович, я серьёзно. А чьей идеей было выбрать Сочи? Да жены этих «корифеев футбола» все волосы пообборвут себе! — рассмеялась я, представляя отчаянные лица вторых половинок парламентариев, провожающих своих мужей.

— Да, не говори, событие не для слабонервных… Все, собираешься и завтра выезжаешь в Поти. А оттуда вас перевезет «Комета».

— О'кей, босс, понятно, а оператор?

— Оператор едет из пресс-центра Парламента, и, надеюсь, вы сработаетесь. Привези как можно больше синхронов, тем более, что при неофициальных обстоятельствах россияне более красноречивы.

— Ну совсем как я, да? — подмигнула я Александровичу.

— Марк, меня тоже отпусти, а? — заканючила Цира Лабаури. — Ведь знаешь, сколько всего меня связывает с Сочи. Ух, Дагомыс у меня постоянно перед глазами. Помнишь, Марк, какое было время? Хоть бы на денёк вернуть прошлое…

— Да, Цирико, как не помню, но что мне поделать с этим проклятым бюджетом, а то, вот и Матроскина остается у своих, даже оператора берем взаймы, разве это нормально?

Цира и Марк еще долго продолжали дебаты вокруг «это нормально», я же отправилась покупать сувениры для сочинцев.

Назавтра в Поти меня ждала встреча с парламентариями.

— А говорят, что женщина на корабле к несчастью? — послышалось мне чье-то шипение, и я поняла, что не ошиблась насчет позиции вторых половин парламентариев. В таких случаях я сжимаю руки в кулачки, чтобы не сглазили, но это не всегда помогает, и время от времени я то подворачиваю ногу, то падаю

на ровном месте. Короче, после совместной ядотерапии с прекрасной половиной человечества я и четырнадцать членов Парламента Грузии тронулись, дабы разбить российскую Думу в пух и прах.

«Комета» больше походила на выехавший из затерявшегося мексиканского села автобус «Эль Корасон», нагруженный всяким скарбом. По сей день не могу понять, почему в Сочи перевозили кур и даже овец? Но ведь этот пестрый кавказский народ не поймешь!

Из-за того, что побережье Абхазии было не совсем безопасной зоной, «Комета» взяла курс довольно далеко в море, и, соответственно, дорога удваивалась. После нудно тянувшихся шести часов, наконец-то, показался долгожданный берег. Оставшиеся без контроля парламентарии за минуту превратились в мальчишек и с таким шумом встречали приближающийся порт, будто наша корытообразная «Комета» была кораблем Колумба, а они — юнги, один из которых вскричал: «Terra Incognita!», и неизвестный берег навсегда отобразился на картах мира.

Футбольные матчи были больше похожи на борьбу членов клуба любителей пива, и «спортсмены» не чувствовали недостатка в этом напитке. Вечера заканчивались характерными для таких встреч банкетами, танцами и разлитыми в русско-грузинской любви шумными тостами, тем более, что россиян, кроме пузатых парламентариев, украшали привлекательные спортивные обозреватели женского пола. Наташи, Люды и Ларисы действовали как бальзам для вырвавших из семейного заточения горцев.

Я вдоволь «набылась» у родственников и еще раз подумала в сердцах, интересно, зачем моя бабушка уволокла нас из этого прелестного города. Воспоминание о «Комете» вызывало тяжелые ассоциации, но другого пути не было.

По прибытии в порт мы заметили странную суету, члены экипажа нашего злосчастного плавательного аппарата разводили руками и что-то выясняли на мегрельском. Вот уже в который раз мне пригодился вдолбленный прабабушкой Аграфеной мегрельский. Я легко уяснила: у «Кометы» вышел из строя один двигатель, поэтому плыть нужно очень близко к берегу. Учитывая то, что в нашем составе были и депутаты из «расстрельного списка» абхазов, а также другие важные персоны, это казалось невозможным, мы представляли довольно выгодную добычу. Не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы догадаться о коварных планах, которые созрели в головах у некоторых, тем более что неделю назад абхазы угнали с берега Черного моря сейнер с рыбаками и до сих пор не торопились его возвращать.

С похмелья депутаты поздно докумекали до сути грозящей опасности, а поняв, так запаниковали, что бледность многих была заметна даже под загорелой кожей.

У меня тем временем началось прямое телефонное включение в «Вестнике», я передавала Мише Робакидзе короткое содержание происшедшего. В это время в эфире послышался хриплый голос Марка:

— Всех к чертовой бабушке, Матроскина, держись, моя девочка! Уходи к своим и сиди, пока всё не успокоится. Видел я этих депутатов в гробу в белых тапочках!

Что самое главное, эти слова были слышны в прямом эфире, Александрович так волновался, что, несмотря на многолетнюю практику и большой профессионализм, на первое место поставил именно меня, своего сотрудника, младшего друга и журналиста, и дал понять всей стране, что командный принцип всегда оправдан!

Нам же пришлось возвращаться через Ереван. По приезде в Тбилиси нас ждало множество журналистов. Первым, кого я увидела, был Марк, он так обнял меня, будто перед ним предстала вернувшаяся с Дидгорской битвы. (Битва между грузинами и турками 1121 года. — *Л.М.)*

— И чтоб больше никаких поездок! — сказал он мне и снял запотевшие очки.

Как потом выяснилось, абхазы и вправду готовили операцию по нападению на грузинских депутатов, на нашей стороне находился какой-то абхазский авторитет, и представительная делегация стала бы хорошим «поводом» для его обмена.

«Женщина на корабле — к несчастью», по-видимому, вышесказанное — многовековая практика, испытанная моряками.

«Моя Грузия»

Время работы в «Вестнике» в смысле профессионального роста принесло много пользы. В моем жизненном архиве уже фигурировало звание «Лучшего журналиста». Полная гармония с шефом и коллективом, учитывая пестроту и неоднородность внутренней кухни телевидения, была большой роскошью. И все-таки меня не оставляло чувство неудовлетворенности. Наверное, это было обосновано и тем, что у меня шла непрекращающаяся борьба с собой. Увеличивающаяся тенденция моего отождествления с русскоязычным ведущим пускала на ветер мой труд за все предыдущие годы. Еще немного, и в сознании грузинского общества я навсегда осталась бы как русская, настоящая русская — речью, менталитетом и сущностью! Нужно было делать выбор, но между чем?

Уволенные с телевидения журналисты часто теряются в бесконечном водовороте жизни. Когда-то известные, талантливейшие и красивейшие дикторы телевидения Грузии из-за реорганизации оказались за бортом. Выяснилось, что телевидение выбивало из работающих в нём людей иммунитет. Известные лица со временем изнашиваются, а профессия журналиста подразумевает жёсткий график, ведь не будем же мы после пятидесяти бегать по улицам, как не будем оскорблять эстетический вкус зрителей естественно и синхронно прибавившимися морщинами. Куда идти работать после русскоязычной передачи в Грузии: в русскую школу или в привокзальную диспетчерскую? А взлелеянные грузинский язык и традиции?! Чем я отличаюсь от русскоязычных граждан, которых незнание грузинского языка превращало во второстепенных членов общества на родине, да, может, не на исторической, но на собственной родине. Мы ведь в первую очередь граждане Грузии!

— Заза, у меня к тебе дело, — позвонила я шефу-новатору телевидения Зазе Шенгелия.

— Отлично, мне тоже надо сказать тебе несколько слов, — ответил Заза довольно сдержанным тоном, — жду у себя.

Комната Зазы была на третьем этаже. Секретарь сказал, что шеф ждет меня.

— Сколько раз тебя предупреждать, чтобы ты больше не появлялась на обложках журналов, я ведь просил, сперва делают пиар ведущие грузинских передач, а потом — ты!

— Причем это, Заза, кто интересен корреспонденту, к тому тот и идет! — отвечала я.

— Так, да? Что это? — и Заза достал свежий номер журнала

«Бомонд», где я красовалась на всю обложку в кожаных штанах, сидя на мотоцикле.

— Это рубрика «Хобби». Что, нельзя? Если о других можно писать, где и как они загорают или в чём спят ночью, почему это неприемлемо для меня?

— Потому, что ты ведешь «Вестник» на русском, а не «Моамбе» на грузинском, поняла? Мне нужен основной пиар грузинской информационной передаче, а ты делаешь перехват.

— О, и я как раз о том же. Короче, Заза, я решила так: или ты даешь мне какую-нибудь грузинскую передачу, или я ухожу с телевидения, на этот раз навсегда, на свете есть много и других интересных дел.

— С ума сошла? — спросил меня удивленный Заза. — Какое время для этого? Нет у меня грузинской передачи, нет! А что ты — Дадиани? (Княжеская грузинская фамилия. — *Л.М.)* Чем тебе не нравится «Вестник» Морошкиной?

— Вот в том-то и дело, что я не хочу обрусеть, у меня и так русская фамилия. Если можешь, дай мне грузинскую передачу. Да еще хронометраж «Вестника» очень короткий, и я не успеваю донести до зрителей суть происходящего.

— Меня это не волнует, — был ответ Зазы, — ведь знаешь, с телевидения по собственной воле не уходят. Ты каждый день в эфире, тебя знают люди, у тебя большая зарплата, чего тебе еще, что, бес попутал?

— Передачу на грузинском, и точка! — ответила я и положила на стол заранее подготовленное заявление об уходе.

— Кажется, ты спятила, кто тебя будет помнить, когда уйдешь отсюда? И вообще, кем ты будешь? Только телевидение способно дать этот кайф. Ты будешь никем, слышишь, никому ты не будешь нужна, так и исчезнешь, будто тебя и не было! — злился Заза.

Я буду никем, да? Телевидение это «Остров свободы», а его шефы, как правило, мини-Фидели Кастро. Их приказ обсуждению не подлежит, телевизионные совещания больше похожи на выплеснувшиеся фонтаны накопленных личных обид. Каждое даже кулуарно сказанное слово может быть использовано против вас! Телевидение — болото, но какое любимое болото…

Труднее всего было расставаться с любимыми людьми: Зура Двали, Лия Бурчуладзе, Цира Лабаури, Марк Рыбкин, Миша Робакидзе и еще много коллег и друзей благословляли меня в новую дорогу, проходящую мимо голубого экрана.

— Послушай старого умного еврея, останься, — уговаривал Марк.

— И вправду, Лалусик, может, ты поторопилась? —

подхватил пафос Марка мой давнишний друг Зураб Двали, работающий продюсером на Первом.

— Нет, точно знаю, решено! Или сейчас, или никогда! — твердо отвечала я.

«Потеряюсь? Никто меня не будет помнить? Еще как будут помнить!» — сердилась я и лелеяла пришедшую сгоряча идею. Очень хорошо, значит, так, сейчас же звоню Юрию Мечитову и прошу сделать фото для большого билборда, который я повешу перед телевидением! «Не будут помнить, да? Подождите, ещё глаза замозолю», — угрожала я Зазе мысленно.

Заза подписал мое заявление только через две недели. Отделу кадров пришлось принять заявление об уходе, которое «украшала» множество раз перечеркнутая игра в «крестики-нолики», — Шенгелия был уверен, что через два-три дня я остыну, и заявление окажется в мусорном ведре.

Я не остыла. Более того, плакат три на шесть практически был завершен, не доставало только надписи. Что мне написать, думала я, свои имя и фамилию? Как-то нескромно, тоже мне нашлась леди Ди. Ведь не напишу же я «Прощай, Заза!» или как плакат у въезда в Тбилиси «Помните Абхазию» — «Помните безвременно сошедшую с экрана Морошкину»?

В голове рождались различные мысли, и вдруг я оглянулась на пройденный мною путь. Школа с постоянными вопросами: «Ты здесь откуда?», на телевидении вечная миграция с канала на канал из-за нестабильной политической погоды. И сколько на свете похожих на меня? Я хотя бы грузинский знаю, а ведь другие вообще изгои. Помню, однажды я плохо себя чувствовала, и передача сорвалась, из-за чего коллектив «Вестника» весь день пересказывал по телефону последние события дня. Значит, интерес — безгранично большой, а возможностей ноль. Информационный вакуум и бесправие этнически негрузинского населения, которое вспоминают только перед выборами как выгодный электорат, приведут к новой волне эмиграции. И так нас осталась половина, а если уедут и эти люди? Разве не лучше помочь им, включить их в процесс интеграции, обучить грузинскому, ведь эта страна принадлежит и им тоже, Грузия — моя, твоя, его. Моя? Да, правда — моя, так говорят и армяне, и азербайджанцы, и курды, и я так говорю — моя Грузия!

Через три дня перед телевидением висел огромный плакат. Мое изображение украшали надписи на всех языках этнических меньшинств, проживающих в Грузии, — «Моя Грузия».

Спустя ровно месяц я создала неправительственную организацию «Моя Грузия», в число основателей которой также вошли Зура Двали, Манана Козакова и Мамука Арешидзе.

Приближалась презентация. После консультации с Мамукой было решено пригласить все существующие в Грузии неправительственные организации, которые работают над проблемами малых этносов. Список получился довольно внушительным. Осетины и абхазы, русские и армяне, азербайджанцы и казаки, курды и чеченцы — именно тот настоящий Кавказ, где мы все вместе должны были жить мирно.

В это время я вспомнила о московском юбилее Михаила Козакова. Как было бы классно, если бы он согласился приехать на нашу презентацию, да еще без гонорара! Мысль, похоже, была утопической, но я все равно попытала удачу.

— Манана, где Миша? — спросила я, позвонив.

— Какой Миша, Лолик? — вопросом на вопрос ответила Манана.

— Твой отец, что с тобой? — продолжала я, будто Михал Михалыч каждый вечер был моим личным гостем.

— В Москве, наверное, если не на гастролях, а что такое? Зачем он тебе?

— Знаешь, что я подумала, как было бы здорово, если б он приехал на презентацию нашей организации! Я как-нибудь достала бы деньги на билет и гостиницу, на один-два дня никто мне не откажет, а вот денег на гонорар — нет. Может, ты попросишь?

— Не знаю, Лолик, позвоню. По правде говоря, не представляю, что он скажет, — безнадежно сказала Манана. — Вечером тебе перезвоню.

Голова раскалывалась от идей, но ответ главного действующего лица висел пока в воздухе.

— Ты не представляешь, что случилось! Миша дал добро, сказал, что на той неделе у него — люфт, и ему нетрудно, а Чола дает нам сцену «Театра в подвале». Короче, начинай печатать пригласительные! — щебетала радостная Манана, я же, оглушенная, слушала поистине фантастическую новость! Вот это чудо! Сам Козаков согласился, да ещё и бесплатно!

Жаркий летний день 2001 года в Ваке отличался многолюдностью. Множество представителей неправительственных организаций, государственных структур, министры, выдающиеся люди Грузии: Софико Чиаурели, Гига Лорткипанидзе, Гурам Сагарадзе, Мераб Кокочашвили хвалили нашу инициативу и с нетерпением ждали начала мероприятия. Рома Рцхиладзе, Дута Схиртладзе, Нана Шония и другие близкие нашему менталитету молодые профессионалы сцены ожидали феерического вечера. Зал оформил художник, супруг Наны, Шотико Глурджидзе, и наша сцена была шедевром, как все им

сделанное.

Вечер начался торжественно. Великолепный фольклорный ансамбль «Университет» исполнил традиционное грузинское «Мравалжамиери», детские фольклорные ансамбли разных этнических групп зажигали сцену. Зураб Двали поведал обществу причину собрания и пригласил меня на сцену.

— Мы все — дети Грузии, это наша родина, — начала я. — С этого дня в нашей стране появилась еще одна неправительственная организация, которая будет заботиться о защите ваших прав, работать для того, чтобы еще больше укрепить наше единство и материализовать желание мирного сосуществования. Прошу на сцену господина Михаила Козакова. — Настал кульминационный момент торжественного дня.

Михал Михалыч был удивительно импозантным и таинственным. После приветствия он потребовал вывести из зала детей и отключить мобильные телефоны. Несмотря на проявленное сопротивление, маленькому Георгию пришлось покинуть зал.

Со сцены на протяжении нескольких часов лились русские и грузинские поэтические шедевры. Важа-Пшавела в исполнении великого маэстро под аккомпанемент саксофона рождал совершенно новый, неизвестный мир. Мы все сидели совершенно зачарованные, и погруженный в дымовую завесу, каждый думал о своём… Но все хорошее когда-нибудь кончается, и этот вечер тоже должен был прийти к завершению.

Часто думаю, что благословление многоуважаемой Софико Чиаурели сопутствует мне и по сей день и облегчает жизнь.

— Девочка моя, ты даже не представляешь, какой ты мне подарок преподнесла, — я навсегда запомнила эти слова великой женщины.

В тот день меня наградили дипломом Союза казаков Грузии, — присвоили мне звание казачьего офицера и, соответственно, дали право носить форму и оружие. Награда казаков и по сей день украшает мою рабочую комнату. Ну вот я и атаманю периодически.

На презентации не хватало одного человека, которого я ждала с нетерпением, — друга детства.

Неожиданно для меня большое внимание проявил официально приглашённый на презентацию премьер-министр Зураб Жвания, лично позвонивший и поздравивший меня.

— Добрый день, Лали, классная инициатива, а ты умница! Постарайся в дальнейшем координировать свои действия со мной.

Поздравил и начальник администрации президента.

— Госпожа Морошкина, здравствуйте, я — Петре Мамрадзе, поздравляю с созданием новой неправительственной организации. Господин Эдуард Шеварднадзе извиняется, что не может прийти, так как в Александровском саду обнаружили бомбу, и назначено экстренное заседание Совета безопасности, но он передает, что очень скоро встретится с вами.

— Большое спасибо, батоно Петре, — сказала я растерянно. «Президент извиняется передо мной, надо же?!» — подумала я и вернулась к гостям.

— Большое спасибо за такой праздник, — сказала мне улыбающаяся красивая женщина в туго завязанном на голове платке.

— Познакомься, Мека Хангошвили, — представил меня Мамука Арешидзе. — Мека — из Панкиси. (Панкисское ущелье — место компактного поселения чеченцев-кистинцев, где нашли приют чеченские боевики. — *Л.М.)*. В 1993–1994 годах она читала курс биофизики в государственном университете Грозного…

— Очень приятно, — сказала я и поняла, что сегодня познакомилась с новой и вправду многонациональной Грузией.

— Вы начали очень хорошее дело, обязательно приезжайте в Панкиси, мы покажем себя гостеприимными хозяевами, — пригласила нас Мека.

— Превратим в традицию Панкисоба, вот потом и увидим гостеприимство, — сказал Мамука.

Трехдневный визит Козакова с возлияниями, песнями и поэзией подходил к концу. Я, Чола и Манана, придя в фойе гостиницы прямо из ресторана в шесть часов утра, ждали, пока Михалыч соберется.

— Ой, детки, надо позвонить в Москву, чтобы меня встретили, — вспомнил маэстро. — Тамара Владимировна, доброе утро, передайте, пожалуйста, моему водителю, что я вылетаю и пусть встречает. Как это, кто я? Вы что, с ума сошли? Какой стих? Ну, хорошо… «Шумит Арагва предо мною». Всё, узнали? Ну встречайте!

Я, Чола и Манана покатились со смеху, дело в том, что продюсер не узнала голос Михалыча после трехдневного «страдания» и для идентификации заставила прочитать стихотворение.

Старый Тбилиси, рассвет, поэзия и поза Козакова, упершего руки в бока, навечно остались красивым воспоминанием.

В тот вечер я мысленно благодарила Зазу Шенгелия, — если бы не его отказ и не мой своенравный характер, это важное и знаменательное событие просто бы не произошло!..

Панкисоба

Деревня Дуиси — краса Ахметского района, и именно на нее то падают сбившиеся с пути российские снаряды, то различные банды наркодилеров и нелегальных торговцев будоражат мирных жителей. Ведь поблизости Российская Федерация! Несколько неконтролируемых тропинок, и уже совсем другая территория.

Несправедливая война превратила множество чеченцев в беженцев и переселила их именно в Панкиси.

Удивительный народ — чеченцы! Другие на их месте давно бы сломались, сделались рабами, изменили бы веру и традиции. Они же, оставшись в таком малом количестве, что их можно сосчитать по пальцам, вновь растят детей воинами, учат любить родину и приучают с детства держать в руках оружие. Хорошо сказано: один чеченец равняется ста другим. Надеюсь, что земля Ичкерии когда-нибудь обретёт мир и покой.

Живущие в Сирии, Иордании, Турции потомки чеченских мухаджиров не жалеют накопленного за многие годы богатства, охваченные настоящей кавказской ностальгией, возвращаются на родину и, что главное, несут с собой несломленный долгими сражениями и разрушениями волевой дух!

Чеченцы — это народ, который протянул струны жизни между кладбищами и родильными домами. Сегодня часть этого рассеянного по миру свободолюбивого народа — гости нашей грузинской земли.

Во время очередного нападения на Дуиси я в знак протеста устроила вечер русских романсов на веранде собственного дома. А что? Ведь не каждый русский — насильник?! Именно в такое время надо сказать, что существуют другие русские. Да, совершенно другие, безгранично любящие Грузию, жертвующие ради нее собой, но генетически — исконно русские, которые также чтят и свои корни. Если человек не любит свою историю, он не сможет оценить чужую.

На веранде, которую украшал русский самовар, моими гостями были министр культуры Сесили Гогиберидзе, выдающийся композитор Джемал Сепиашвили со своей прелестной супругой, мастер джаза, моя подруга детства Манко Бараташвили, гитарист, маэстро Серго Нацваладзе, мой бывший шеф Марк Рыбкин, Мамука Арешидзе, «министр информатики» — Дато Тархан-Моурави и представители Российского посольства. Сутью этого салонного вечера стали единение и дружба. Гости выразили представителям прессы негативное отношение к неоправданным действиям России, не говоря уже о бомбежке

среди бела дня. Представители Российского посольства дипломатично молчали.

— На этой неделе устроим Панкисоба, да и Мека нас уже давно ждет. Помнишь, я тебя познакомил с ней на презентации? — спросил меня Мамука.

— Как не помню. Сейчас этот праздник, наверное, вдвойне актуален, не так ли?

— Да, начавшаяся здесь суматоха навсегда погубит детство и так вдоволь натерпевшимся малышам.

Через несколько дней мы отправились в Панкиси. Нашим гидом был господин Хизри Алдамов, представитель Чечни в Грузии; мужчина, бесконечно влюбленный в Тбилиси своего студенчества. По дороге Хизри рассказывал нам о многочисленных традициях и обычаях, ведь горский народ так богат историей и ритуалами.

Увиденное в Панкиси поразило меня. О том, что Грузия искренне прощает обиды и толерантна к другим конфессиям, мы говорили много, но появившиеся в новом веке в сердце православной Кахетии мечети, согласитесь, необычное зрелище. Рыжеволосые чеченцы резко отличаются от жителей этого уголка Восточной Грузии. Юноши соревновались друг с другом в скачках, а женщины специально для гостей накрывали на стол. По кавказскому обычаю, всем этим руководил старейшина.

Мамука как глава нашей делегации сказал речь.

— Нас, кавказские народы, должна объединять не ненависть к русским, а любовь друг к другу. Несмотря на прошлые обиды, дверь наших домов и сердца всегда открыты для вас и ваших детей.

Легко было понять, что Мамука подразумевал абхазскую войну. Но у какого народа нет детей-негодяев? Разве среди грузин не было предателей? Сколько крепостей пало изнутри? Ведь прощение для христиан — Господом данное чудо!

— Лалико, не скучаешь? — заботливо спросила Мека.

— Нет, что ты! Все так интересно! Вы, правда, очень сильные, — сказала я.

— Ты кажешься немного уставшей, так?

— Встаю в пять утра. Сегодня последний день поста. Пока белая и черная нить не сольются воедино, — пока не наступит рассвет, надо успеть поесть, потому что до вечера, пока не стемнеет, нельзя даже выпить ни капли воды. Это жесткое требование мусульманского поста. В шесть часов тридцать минут читаю утренние молитвы…

— Так очищается душа, верно? Мы тоже держим пост, но вами движет и совсем другое, может, более обостренный

инстинкт самосохранения?

— Это потому, что мы выросли на таких примерах. Помню, после первой войны, весной 1998 года, в центральном архиве Грозного я встретилась с его заведующим, в прошлом известным полевым командиром Долханом Хожаевым, настоящим кавказским рыцарем. Когда мы закончили интервью, он подарил мне свою книгу «Чеченцы в русско-кавказской войне» с автографом, да еще с такой надписью: «Прелестнейшей дочери дишнельцев, с уважением, от автора». Меня это очень обрадовало!

Долхана Ходжаева убили во второй войне только за то, что он с пером стоял на защите свободы и независимости своей родины. Его душа витает в этой книге. Она для меня настольная, как и книга моего отца «Кистинцы». Книга Долхана дорога мне еще и потому, что в ней можно вычитать до сих пор неизвестные факты об отношении грузин и вайнахов. — Мека рассказывала это так, что ясно чувствовалась ее боль за несчастья своего народа.

Награжденный огромным, сделанным вручную мечом Мамука и я следовали за нашим гидом Хизри из Панкиси в Тбилиси, и было такое чувство, будто дорогу нам освещают пламенные души чеченских рыцарей.

SONY

Альянс

Внеправительственной организации дел было невпроворот.

Негрузинское население насчитывает в Грузии почти миллион человек, и проблем у них предостаточно. Так что легко себе представить, в каком режиме нам приходилось работать.

— Поздравляю, поздравляю, ты делаешь большое дело! Я видел телепередачу! — услышала я в телефонной трубке такой знакомый и позабытый голос Михаила Саакашвили.

— Миш, это ты? Куда пропал? Я принесла приглашение в твой офис, оставила его какому-то Бачо Ахалая. Тебе его не передавали?

— Как нет, просто меня не было в Тбилиси. Рассказывай, как ты? Что делает Нукри? — зачастил скороговоркой Миша.

— Мы давно расстались, я вышла замуж во второй раз, — ответила я.

— А я и не знал… и кто он? Мы знакомы? — спросил Миша.

— Нет, он вакиец, к тому же, совершенно из другой сферы, из бизнеса, не думаю, чтобы ты его знал. Ладно, оставим мою бестолковую жизнь, расскажи лучше о своих новостях.

— Приходи завтра в офис в два часа, и я расскажу тебе обо всём. Короче, до встречи. — Неожиданное прерывание разговора было фирменным стилем Миши.

В офисе «Национального движения» преобладали желтые цвета, центральную комнату украшал большой белый камин. Люди в комнате расположились хаотично. Я коротко рассказала Мише о своей жизни за последние годы и добавила о целях создания неправительственной организации. Как и всегда, он выбрал наиболее рациональное звено.

— Вот и хорошо, приближаются выборы, работа с негрузинским населением очень своевременна, их голоса имеют решающее значение. А давай-ка устроим сегодня брифинг об альянсе «Национального движения» и твоей общественной организации? Незамедлительно приступим к делу, время не ждет, — не дождавшись ответа, Миша уже отдавал распоряжения по телефону, адресатом была телекомпания «Рустави-2».

— Хороший парень Эроси, не создает проблем, с полуслова понимает, что я хочу. Итак, жду тебя в пять вечера с тем, чтобы в шестичасовом «Курьере» уже прошел ньюс… да и в вечерний эфир попадет! Ну вот, волчица, хватит тебе бороться в одиночку.

— Подожди, Миша, а о чём мы должны заявить? — спросила я чуть растерянно.

— Это уже моя забота, в общем, жду! Марика, принеси мне

кофе со сливками, — суетился Миша и разговаривал одновременно как минимум с тремя людьми.

Вечером, в назначенное время, я пришла в офис «националов».

Выстроившиеся в ряд телекамеры ждали распоряжений. Корреспонденты подправляли микрофоны с различными логотипами на специально оборудованной трибуне и бесцеремонно толкали друг друга в поисках лучшего места и ракурса.

— С сегодняшнего дня моя давнишняя подруга и соратница присоединилась к «Национальному движению». Отныне «Национальное движение» и «Моя Грузия» вместе продолжают путь к окончательной победе Грузии, — вещал Миша.

Я слушала его потрясенная и думала: «Да сдалась мне эта партия. Делать мне нечего, чтобы согласовывать с партийными боссами свои действия!»

— Ваши комментарии, госпожа Морошкина, — повернулись ко мне журналисты.

— Думаю, что у «Национального движения» под руководством Михаила Саакашвили большая перспектива, но лично я предпочитаю работу в неправительственной организации, что не исключает нашего взаимовыгодного сотрудничества по разным важным вопросам.

Мой ответ оказался приемлемым. Через полчаса ко мне позвонил журналист из «Рустави-2» и пригласил принять участие в ток-шоу Эки Хоперия. «Попутный ветер», — невольно промелькнуло в сознании, и я приняла приглашение.

— Ну куда ты ускакала? Такая же неугомонная, как в школе, — услышала я по телефону Мишин голос. — Я без машины, заезжай и поедем в Дигоми, к управлению милиции, там хороший мегрельский ресторан «Шуацецхли», Вано очень его хвалит, вот я и послал его подготовить застолье.

— Какой Вано? — спросила я.

— Да это мой человек. Вот, кстати, со всеми и познакомишься, ведь мы должны работать в одной команде.

Я повиновалась, тем более что с утра и маковой росинки во рту не держала, а напоминание о мегрельской харчевне действовало, как «рефлекс Павлова».

— Нет, «Ровер», конечно, машина клёвая, мощная, но, во-первых, неликвидная. Если что-нибудь забарахлит, пиши пропало…. Во-вторых, ты так и не отвыкла от любви к красивым вещам, не так ли? — Миша был в своей стихии.

— А зачем отвыкать, я ведь женщина в конце концов! А теперь замолчи, чтобы не сглазить машину, а то высажу, —

сказала я зануде и надавила на газ.

— Я читаю Евангелие над волчьей головой, — махнул рукой Миша.

В ресторане нас ждали его однопартийцы. Особенно активничали братья Ахалая.

— Это молодежное крыло нашей партии. Ты ведь знаешь Вано Мерабишвили. Вано, это Лали Морошкина, наша русская, хотя она такая же русская, как я «летучий голландец», отчеканил Миша с привычной «лаконичностью» и продолжил процедуру посвящения в партийные ряды.

— Лали, познакомься, Зураб Адеишвили, отныне нам предстоит много совместных дел. Ребята, у Лали как всегда тонна свежих идей, давайте выслушаем её.

— Очень приятно, — сказала я и, несмотря на то, что передо мной уже лежал горячий, вкусно дымящийся элардж (блюдо грузинской кухни. — *Л.М.),* прямо перешла к делу.

Негрузинское население в Грузии социально незащищено, например, в Самцхе-Джавахети и Квемо Картли прием грузинских телеканалов технически невозможен, сигнал или очень слабый, или вовсе отсутствует. Соответственно, население пользуется доступными сигналами.

— Она правду говорит, — сказал Вано, — я ведь оттуда и знаю, что там происходит: армяне смотрят армянские каналы, азербайджанцы — азербайджанские, к тому же практически не понимают по-грузински.

— Вот и представьте, человек не определился, в какой стране живет, — говорит по-русски и смотрит или Арм. ТВ, или Азер. ТВ. Мы должны что-то придумать, чтобы вернуть их в грузинскую реальность, по золотнику, по крупице, кто как может. Нам нельзя терять ни одного человека, и так сколько нас осталось! Вот я, например, еженедельно печатаю в журнале «Рейтинг» статьи, как правильно питаться и следить за собой. Согласно договору, я отказалась от гонорара, зато оставшийся после реализации тираж — полностью мой.

— И что ты потом делаешь с этой горой макулатуры? — засмеялся Миша.

— Смейся-смейся, а я везу его в районы компактного проживания негрузинского населения, провожу встречи в клубах и бесплатно раздаю журнал, который стоит один лари. Вы знаете, что это для них значит. Одно то, что о них кто-то думает, важно само по себе. Потом, я ведь вела «Вестник» и являюсь как бы членом семьи для негрузин. И, наконец, для каждой женщины ухаживать за собой первая обязанность, и мои рецепты, проиллюстрированные упражнения и советы им очень интересны.

А теперь если я чего-нибудь не сьем, то потеряю рассудок, — сказала я и потянулась к вилке.

— Давай, налегай, как раз твой рассудок нам и нужен! Смотри на нее, какую форму нашла простую и гениальную! Прямое воздействие на электорат! Нет, и вправду, наша школа воспитывала гениев, — сказал явно довольный собой Миша и налил коньяк. — Выпьем за наше общее дело. Выпей-ка немного, — он протянул мне бокал.

— Нет, сейчас я не выпью, должна идти на прямой эфир, ну и сам понимаешь… Да, кстати, ну и о чём мне говорить перед всем честным народом?

— Бедняжка, не знает, что говорить, — закивал головой Миша. — Когда это ты нуждалась в советах? Уж не больно-то скромничай! Вот, этнические меньшинства, глядишь, уже открыли твой фан-клуб, а ты спрашиваешь, что говорить? — Миша взял в руки крупную куриную ножку. — В общем так, если меня не будет в Тбилиси, что весьма часто случается, ты, Дата, лично берёшь шефство над Лали. Если что-нибудь понадобится, помоги, обижать станут — защити, хотя ей палец в рот не клади — откусит! А ты смотри, не одевайся слишком вызывающе, а то парня с ума сведёшь, ну прямо Белоснежка и семь гномов, хотя нет, семь богатырей! — шутил Миша и от всей души смеялся.

Учитывая, что никто из нас не жаловался на аппетит, официанты бегали как угорелые, сменяя тарелки и освежая стол различного рода мегрельскими блюдами. Апофеозом желудочной вакханалии стал обсыпанный луком острый куч-мачи. В этот вечер в выбранном Вано ресторане от обилия неимоверно вкусной пищи мы чуть не получили заворот кишок.

* * *

Ток-шоу Эки Хоперия начиналось в одиннадцать часов вечера. При входе в студию, еле застегнув пуговицы на пиджаке, я еще раз убедилась в том, что вовремя ушла с телевидения. Теперь мне предстоит здесь появляться лишь в статусе респондента, что намного приятнее. Не зря говорят, что если хоть однажды ты переступишь порог этого учреждения, то до конца жизни останешься им очарованным, и, если не примешь решение вовремя уйти, оно тебя поработит и сделает своей тенью навечно. И в отчаянно бегущем времени не нагонишь улетевших лет, не склеишь разрушенную судьбу. Что тут поделаешь, неналаженная личная жизнь — судьба чуть ли не каждого второго телевизионщика. «Хорошо, что я не в их числе», — подумала я и

незаметно трижды постучала по деревянному столу.

Увы, примета лоханулась…

…Тема ток-шоу, исходя из топ-ньюса, была ясной: мой альянс с «Национальным движением». Я подтвердила свои политические симпатии к этой партии и, в частности, к ее лидеру. Говорила о качестве собственной свободы и партийной непринадлежности. Лимит на каждый сделанный шаг, согласие или запрет от партийной ячейки — это не моя стихия! Мой корабль должен плыть совершенно независимо.

— Ты явно выросла политически, — позвонил после передачи довольный Миша. — И ребятам понравилась. Ты особенно не отказывайся от вступления в партию. У нас впереди далекоидущие планы, а ты — их часть. Да, кстати, как это ты умудряешься находить общий язык со всеми?

— Просто, говорю с ними на их языке.

— О'кей, потом объяснишь, и мы поработаем над этим вопросом, — сказал Миша и попрощался.

После тяжелого, насыщенного дня я направилась домой.

— Ну как, было сносно? — с порога спросила я мужа.

— Что? — удивился он.

— Ладно, ну, Мишка, неужели ты не смотрел, я ведь тебя предупредила, что у меня важный день, я и Миша Саакашвили заключили альянс, — бурчала я.

В который уже раз мой муж оставлял без внимания важные для меня события.

— Я смотрел футбол и совсем забыл. Лали, ты так ворчишь, будто я пропустил подписание резолюции о разрушении Берлинской стены, подумаешь, ты и какой-то придурок подписали хренов альянс!

Для меня этот альянс был важнее Берлинской стены.

Предсказание

Мы с Саакашвили восстановили старые отношения и теперь почти каждый вечер проводили у меня в Ведзиси. Веранда, освещенная лампионами, плетеные комфортные кресла, немного напитков и красивейший вид полностью удовлетворяли вкус Миши. У гостя была одна странность, как только он переступал порог дома, то сразу же, с разгона брал на руки и долго кружил в воздухе своего самого большого фана — мою бабушку, худую как щепка Еноховну.

— Слушай, Лалико, скажи Мише, что потом у нее повышается давление, — на русско-грузинском сленге жаловалась моя мама. — Он же как Эйфелева башня!

— Брось, Манана, меня ничего не беспокоит, — с привычным упрямством повторяла Нана. — Какой парень, дочка, а помнишь Ивана Дорофеевича, он так на него похож.

— Иван Дорофеевич был несостоявшимся четвертым мужем моей бабушки, которого Еноховна, как видно, частенько вспоминала. Его сходство с Мишей Саакашвили пробуждало в ней уснувшие чувства, поэтому она была согласна и на кружение, и на сигареты, и на красное вино, приносимые Мишей.

— Вечером приходи, Манана будет печь хачапури, и мои девочки придут, — позвонила я однажды Мише, и он, как обычно, пришел не с пустыми руками.

— Что происходит? Почему внизу столько машин? — спросил гость.

У соседа, дяди Нодара, скончался отец. Они азербайджанцы, вот к ним и приехало много родственников из Баку. Между прочим, ты, как частый гость этого микрорайона, мог бы почтить память покойного, и считай, что заполучишь симпатии всех азербайджанцев сразу, — сказала я Мише.

— Да, — взлохматил волосы Миша. — Это неплохая идея. Завтра пойду к ним на панихиду, а то и вправду с этим народом никто не работает. Кстати, я учу сейчас стихи на армянском и украинском, чтобы легче устанавливать контакты, ты ведь говорила, что я должен говорить с каждым на понятном ему языке?

— Говорила, только в переносном смысле, — хотя, возможно, и так сойдёт. А ну, обратись-ка ко мне по-русски, — сказала я и захихикала.

Одной рукой Миша ерошил волосы на голове, в другой же держал полный бокал вина и, смакуя, потягивал из него. Кто-то ему сказал, что якобы красное вино прибавляет энергию, и в

последнее время он пил исключительно этот напиток.

Мишины волосы — тема отдельного разговора. Если б эти несчастные могли говорить, сколько бы раз они стонали от прикосновений неугомонного хозяина. Даже сейчас, во время релаксации, он успешно разрушал на голове свою прическу.

— Лали, в каком году мы с тобой выпивали в самолете? — спросил Миша.

— Хороший вопрос, если б кто-то нас слышал, подумал бы, что мы какие-то забулдыги. В последний раз мы летели вместе в 1997 году из Франкфурта. Кажется, ты тогда оставил в Голландии супругу с сыном, а я была в Штутгарте на повышении квалификации и домой возвращалась из Франкфурта. Помнишь, и Паата Бурчуладзе летел вместе с нами?

— Да-да, он должен был провести благотворительный концерт в Тбилиси. Хороший человек и классный оперный певец. А помнишь, как Миндия Угрехелидзе, судья Евросоюза, каждому из нас написал в самолете его жизненный прогноз? Интересно, где сейчас эти листки?

— Как же, помню, Паата еще нас пригласил на концерт, а батони Миндия предсказал нам с тобой великое будущее.

— А помнишь, что мы пили? Какую-ту бурду, которую ты приготовил по случаю моего штутгартовского семестра?

— Что было бурдой, балда, смесь коньяка и кока-колы? Это любимый напиток европейских студентов. Откуда взять денег на коньяк?!

— Ха, а помнишь, как мы с трудом нашли трап?

— Довольно, а то все остыло, так до утра будете болтать, — позвала мама.

Мои друзья были так увлечены свежими сплетнями, что не обращали на нас особого внимания. Но и Миша не убивался реверансами.

— Я что-то должен показать тебе, — сказал он и вынул из кармана помятый листок.

— Что это? — спросила я.

— Предсказание. Что?

— В наш офис пришла какая-то старушка и оставила это у моей секретарши Цацы, почитай.

На клочке бумаги неровными буквами было написано следующее: «Дорогой Миша! Я Нуну Сичинава, уже два месяца, как у меня скончался муж. Дочь и зять работают в России, чтобы прокормить детей. С Божьей помощью выживают. Вчера мне приснился покойный муж Валерий и сказал: «Михаил Саакашвили — будущий президент Грузии, пойди и скажи ему это». Вот я и решила написать это письмо. Не знаю, сынок Миша,

насколько это тебе интересно, может быть, ты засмеешь меня, мол, эта старуха сошла с ума, но я просто так снов не вижу, они всегда вещие, и вот теперь дело за тобой. Ты молодой человек, и мы на тебя надеемся. Ну, а если так, семья ведь объединится, а то детки скучают по родителям. Да благословит тебя Господь, сынок!»

— Ауф, о чьем фан-клубе ты говоришь, да у тебя фан-клуб бабушенций во главе с моей, — засмеялась я.

— Не высмеивай все на свете, как знать, что происходит и почему, — сказал Миша совершенно серьезно и положил письмо обратно в карман.

Сколько раз после этого я вспоминала тетю Нуну Сичинава и думала: это было частью предварительно запланированной операции по психологическому воздействию или действительно предсказание пожилой женщины?

На следующий день Миша, как и обещал, пришел на похороны отца моего соседа дяди Нодара. Через несколько дней Нодар Мамедов стал членом «Национального движения». Эта красивая тбилисская азербайджанская семья осталась навечно верной Мише. Кавказцы ценят сострадание, особенно, во время скорби.

Желтый лист

Взаимоотношения с супругом постепенно становились всё запутаннее. Он ушёл в себя и, по-видимому, не спешил возвращаться. У меня же наоборот всё кипело. Активность «Моей Грузии» явно вредила семье.

— Опять у тебя встреча? — многозначительно спрашивал супруг, и в этом вопросе было все: ревность, боль и банальный кавказский мужской эгоизм.

— Да, у меня опять встреча, потом два-три интервью, вечером ток-шоу и встреча в офисе «националов». Что делать, очень важные дела. Хочешь, пойдем со мной?

— Нет, между прочим, мне кажется, что ребенок тебя уже не узнает. Может быть, уделишь ему хоть какое-то внимание? — говорил явно раздраженный Мишико.

Несмотря на то, что Мишико, как представитель семьи с традициями считал, что о единственном продолжателе рода должна заботиться семья, я с рождением маленького Георгия наняла няню. Мишико пробовал сопротивляться, но, когда сам оценил положительные стороны няниных услуг, согласился со мной.

— Мишка, дорогой, давай договоримся об одном, я намерена строить карьеру, потому что знаю совершенно точно: жалкая, не имеющая собственных средств «грузинская жена» никому не нужна. Мы ведь много говорили на эту тему? У тебя был большой выбор, ты, например, мог в 34 года привести в дом девственницу. Но ты выбрал женщину с ребенком, с однажды уже разбитой судьбой, зато сложившуюся личность. Почему? Я не намерена сдавать позиции, понятно? Ты и дети — самое главное в моей жизни, но поверь, я должна прочно занять свое место в этом городе. Если ты мне не поможешь, по крайней мере, хотя бы не мешай.

— Прочнее, чем есть? Чего тебе не хватает, объясни? У тебя всего вдоволь и одежды, и обуви, и путешествий, чего ты ищешь? — Мишико явно не понимал реальных причин моей активности.

— Мне надо найти себя, мое призвание! А проблем с одеждой у меня и так никогда не было. Я не могу часами сидеть дома и только растить детей, ты это понимаешь? Десять лет назад я была красивей и привлекательней, но Нукри ушел к другой. И ты уйдешь, начнешь искать такую, какой я когда-то была. Такова природа мужчины — переделывают женщину на свой лад, кроят под себя, а потом всю жизнь находятся в поиске прежней. Я не

намерена бегать в суд за алиментами, меня должна охранять созданная мной империя, а не какие-то брошенные пожертвования экс-мужа…

Мишико, прошу тебя, не мешай мне, я все равно не сверну с выбранного мной пути, и все закончится. К сожалению, я не верю в сказки, да и ты не принц. Короче, или у меня будет полная свобода действий, или мы попросту останемся друзьями, — это был первый серьезный разговор за четыре года брака.

— Лол, с чем я должен свыкнуться, что ты вечно торчишь у «националов» или где-нибудь еще? Ты знаешь, какой имидж у Саакашвили? Это несерьезная фигура, не пойму, почему ты за него так держишься?

«Лола» меня назвал в детстве Сандро, и после этого все домашние звали меня так.

— Чего ты не понял? Ты на самом деле хромаешь в политике. Хочешь, чтобы я опять вела «Вестник», да? Ведь это вчерашний день. Сейчас совсем другая реальность. Посмотри мне в глаза: скоро начнутся невиданные перемены!

— Хорошо, а тебе-то что обещают? — спросил чуть успокоившийся Мишико.

— Активное подключение ко всем процессам, это ведь здорово. Я не этническая грузинка, и, следовательно, с меня больше требуется, понимаешь ты это или нет?

— Я знаю то, что от тебя требуется пребывание в семье и частые контакты с детьми… И знай, если тебе предложат какую-нибудь должность, я буду против.

Мишико был непробиваем.

— Что значит «я буду против»? — спросила я.

— Мне не нужна «кабинетная» жена. Твои карьерные амбиции нас только разъединяют, — выпалил он и выскочил из дому.

Ну почему мужья не любят успешных жен? Но ведь и безуспешных тоже не любят.

С потрепанными нервами, обиженная на то, что меня в очередной раз не поняли, я сбежала вниз по лестнице на первый этаж, чтобы попить кофе у бабушки.

— Что делать, Лол, как ни тяжело, но тебе придётся сделать выбор: или семья, или карьера. Ты думаешь, я представляла старость вот так, одной, в твоем доме? — спросила бабушка Нана.

— Ладно, сейчас ты не своди меня с ума, разве нам плохо вместе? Чего ты хочешь? — спросила я раздраженно и поняла, что день не удастся.

— Послушай, Лалико, в Сочи я была одной из самых красивых и успешных женщин, и что сделал твой дед? Пока я была в командировке, завязал роман с другой женщиной. Как я

должна была поступить — простить? Никогда. Ну и перевернулась вся жизнь с ног на голову. Чем заделывать трещины, лучше построить новое здание.

Запомни одно: никогда не говори правду, похожую на ложь. Это впустую потраченное время. Никто не поверит, а негодование велико! Постарайся наладить жизнь в привычном ритме. Иногда ложь бывает во спасение! Не повтори мою ошибку, излишняя прямолинейность порой бывает хуже той правды, что глаза колет… Будь дипломатичнее.

Лол, я скажу лишь раз и больше никогда к этой теме не вернусь: Мишико — очень хороший парень, но он никогда не примирится с твоим инстинктивным стремлением к самоутверждению. Я-то знаю психологически, чем это определено, самому же Мишико это понять трудно. Так что иллюзий, что муж поддержит твои карьерные амбиции, никогда не питай. Хотя выбор есть всегда: или заботливый, любимый муж сегодня, потому что трудно предугадать, каким он станет, если ты пустишь насмарку все свои начинания, или беспокойное будущее. Это как движение по лестнице: ты или спускаешься, или поднимаешься. Несмотря на мою симпатию к Мишико, твой выбор останется за тобой, и что бы ты ни решила, я всегда буду на твоей стороне. Тем более что я полностью разделяю теорию о мужской полигамии и инфантилизме. Они слишком непостоянны!

Еноховна с детства была дизайнером моего вкуса и стиля и одновременно великой хранительницей моих тайн. Интересно, какую опасность она увидела в обычной семейной разборке?

* * *

Теплые дни осени 2001 года ласкали пожелтевшие листья. Страшила даже мысль, что они на исходе, и совсем скоро зима оденет все в свою бесцветную и холодную мантию.

— Русская, ты помнишь, какой сегодня день? — послышался в мобильном бодрый голос Миши Саакашвили.

— Что, что такое? — спросила я, только начиная выходить из состояния полудремы.

— Что-что, 12 сентября, день смерти Ильи Чавчавадзе. Хотим провести акцию в Цицамури, чтобы всем Гиглам Бербичашвили (убийца великого грузинского поэта И. Чавчавадзе. — *Л.М.)* неповадно было! Надеюсь увидеть Твое Превосходительство. Между прочим, помнишь, как в школе Лаша Надареишили читал «Матерь Божью». Здорово! Мы должны делать то, что знаем, —

выдал как лозунг Саакашвили, а я почувствовала во рту вкус мцхетских лобио и мчади. Да, умеет мой школьный друг устраивать уик-энды. Я медленно направилась в ванную комнату. Саакашвили не любил ждать, впрочем, и я — опаздывать.

В офисе на улице Вукола Беридзе меня встретили только Миша и Бачо Ахалая.

— Я ведь сказал, предварительно проверь машину, — ругался Миша с Бачо.

— Проверил, но не знаю… Ведь говорил, что старая, ее следует заменить, — ворчал вымазанный по шею в мазуте Бачо.

— Что бы вы делали без меня. А ты говоришь, зачем мне нужна новая машина. Твоя, старая, обходится дороже, — сказала я, желая набрать очки. «Скупой платит дважды!»

— Хорошо, Лали, сдаюсь, поедем на твоей. Бачо, ты останься и разберись с этой рухлядью, — отдал распоряжение Миша, и мы направились в Сагурамо.

— Ну и что тебя так беспокоит? Почему такое лицо? — Мимо Миши не проскользнуло мое плохое настроение.

— Не знаю, что-то опять перепуталось. У меня проблемы с мужем, не нравится ему моя активность. Если б он знал, как мне и без того тяжело двигаться вперед по этой жизни! Клянусь мамой, сколько пытаюсь найти параллельно с неправительственной организацией работу, так это только добавляет проблем. Представь самодовольного функционера, для которого я только симпатичная девчонка. Сколько раз срывались уже практически принятые решения. Противно, когда мне говорят: «Знаешь, мне нужна именно такая, как ты, я бы с удовольствием принял тебя на работу, но моя жена ревнива. Между прочим, может, нам отдохнуть в Турции денек-другой? Ты мне кажешься уставшей». Представляешь, какой-нибудь сытый тип предлагает мне вояж в Турцию, да еще предупреждает, что жена его будет ревновать!

Не переношу это «бандажное» поколение женщин. У мужей миллион любовниц, а по вечерам, дома они просто ягнята. На престижных концертах, свадьбах и похоронах их жены демонстрируют дорогие шубы и бриллианты, сутки напролет сплетничают на кухнях и покупают все новые и новые сервизы. А таких, как, я готовы в землю закопать только потому, что мы не приемлем их нравственных установок, а по жизни идем самостоятельно. Что за двойные стандарты — «Мамочка, что это себе позволила Морошкина?» — сами же с сигаретой во рту кувыркаются с очередным любовником, а, вылезая из постели, по-прежнему соблюдают стародавние адаты и обычаи. И ничего, что больше полгорода подпирают и царапают потолок рогами.

Главное — Его Величество Общественное Мнение!

В Грузии все женщины — благочестивые, но у каждого мужика имеется любовница. Парадокс? Я хочу, в первую очередь, самой себе подтвердить, что я личность, а внешность — мой маленький плюс, а не большой минус! А твой тезка и слышать ничего не хочет. Я никогда не буду среднестатистической женой, хотя уже однажды испытала, что значит остаться одной с маленьким ребенком. Дети получат всё, что им полагается, от меня, я не надеюсь ни на одного отца, будь он хоть суперменом.

Если бы мой гнев материализовался, то, наверное, ветровые стекла, кресла, парприз и крыша «Ровера» погрязли бы в фосфоресцирующем месиве.

— Да подожди ты! Вот придем к власти и накажем этих из поколения бездельников, поборников двойной морали! В этом мире у тебя всегда будут проблемы, потому что ты независимая, упорная и бесстрашная, — сказал Миша и нервно поправил волосы. — В Грузии не принято даже малейшее отклонение от «принятых» норм. Столько разговоров о толерантности и терпимости, а все это нарушается на каждом шагу. Вот, возьмем Вано Мерабишвили, три года назад женился, расписаться — расписался, а вот не венчался. Этот человек родом из Ахалцихе, вырос в хорошей семье, но исповедующей католицизм, ну и что за проблема? Его жена (она на тринадцать лет моложе мужа) позвонила мне и, естественно, пожаловалась: столько сплетен, бедняжке постоянно треплют нервы. Почему каждый должен совать свой нос в чужую жизнь?! Все таблоиды трубят: «Почему назвали сына Мишей, будет православным или католиком?» Короче, «сожрали» несчастных.

Какое кому дело, где я молюсь и с кем дружу? Видно, у людей нет своей жизни, вот они и суют свой нос в чужую. Жена Вано — Тако сказала мне, что с ностальгией вспоминает то время, когда Вано приезжал на простеньком голубом гольфе и дарил ей голландские цветы. Да, кстати, о Голландии, хорошо, что Сандры здесь нет, а то бы мы давно разошлись, нам бы житья не дали! Так что, держись! Как у вас говорят? «Москва слезам не верит!» Может быть, я говорю неправильные вещи, но чего бы тебе ни стоило, доведи дело до конца, а то прерванную тобой песню допоют другие.

Выговорившись, я немного успокоилась.

Я и мой друг очень многим походили друг на друга, оба мыслили нестандартно, не вписывались в грузинский менталитет. В детстве уже на втором уроке я снимала с себя белый воротник, а Миша — неизменный атрибут мальчиковой униформы — синюю бабочку, ну душили они нас, что еще оставалось делать? Когда в

начальных классах уважаемая Нинелимасцавлебели спросила Мишико: «Как ты думаешь, почему лист осенью поменял окраску?», он ответил: «Лист, наверное, нашкодил, он обидел маму, затем задрожал и покраснел». А мне больше всего во втором классе нравился рассказ «Сердце матери», когда юноша по просьбе возлюбленной вырвал сердце матери, а по дороге, когда споткнулся о камень, материнское сердце прошептало: «Не больно тебе, сыночек?»

Помню, маму вызвали в школу, мол, может, отведете девочку к невропатологу, почему ей понравился этот рассказ? Манана, не читавшая на грузинском, попросила мужа помочь. Когда Талес ей его перевел, Манана при следующей встрече совершенно искренне спросила учительницу: «Зачем вы читаете второклассникам такую жуть, даже я, взрослый человек, всю ночь не спала?» Интерпретируемая нами жизнь всегда отличалась оригинальностью, за что в школе и попадало!

А вот дома нас баловали: американский дядя Миши по матери, Темур Аласания, присылал ему отличную одежду и разные вкусности. На перемене вся школа клянчила у Миши жвачки «Педро» и «Дональд». А меня частыми поездками за границу и вытекающими из поездок такого типа прибамбасами баловала сочинская бабушка. И еще, у нас обоих были молодые мамы, и нас вырастили отчимы…

— Вот и наши собрались, — вернул меня, далеко улетевшую в детство, к действительности Миша, и мы направились к памятнику Илье Чавчавадзе. Представители молодежного крыла «Национального движения» весело заигрывали с журналистками, старшие прикрепляли плакаты на импровизированной сцене. И, как ни странно, в поте лица трудился мой сосед, дядя Нодари.

Что такое добро? Сотвори милосердие, и оно к тебе обязательно вернётся.

«Никогда не говори никогда»

Мы все больше сближались с отцом, как будто он подсознательно соревновался с Талесом. Утерянная роль в воспитании первого внука Сандро была полностью отыграна на маленьком Георгии. Каждое утро папа приходил ко мне с полными сумками продуктов и игрушек. Необычайно талантливый, умный и тонкий, он по глазам понимал все и предлагал оригинальный выход. «Как жаль, что столько лет потеряно», — эти слова, смешанные с болью и отеческими переживаниями, до сих будоражат мою память…

Профессор, врач, автор первой книги по грузинской генетике, в то же время весельчак, человек с тонким чувством юмора, просто верийский мальчишка, у него было необычайно много общего со мной и моими детьми.

— Как ты на меня похожа, на меня и моего отца, ну просто вылитый Боря! Нинико и Софья больше в мать, они очень серьезные, а у тебя и характер как у меня — мягкий, озорной, славянский, вместе с тем пропитанный кахетинским упорством, Мананкиного ничего нет! — будто под увеличительным стеклом рассматривал меня Виктор и с сожалением вспоминал проведенные без меня годы.

— Как это глупо. Мы были молоды, и это моя самая большая ошибка. Правда, Талес дал тебе все, но в то же время отобрал у меня отцовскую любовь.

— Ладно ну, папа, если бы я не пришла к тебе, ты бы обо мне и не вспомнил. Это сейчас, когда мы хорошо узнали друг друга, ты понял, что ошибся, но если б не моя инициатива, ты бы меня не знал. Зачем тебе соревноваться с умершим человеком?

— Потому, что ты больше любишь ушедшего в загробный мир Талеса, чем меня, находящегося рядом. На его похоронах тебе стало плохо, и если б не твой брат, ты бы сильно расшибла лоб. А когда умру я, мне кажется, ты не прольешь ни слезинки, — раздраженным тоном ответил Виктор.

— Знай, только через сто лет! Мне достаточно одного умершего отца, а тебе еще предстоит вырастить внуков, потом выйдут замуж Нинка и Софья, и увидишь, у тебя будет целый детский сад, — сказала я задумавшемуся Виктору, через руки которого и так прошли дети половины Тбилиси, так как он возглавлял фонд социальной педиатрии.

— Моя вина, моя… но прошлого не вернуть. Кстати, что я хочу сказать, знаешь, раз у нас сегодня день биологических отцов, у Ники Саакашвили инфаркт. Я должен его навестить. Прошу

тебя, пойдем со мной, — обратился ко мне Виктор и посмотрел с хитринкой.

— Кто это Ника?

— Отец твоего друга Миши, он лежит в девятой больнице, я хочу его навестить, он друг моего детства, да и в институте мы учились вместе. Классный парень!

— Ну, конечно, каким еще может быть твой друг? — укусила я.

— Неужели Миша тебе о нём ничего не рассказывал?

— Нет.

— Хотя, ничего странного, можно подумать, ты меня вспоминаешь каждую минуту. Увы, такова участь первых мужей, — пробурчал Виктор.

— Нет, такова участь плохих отцов! — сказала я и поняла, что это был перебор. — Ну, хорошо, хорошо, если так хочешь, пойдем, конечно, Ника так Ника, — начала я переодеваться.

Ника Саакашвили был некрупным мужчиной среднего возраста с живыми глазами. Удивительно, но он и Виктор необычайно походили друг на друга и говорили на одинаковом русско-верийском сленге.

— Ника, познакомься, моя дочь, старшая дочь, — гордо сказал папа, и стало понятно, что мы проделали такое расстояние из-за этих слов.

— Высокая! — была первая реакция прикованного к постели Ники. Его вторая жена суетилась в палате и ежеминутно звонила сыновьям.

— Дато, не забудь «Боржоми», а то отца изжога убьёт. Да, и яблоки прихватите, только кехуру (грузинский сорт. — *Л.М.)*. Виктор, как ты думаешь, то, что с Никой, очень опасно?

— Опасно выходить на улицу, где на голову может упасть кирпич. Ладно тебе, немного поваляется и встанет, — ответил отец с привычным ему оптимизмом.

— Витя, ты помнишь, как мы зажигали у Ильюши в Москве? Вах-то, Лали, какой у тебя дядя был! Первый онколог России. Орёл! Крепкий, клёвый мужик, а ушел из жизни совсем молодым. Ты его знала?

— Как же нет, дядя Ника, я часто у него гостила. Между прочим, он и отец совсем не были похожи друг на друга. Он был высоким, чернявым, а отец — маленький…

— Цирк в том, что у твоего отца при его русской внешности в паспорте писали «грузин», а брату с грузинской внешностью «русский», — Нику явно развеселили воспоминания молодости.

— В целях конспирации! — пошутил отец. — Ты знаешь, что моя Лали и твой Миша дружат.

— Да, видел по телевизору. Что будет, не знаю, но идей у этой молодежи, слава Богу, предостаточно.

— Все будет, вот увидишь, у меня такая интуиция! — сказал отец, закурил сигарету и вышел из палаты…

После часового пребывания у Ники я и Виктор возвращались домой.

— Дети не должны платить за ошибки родителей. Ника так же виноват перед Мишей, как и я перед тобой! — сказал отец после продолжительной паузы. — Лапка, ведь когда я умру, ты придёшь меня оплакивать?

Эти страшные слова Виктора я очень скоро вспомнила.

* * *

Тем временем я «раскопала» новую тему и готовилась к завоеванию Самцхе-Джавахети. Дело в том, что Квемо Картли и Самцхе-Джавахети вечно оставались ахиллесовой пятой Грузии. Армянское и азербайджанское население очень болезненно реагировало на всевозможные риски. Поэтому для выстраивания отношений с ними требовались большая деликатность и внимание, а не спекуляция многочисленным электоратом только накануне выборов. К сожалению, этот недостаток не смогло преодолеть ни одно правительство.

На сей раз ахалкалакские армяне протестовали против вывода российской военной базы. Задача была ясной: встреча с населением и перевод растущего недовольства в режим диалога.

— Миша, ты поможешь своими людьми? — позвонила я Саакашвили.

— Посмотрю, у кого время будет, скажу Петре Цискаришвили, ну а если нет, обойдешься своей командой. Это важная тема. Прихвати телевизионщиков, — посоветовал Миша. — А как у тебя с финансами?

— Плохо, но я придумала одну уловку: раз еду в Самцхе-Джавахети, там древний женский монастырь-Фока, после октября из-за непогоды дорога к нему практически завалена. Представь, каким благом будет, если мы привезем для них муку, сахар, чай, гречиху на зиму. По папиной просьбе, я приняла в мою организацию одну горийскую девушку, его бывшую ученицу, сейчас она безработная, вот отец и просил ее пристроить. Приедем в Гори, встретимся с местными бизнесменами и попросим у них пожертвования для монастыря, что главное — непременно в присутствии телевидения! Мы сделаем доброе дело, а бизнесменам — пиар. Деньги нам понадобятся только на

бензин, и дело будет сделано. Причем убьем двух зайцев одновременно: поможем монастырю и успокоим армянское население.

— Хорошо, проныра, позвони утром, я скажу Зуре Жвания, кажется, и его люди туда собирались, может, что-нибудь придумаю. Ну а если нет, когда вернешься, организуем совместную пресс-конференцию.

— Думаю, я немного опоздаю, дня на два. Видимо, ночь придётся провести где-нибудь по дороге, а то езды часов 8 — 10, не меньше, — сказала я с улыбкой и начала звонить нашим.

Команда НПО «Моя Грузия» — я, Зура Двали, Манана Козакова, мой брат Эрэкле и горийская Тея были готовы выполнить поставленную задачу.

— Куда ты едешь? В монастырь Фоку? Не собираешься ли стать игуменьей? — насмешливо спросил вернувшийся домой муж.

— Нет, у меня там дело. Было бы очень кстати, если бы нас проспонсировала твоя винная компания.

— Лали, завязывай ты с этой темой! Если тебе делать нечего, то хоть от меня отстань! Задумала — езжай, а я в этом деле участия не приму.

— Да, но почему? Это очень важно для меня. Поддержи!

— Нет, и хватит говорить об этом, это бесперспективная тема.

— О'кей, Бог свидетель, я старалась сохранить все как есть. Вернусь и подам заявление на развод. Что нас объединяет — ребенок? Я не так стара, чтобы довольствоваться только этим. А это для тебя перспективная тема?

Мы с Мишико уже давно спали раздельно.

* * *

Тея была из типичной провинциальной семьи городка — родины Сталина. Диплом медицинского института и богатое приданое сулили многое. Жившая в маленькой съемной квартирке в Тбилиси девушка долгое время мечтала о перспективном городском женихе. Горийцев она поминала лишь как второстепенных людей, и то не очень часто. Ее любимой фразой была: «Выпьем кофе у меня в Сабуртало».

Гостеприимная семья Теи с удовольствием принимала гостей из столицы. У кого бы не потекли слюнки при виде сваренной в крутом бульоне курицы, хачапури и пхали с орехами.

Мой прогноз оправдался, бизнесмены одного из самых «сытых» краев с удовольствием согласились участвовать в

оказании помощи монастырю. По два мешка муки, сахара, риса, чая, макарон и гречихи были погружены в маршрутку. Водитель был готов «к труду и обороне».

— Лали, знаешь, в Гори приехал Георгий Канделаки, мы в детстве с ним дружили, давай, позвоню ему и приглашу к нам, — сказала Тея.

— Какой Канделаки, борец?

— Нет, боксер, хотя для тебя это не имеет никакого значения, — и Тея начала набирать номер телефона Георгия.

— Он скоро придет, — гордо объявила Тея. Ее слова не вызвали никакого интереса. Манана дремала, развалившись в кресле, Зура и Эрэкле ковырялись в машине, а я считала деньги. Хватит, не хватит? Ну во сколько обойдется бензин на дорогу туда и обратно? Да еще немножко перекусим, вот и все траты.

Неожиданно мебель в комнате затряслась, хрусталь начал звенеть, и я невольно вспомнила: «Ты же не гориец, что ходишь посреди города?». Как мне объяснили, это значит следующее: запуганные землетрясением горийцы, чтобы не подвергать себя опасности, предпочитают ходить по центру улиц. Неужели землетрясение?

Интуиция меня не подвела. Да, это было землетрясение, к тому же сильное и разрушительное, а звали его Георгий Канделаки.

Рамаз Чочишвили, представился рослый, симпатичный парень и протянул мне руку.

— Это сын Шота Чочишвили, ты помнишь первого грузинского олимпийского чемпиона, — с гордостью знакомила меня с гостями Тея. Это был ее бенефис. С одной стороны были дэвы (сказочные великаны. — *Л.М.)* из Картли, с другой — тбилисский бомонд.

— Георгий Канделаки, — сказал Зевс и протянул руку Моя не такая уж маленькая ладонь в его лапище вначале будто заблудилась, а потом и вовсе потерялась, к ней чуть позже присоединились и потерялись другие части тела, потерялись в безграничном водовороте, цунами, наводнении и смерче. «Что со мной происходит?» — беспомощно спрашивала я себя и не получала ответа. К тому времени потерянной территорией была и моя голова…

«Никогда не говори никогда». Эта фраза кинжалом засела в моем сердце. «Не та ли ты Морошкина, которая муху на голову не посадит и выбор делает сама. Не та ли ты Морошкина, которая крутит тбилисских ребят кончиками пальцев. Не та ли женщина, которая не поддается соблазнам. Сильная самка, бесстрашная амазонка. Где ты, где? Откликнись!» — мое второе «я» напрасно

ждало связи с первым, оно уже без вести пропало, сбилось с пути, избавившись от детских комплексов, отдыхало на сильных руках настоящего богатыря. Вот, оказывается, что я искала всю свою жизнь? Человека сильнее меня, всемогущего. Вот теперь я и вправду ничего не боюсь, поборюсь и с девятибалльным штормом, лишь бы вечно чувствовать его головокружительный запах… «Венеция» считалась одним из лучших ресторанов Гори. Мы, весь «неправительственный отряд», были гостями Канделаки. Несмотря на октябрьскую прохладу, на Георгии была лишь спортивная безрукавка, выставляющая напоказ такие громадные и развитые мышцы атлета. «Вот я уже и ревную!» — подумала я про себя. Прошло часа два, как мое сердце мне уже не принадлежало и выполняло лишь свою физиологическую функцию, — билось во мне.

Рамаз и Георгий внимательно ознакомились с целью нашего визита, одобрили инициативу, и к нашему экипажу прибавились еще два спутника в их лице.

— Сейчас отметим наше знакомство, потом поедем ко мне в деревню, а утром, на рассвете, двинемся в путь. Правда, у меня нет достойных для горожан условий, но воду мы подогреем кипятильником, да и свечи зажжем, — засмеялся Зевс.

Для меня в этот момент и свеча, и кипятильник звучали, как оставшиеся в далеком прошлом «Дольче и Габбана»…

После двух стаканов Георгий перехватил у Рамаза функции тамады, и стало совершенно ясно, что не только меня, но и Георгия мучил какой-то новый, неизвестный недуг. Зевс волновался.

Вскоре Георгий извинился и вышел наружу. Зеленый двор «Венеции» стал свидетелем непривычного зрелища. Георгий стоял у березы, прикладывал руки к груди и страшным голосом кричал.

— Боже правый, ну прямо натуральный Кинг-Конг, — издевался Зура.

— Как романтично, Лолик, — вырвалось у Мананы. Манана, Эрэкле, Рамаз, Тея и я изумленно взирали на это зрелище. Так слившийся с природой Георгий как дикий зверь изливал свои подсознательные инстинкты.

— Ты будешь моей, только моей, и отныне никогда никуда без меня не пойдешь, — таков был вердикт сына земли — родины Сталина.

Трудно передать чувства, которые я тогда испытывала: страх, счастье, надежда и беспомощность, перемешанные друг с другом, создавали неописуемую картину, букет непередаваемых чувств.

Я ведь ничего о нем не знала…

Дорога из ресторана в село казалась туманной и

бесконечной.

— Лалусик, ты меня извини, но эти спортсмены все криминалы, — бурчал Зура. — В какую дыру мы поехали, а если он нас похитит? Ты знаешь, что Цхинвали отсюда в семи километрах. Что тебя свело с ума? Ну что ты вечно ищешь приключения на свою жопу?

— Ну да, — поддержала его Манана. — Лолик, базара нет, я пойду за тебя и в огонь, и в воду, но, может, он и вправду нас похищает?

Я уже жалела, что оставила Тею в Гори.

Молчал только Эрэкле и на всякий случай не выпускал из рук самодельный перочинный ножик. Я понимала, что за мысли вертятся у него в голове, и уважала его безграничное ко мне терпение. Молчание Эрэкле было гораздо красноречивее. Он громко «думал».

О чудо! Неожиданно осветилось небо, точнее, в свете фар автомобилей предстало великолепное зрелище: огромное спортивное сооружение, гостиница и теннисный корт были похожи на закрытый европейский клуб. Где мы? — возник одновременно у каждого из нас естественный вопрос.

— Это моя собственность, — объявил Георгий, — село Вариани.

— Родина Гогебашвили? (Якоб Гогебашвили — автор первого грузинского учебника грузинского языка. — *Л.М.)* — пробормотала удивленная увиденным Козакова.

— Да, и моя тоже, входите, пожалуйста.

В гостинице нас ждал выстроившийся в шеренгу обслуживающий персонал. Обильно вспененные ванны, заваленный деликатесами стол, красивое постельное белье и биллиард окончательно протрезвили членов моей команды. Конечно же, «свечи и кипятильник» оказались канделаковской шуткой.

— Хотите, покажу вам свое озеро? — спросил Канделаки.

У меня было такое чувство, что сюрпризы никогда не кончатся.

Варианское озеро, словно окутанное тайной, представляло собой восхитительное зрелище, особенно на рассвете, когда туман соединился с небесным сводом.

— Здесь была мусорная свалка, а я ее очистил, — сказал Георгий и прижал к себе меня, дрожащую от утреннего холода.

На сон оставалось всего два-три часа, но впечатление того стоило.

— Кажется, ты попалась, — сказала приготовившаяся ко сну Манана. — Да, понятно, в этой ситуации сдержать себя —

равноценно подвигу, но давай не будем опережать события. Может быть, все это наутро покажется вчерашним сном? Завтра нам предстоит проделать вместе большой путь, ты ведь знаешь, что в дороге все проясняется. Не спеши!

На рассвете мы расселись по машинам и тронулись в путь. Дорога была длинной и тяжелой. Я сидела рядом с Георгием и с удовольствием отмечала, что вчерашнее совсем не оказалось сном. Рамазу и Георгию, исходя из их размеров и веса, каждые три часа хотелось перекусить. От обилия пищи мы уже с трудом дышали. За нами следовала загруженная продуктами маршрутка.

Самцхе-Джавахети оказался неизвестным «островком». В пунктах по обмену валюты меняли доллары на рубли и наоборот. В киосках прессы продавались газеты только на армянском и русском языках. Грузинский язык здесь даже не понимали.

Встреча состоялась, население опротестовывало вывод российской военной базы. Если не россияне, то кто? Войска НАТО? Следовательно, Турция? — спрашивали местные жители и планировали выйти единым фронтом против устроителей геноцида. После часовых переговоров армяне уверовали, что никакие турки сюда не войдут, и никто не собирается оскорблять их прошлое. Гостеприимные хозяева накрыли стол, обещали проводить нас до монастыря Фоки и сделать комментарии для телевидения.

Армяне своё слово сдержали, — через несколько часов центральные грузинские телеканалы передавали сюжеты о визите нашей делегации. Конечно, в эфир пошли и интервью, записанные прямо у монастыря.

— Мы — граждане Грузии, живем здесь, и здесь будут жить наши дети. Грузия — наша Родина! — таким был лейтмотив выступлений выросших на грузинской земле армян.

Ребята тем временем снабдили дровами на зиму монастырь, а позже мы зажгли свечи за спасение наших душ.

— Дай мне слово перед иконой Святого Георгия, что мы всегда будем вместе, — прошептал Георгий.

— Если ты хочешь, — дала я необычный для себя ответ.

После благословения насельниц монастыря мы двинулись в обратный путь.

— Молодчина! — позвонил мне Саакашвили. — Попала в «десятку», обязательно проведем пресс-конференцию, хорошо, если на ней будет присутствовать и духовенство.

Несмотря на то что мероприятие прошло великолепно, я возвращалась в Тбилиси с тяжелым, двойственным чувством. Выбор был прост: или банальный тбилисский быт, или поиск нового, нового, которое звалось таким многозначным именем —

Георгий Канделаки.

«Бабу»

Пресс-конференция состоялась. Миша Саакашвили, как и обещал, прислал соратника по партии, Петре Цискаришвили, а я пригласила батюшку Ростома.

Разговор о том, что армяне — наши братья и являются частью населения Грузии, на первый взгляд был банальным, но, с другой стороны, очень важным, ведь мы живем еще в стране, где для того, чтобы чего-нибудь достичь, нужно сменить фамилию. Кто сказал, что строители красивейших уголков Тбилиси — Ватного ряда, Сололаки, меценаты Манташев или Мелик-Азарянц были менее достойными тбилисцами? Но у псевдогрузинского чванства нет границ, тем более, когда некоторые «арийцы» сами являются носителями фамилии, приобретенной за 200 лари. Вот тогда держись, начинается битие в грудь и утверждение: «Именно мы — настоящие грузины!»

Отец Ростом был другом детства Талеса, он крестил обоих моих детей, и в период бедствий я обращалась именно к нему. После мероприятия я осмелилась его спросить.

— Батюшка Ростом, у меня личная проблема, если можно, побеспокою вас.

— Дитя моё, если тебя кто-нибудь обидел, я сниму свою анафору, и горе обидчику, если на душе неспокойно, приходи в храм Божий, поговорим. Но одно я скажу уже сейчас, а ты пойми, как сочтешь необходимым: «Не мечи бисер перед свиньями…»

«Душевное беспокойство»? Скорей расстройство, некогда сильная, я точно с ума сходила, и в чьих руках была моя душа?

А в суть сказанного отцом Ростомом я вникла позднее.

* * *

Начался мой второй по счёту бракоразводный процесс. Я поклялась, что никогда ни с кем больше не попаду в юридический капкан. Бюрократическая система требует многого, но не дает ничего, кроме боли и конфуза. Это проклятое бракосочетание все только портит. Ну что хорошего приносит штамп в паспорте, ведь это обычное клеймо? Хорошее дело БРАКом бы не назвали.

Приближался ноябрь с его унылой погодой и часто отключающейся электроэнергией. Ведь скоро мой день рождения. Хотелось пригласить много любимых людей и оказать им достойное гостеприимство. Местом встречи был выбран ресторан «Арагви». Он нравился всем моим близким. Здесь было

комфортно, и, что немаловажно, ресторан отличался хорошей кухней и полностью удовлетворял запросы любого общества. А я, разделенная между городом и деревней, все больше и больше теряла голову…

Село Вариани постепенно становилось очень близким и родным. Сельские «кипучие» женщины, ученики Георгия, натуральные продукты и, что главное, очень домашняя, уравновешенная и образованная мама Георгия — были тем необычным окружением, которое привлекало и завоевывало своей теплотой и безграничным очарованием. Мои поездки стали принимать систематический характер. У меня никогда не было своей деревни. Новая экзотическая обстановка действовала магически.

Со времени работы на телевидении у меня есть одна привычка: в машине я всегда держу костюмы консервативных цветов и фасонов. Кто знает, что может произойти? Так было и на сей раз, когда зазвонил мой мобильный.

— Госпожа Морошкина, через час вас ждёт президент Грузии Эдуард Шеварднадзе. — Мне решительным тоном было велено явиться в Государственную канцелярию. Я подумала, что это очередной розыгрыш моих друзей, «в твой день рождения не хватает только Эдуарда Шеварднадзе» — дразнили они мои помпезные праздники. Суровое повторение требования по телефону вернуло меня в реальность. Я поняла, что меня действительно вызвали по какому-то чрезвычайному делу.

— Георгий, меня вызывают к «бабу» («дедушка» — в Грузии так называют Эдуарда Шеварднадзе. — *Л.М.),* — сказала и посмотрела на свои потертые джинсы.

— Очень хорошо, вот видишь, я приношу тебе удачу, наверное, «бабу» хочет тебе что-то предложить, — сказал Георгий и налил мне газировку.

Времени оставалось мало. Я переоделась в костюм, села в машину и поехала прямо в канцелярию. В голове вертелись тысячи мыслей: «Чего же хочет президент?»

Георгий не отпустил меня одну в город и вместе с другом ждал в ресторане «Никала».

В канцелярии меня встретил Петре Мамрадзе.

— Калбатоно Лали, вкратце расскажите президенту о себе. Вы ведь знаете, какой у него график. Желаю успеха.

Предупреждение Мамрадзе меня совсем запутало.

— Что я должна рассказать, о чем мне говорить с президентом?

Симпатичная дама с высокой прической была правой рукой президента.

— Калбатоно Лали, господин президент ждет вас, — сказала она холодно, окинув меня надменным взглядом с ног до головы.

Кабинет президента был оборудован весьма скромно, на столе лежало множество сувениров и книг из разных стран. Седой, в летах человек дружелюбно улыбался и был похож больше на члена семьи, чем на президента страны.

— Добрый день, я Лали Морошкина, десять лет работаю на телевидении, являюсь доцентом университета и председателем неправительственной организации «Моя Грузия», — как машина выпалила я.

— Девочка, ты куда-то спешишь? — ласково спросил президент и указал на стул.

— Я нет, но вы ведь очень заняты, господин президент.

— Не так уж, сегодня у меня нет срочных дел, и я хочу послушать тебя. Ну расскажи, почему мне покоя не даёшь?

— Я? — с удивлением в голосе спросила я.

— Да, ты, на какой канал не переключу, везде ты. Что ты потеряла в Самцхе-Джавахети?

Я подробно рассказала о проблемах компактно населенного негрузинским населением региона. Он внимательно слушал и не перебивал. Умение слушать — признак большой культуры, чего у господина президента, бесспорно, было не отнять.

— Почему в это дело не вмешиваются парламентарии? — спросил президент.

— Откуда мне знать? Видимо, их это не беспокоит. Вообще такие сложные регионы, как правило, представляют погрязшие в коррупции, не доносящие до центра проблемы региона люди. И нечестно, что количеством и голосами этнических меньшинств мы, а точнее, вы манипулируете на выборах, — сказала я, окончательно осмелевшая.

— Да, интересно, кивнул головой Эдуард Амбросиевич и задумался.

Президент задавал вопрос за вопросом и, как видно, действительно никуда не торопился.

— Сколько у тебя детей, Морошкина? — с интересом спросил он.

— Два мальчика, господин президент.

— Ты дашь мне пять дней?

— Для чего, господин президент?

— Хочу предложить тебе одно хорошее местечко! Так будет лучше и для тебя, и для дела.

Ну конечно. Когда я вышла из канцелярии, меня занимало только одно: интересно, что планирует Амбросиевич. Хотя, вероятней всего, через пять дней он обо мне и не вспомнит, разве

мало людей обещали в моей жизни что-либо, а потом исчезали вместе со своими обещаниями, как мыльные пузыри. Что, президент обязан обо мне помнить? Но зачем тогда он меня вызывал? И все-таки тут что-то есть.

— Привет, Лали, — послышался в телефонной трубке голос моей подруги Наны Гагуа. Нана и ее супруг Малхаз Гулашвили — основатели и владельцы медиахолдинга «Джорджиан Таймс» — были моими давними друзьями.

— Нана, если скажу, откуда иду, не поверишь.

— Да подожди ты, сейчас не время. Слушай внимательно: послезавтра юбилей 31-го завода, приезжают гости со всего мира, будет сам президент! Так что, сама понимаешь, надеюсь на тебя: оденься красиво и приходи пораньше, часа за три, чтобы просмотреть тексты. Ты должна вести вечер по-русски и по-грузински. Ладно, побежала, у меня уйма дел… — закончила Нана разговор.

«Этот президент буквально преследует меня, как тень», — подумала я.

Георгий с замиранием сердца, затаив дыхание, ждал моего возвращения.

— Что? — спросил он у порога ресторана, буквально вылетев мне навстречу.

— Через пять дней, а что, не знаю, — ответила я обессиленно.

— Очень хорошо! «Бабу» что-нибудь придумает! К тому же, я тебя очень люблю… Знаешь, мы и вправду приносим друг другу счастье. Сегодня позвонил американский промиутер и сообщил, что 21 декабря у меня бой в Петербурге. Представляешь! Буду бороться за титул чемпиона мира среди профессионалов по боксу в тяжелом весе. Сколько времени я ждал этого дня!

— Промоутер, Георгий, — поправила я и немного развеселилась. Картлийское произношение Георгия, его тарабарская лексика всегда вызывали у меня улыбку.

— Да, промоутер! Исправляй и другие мои ляпы, ладно?

Георгий был безмерно счастлив и доволен.

— Ты ведь поедешь со мной? Без тебя я на ринг не выйду, ты мой талисман!

— С ума сошел? Куда поеду? В Петербург пусть с тобой едет твоя жена. Этого не хватало, чтобы обо мне сплетничали. И не думай! Да и вообще, полагаю, что наша дружба стала переходить в нечто другое. Я этого не хочу…

Что я тогда хотела на самом деле? Быть только с ним рядом. Передо мной раскрывалась новая карьерная полоса, но огромное препятствие и моральная боль, называвшиеся трещиной в семье Георгия и моей разрушенной семьей, не давали покоя. Этого я

допустить не должна!

Король ринга

Георгий родился в 1974 году в селе Вариани. Ростом в 193 сантиметра представительный юноша с самого начала отличался особой силой и редким трудолюбием. И семья способствовала ему: мама кормила по усиленному рациону, отец тренировал его в устроенном на втором этаже дома спортивном зале. В детстве маленького Георгия сильно избили. Когда он вернулся домой окровавленный, отец изрядно добавил и сказал: «Будешь тренироваться, станешь человеком или всю жизнь будешь ходить битым».

В 1986 году Георгий впервые стал чемпионом Грузии. Тот же титул он завоевывал и в последующие годы, а в 1991 году в Саратове стал чемпионом Советского Союза. В 1992 году его уже ждал ринг Монреаля.

С обретением Грузией независимости наступили тяжелые времена для спорта. Тем более никто не ждал больших результатов на чемпионатах мира по боксу. У нашей спортивной делегации не было ни знамени, ни гимна.

Семь тысяч зрителей Дворца спорта Монреаля аплодировали представительному грузинскому боксеру. Было ясно, что Георгий выходит в финал, и, соответственно, понадобится символика, идентифицирующая страну. События развивались, как в фильме комедийного жанра. У эмигрировавшей в Канаду семьи Сисаури обнаружилась кассета с записью «Шалахо» (грузинский танец. — *Л.М.*), да еще в особом ритмичном, зажигательном, музыкальном исполнении. Быстро удалось сшить и трехцветный флаг Грузии.

Финальный поединок завершился победой Георгия Канделаки. Зал взорвался аплодисментами. Мир рукоплескал новому чемпиону мира. Пораженные северные болельщики с открытыми ртами слушали по-южному горячее шалахо и перешептывались: «Этот парень из особой страны, послушайте темперамент ударных инструментов, какая жила, какая мощь, хорошо, что он не убил нашего парня».

Чемпионат мира 1997 года в Будапеште принес еще одну победу заслуженному грузинскому боксеру. Канделаки заинтересовались известные промоутеры мира — Френк Уорен и Френк Мелоун. Именно по их настоятельному требованию в 1998 году Георгий перешел в профессионалы и выиграл нокаутом 18 боев из 25. Теперь же титулованный спортсмен готовился к борьбе за профессиональный пояс WBU.

— Что делать, второй Гогебашвили в Вариани не родится. Чем могу, тем и удивлю мир, — шутил Георгий.

А в это время на сельской «бирже» частенько слышались разговоры типа:

— Эй, ты, парень, ты что, думаешь, что находишься на Пикадилли, чё плюёшься-то?

— Ха, тоже мне Европа, Пика-чего? Язык сломаешь. И не гульнуть как следует — говно, а ведь так хотелось!

— Чего? Где гуляли? Эй, Джумбер, это было не на Пикадилли, а на Монмартре или на какой-то другой хреновине.

— Слышь, Эмзар, а вот когда мы зажгли костер в парке, где это было?

— Вах, этот человек меня с ума сведет. Это ведь было в

Лондоне, мы там в центральном парке шашлыки жарили. Помнишь, как на нас понаехала вся полиция-милиция? Уроды! Что они знают про шашлык!

— Вот склеротики, всё перепутали на хрен.

— Да тут кто хошь запутается! Нет, брат, больше ноги моей в этой хренатени не будет. Видел я эту Европу в гробу в белых тапочках. Вот озеро, вот спортзал, какого черта мне нужно в Лос-Анджелесах и Филадельфиях. Что может быть лучше здешних мест?

— Так ты сейчас про Америку? Да ну её туда же, ни бзднуть — ни пёрнуть!

Не думайте, что это шутка. Дело в том, что Георгий месяцами отсутствовал — уезжал на тренировки. Согласно контракту, предусматривались траты на лишних двух-трех человек. Георгию было непросто вне родного Вариани и без его жителей, вот почему он брал с собой по очереди во Францию, США или Англию друзей детства. Некоторые из них попадали в Европу и Америку напрямую из родного села, минуя Тбилиси.

Назначение

Юбилей 31-го завода, как и все, к чему прикасались руки Наны и Малхаза, отличался большой помпезностью. Эта пара имела удивительную способность устраивать фейерверки, и, понятно, что самые престижные и элитные тусовки в городе устраивали именно они. Ежегодные бизнес-рейтинги были детищем лично трудолюбивой, как пчёлка, Наны. Крутые бизнесмены год от года находились в постоянном ожидании своего звёздного часа — заслужить титул лучшего бизнесмена года!

Актовый зал был заполнен торжественно и со вкусом одетыми гражданами города. Место во втором ряду оставили для самого президента. За несколько минут до начала в зал вошли Эдуард Шеварднадзе, председатель парламента Нино Бурджанадзе и ее заместитель Гиги Церетели. Мои тексты были патетичными и вызывающими слезы, так как основывались на событиях Второй мировой войны и героизме авиаторов. Телеграммы, пришедшие из постсоветских стран, я читала на русском языке. Были и поздравления от нескольких лидеров зарубежья. В какой-то момент Эдуард Шеварднадзе приподнялся из кресла и помахал мне, стоящей на сцене, рукой, как личному многолетнему другу. Не забуду обескураженные лица Наны, Малхаза и Гиги, которые ничего не знали о моем вчерашнем визите к президенту.

Утром следующего дня уже хорошо знакомый строгий голос приказал мне прийти в канцелярию.

В приемной президента два известных бизнесмена ожидали своей очереди. Мой приход их удивил и заставил погрузиться в раздумья, но самое главное и интересное их ещё ждало впереди.

— Моя девочка пришла? — спросил президент, и двери его кабинета широко раскрылись.

Бизнесмены проглотили языки.

У меня никогда не было дедушки, один рано скончался, а второй в круговерти жизни совершенно обо мне забыл. Что делать, видимо, это кармическое, забывать о своей кровинушке. Впервые в жизни у меня было такое чувство, будто меня ждал мой собственный дедушка. Ведь я сотни раз слышала, что у этого человека гипнотическая сила, а не верила. Что я заладила: дед да дед, — мысленно ругалась я сама с собой и ждала от него привычного за долгие годы: «Я хотел сейчас что-то предложить, но надо немного подождать», или «Пока ничего». Неожиданно Амбросиевич, ни остудив, ни подогрев ожидания, предложил мне

должность заместителя министра по особым делам. Я так растерялась, что даже не спросила, что за дьявол были эти «особые дела», хотя какое это имеет значение, смогу, во что бы то ни стало осилю!

— Короче, моя Морошкина, отдаю тебе Цхинвали и Гали. Проблем много, но ты девочка умная, справишься. С одним условием — денег ты делать не будешь, не так, не с Эргнети (село на границе с Южной Осетией, где находилась ярмарка. — *Л.М.),* мне нужны чистые доверенные люди. Зарплата не очень большая, но с голоду не умрешь! — «Дедушка» внезапно преобразился в принципиального, неприступного, требовательного высокопоставленного чиновника. Его слова каленым железом отпечатались у меня в голове.

«Цхинвали, Гали, Цхинвали, Гали, — стучало в ушах. — Откуда я знаю, что должна делать? К тому же не была ни в одном из этих городов. Вайме, как быть?»

Казалось, что я слышу собственное сердцебиение. Президент погладил меня по голове, потом взял за подбородок и сказал:

— Не бойся, у тебя все получится, главное, доверяй интуиции. Тебя ведь до сих пор она не подводила. Разве мало журналистов проглотило время? А ты, если захочешь, сделаешь много важных дел. Читай исторические книги, и ответ придет сам по себе. Есть ли у тебя вопросы, Морошкина?

— Да, большое спасибо, даю слово, что деньгами не соблазнюсь, и еще, меня интересует номер вашего мобильного телефона. — Боже, какая я идиотка, кто спрашивает у президента мобильный телефон, что за бред!

— У меня его нет, — засмеялся президент, — все вопросы решаются через секретаря.

Первый, кто вывел меня из состояния шока, был Миша Саакашвили.

— Заместитель министра по особым делам? Ва, значит, «бабу» еще не постарел? Молодец, ну теперь знаешь, как тебе действовать. Да, правда, таким образом, есть двойная причина справлять твой день рождения.

* * *

Новость о моем назначении уже на следующий день облетела

всю Грузию. Кто-то поздравлял, кто-то из зависти или по злобе вовсе забыл мой номер.

Это позже мы привыкли к неоперившимся министрам в розовых сорочках, только что окончившим или не окончившим вузы; высокопоставленным лицам, которые в первом же интервью трубят, что пришли со своей командой. Интересно, какой командой? Наверное, футбольной или преферансной. Ну откуда команда в 23–26 лет? Тем более, когда в трудовую книжку вносится первая запись: «министр» или «министерство», «председатель регулирующей комиссии» и другие, еще более «сытные» должности.

Совсем иной была обстановка в 2001 году: заседания правительства и собрания чиновников высокого ранга больше напоминали сходки итальянских мафиози. Только темно-синие и черные костюмы, безликие галстуки для мужчин, а для женщин платья-трапеции и зачёсанные волосы с проседью для солидности.

Я, 31-летняя заместитель министра, да еще по вопросам конфликтов, никак не вписывалась в эту серую систему. Мужчины смотрели на меня с интересом, а женщины пронизывали ядовитыми взглядами.

«Читай исторические книги» — эти слова Шеварднадзе моментально обрели плоть: я погрузилась в чтение, познакомилась с интерпретациями конфликта обеих сторон, абхазской и осетинской, проконсультировалась с Мамукой Арешидзе, который искренне обрадовался моему выдвижению. Первым моим желанием было извиниться перед этими народами, потому что от более многочисленного и сильного требуется всегда больше ответственности, предусмотрительности и дальновидности; не дело — угнетать маленьких и слабых, тем более на Кавказе. Может, именно поэтому объединяются кавказские народы для защиты осетин и абхазов? Хотя у каждого есть своя правда, смотря как посмотреть…

Работа была интересной, я обнаружила существование нескольких параллельных структур со своими офисами, зарплатами и солидным бюджетом, занимавшихся одним делом. Соответственно, как в известной русской басне «Лебедь, рак да щука» все тянули воз на себя, а дело вперед не шло. К примеру, кроме нашего министерства, существовала еще специально назначенная президентом структура, которая руководила переговорами смешанной контрольной комиссии в Цхинвали. Удивительно, но заключение о работе комиссии писало Министерство по особым делам, из-за чего между министром, моим старым знакомым, бывшим послом в России Малхазом

Какабадзе, и сопредседателем смешанной контрольной комиссии с грузинской стороны были постоянные конфликты, и как результат — «дипломатические отношения» между ними были безнадежно прерваны.

— Как может наше министерство не принимать участия в деятельности контрольной комиссии? — удивлялась я.

— Что поделаешь, с Ираклием Мачавариани невозможно найти общий язык, — получила я ответ министра.

— А на какой основе пишутся заключения?

— Когда как… Если тебе удастся найти общий язык с этим человеком, в чем я очень сомневаюсь, было бы здорово, а то ведь и вправду абсурдная ситуация, — сказал Малхаз.

Мой телефонный звонок потряс Ираклия Мачавариани.

— Ваш руководитель знает о том, что вы мне звоните? — спросил он.

— Да, если можно, давайте встретимся и поговорим. Он согласился.

— Я много раз тщетно пытался найти точки соприкосновения. К сожалению, мы не пришли к общему знаменателю, но я готов вас выслушать. Lady is first.

Я и господин Ираклий встретились в одном из кафе на улице Перовской. Благодаря Господу мне довелось встречаться в жизни со многими умными и интересными людьми, но интеллект Ираклия Мачавариани, его эрудиция и неподдельное знание дела меня очаровали.

— Лали, если честно, почему вы решили со мной встретиться? — поинтересовался Ираклий.

— Потому что считаю бессмысленным противостояние двух делающих одно дело структур. Если мы не находим общий язык, чего тогда хотим от осетин и абхазов?

— Гм, интересно. Между прочим, когда я узнал о вашем назначении, отнесся к этому весьма скептически, а сейчас понимаю, что ошибался. Объявляю полную капитуляцию и готов принять вас в смешанную контрольную комиссию. Ну и позиции будем, соответственно, согласовывать, только с одним условием, я буду иметь дело напрямую с вами.

— Большое спасибо, господин Ираклий. Постараюсь оправдать ваше доверие.

— Тогда давайте не затягивать, завтра же оформим нужные документы, и через неделю вы поедете в Цхинвали. Я не верю в разрешение конфликтов, сидя в кресле!

Вернувшись в министерство, я рассказала обо всем министру.

— Как это у тебя получилось? У Ираклия ведь «монополия» на Цхинвали, и никого другого он туда не пускает.

— Не знаю, просто подошла к нему по-человечески, — пробормотала я и начала готовиться к первому совещанию.

День рождения

Подготовка к 18 ноября была почти завершена. Мой нынешний день рождения имел двойную нагрузку. Дело в том, что, как новоиспечённой чиновнице, мне полагалось пригласить всех новых сотрудников и таким образом включиться в общеноменклатурный хоровод. Список из 150 человек полностью отражал политический и элитарный истеблишмент тогдашней Грузии.

Звезды шоу-бизнеса никогда не были предметом моего увлечения, но Майя Бараташвили и братья Рцхиладзе, кроме того, что были выдающимися музыкантами своего времени, являлись моими ближайшими друзьями. А Манко еще и крестила моего младшего сына.

Наверное, нетрудно представить, какое веселье царило в зале, так как тамадой был всесторонне талантливый человек, актер, танцор и автор душераздирающих новелл Гиви Сихарулидзе. Поколение моих родителей хорошо помнило стройного, как арабский жеребец, Гиви в соло-партиях ансамбля Сухишвили. Особенно неподражаемым он был в осетинском танце. Переходящий в сарказм юмор Гиви многим трепал нервы. Жалка участь людей, не имеющих чувства юмора, они во всем хотят видеть рациональное, аллегория же бесит их стерильное сознание.

Я, сын Гиви — Джаба и его красавица жена Манана дружили со студенчества. Немногочисленная семья продолжала славные традиции рода Сихарулидзе. Несколько лет назад супруга Гиви заболела тяжелым недугом и лечилась в онкологической клинике в Москве у моего дяди. Калбатони Русудан мужественно боролась за каждую минуту земной жизни, но все в руках Создателя. Как видно, Господь тоже отбирает лучших.

На первый взгляд беспроблемный Гиви с постоянными шуточками-прибауточками до последней минуты делил с супругой ее горе и боль, а затем это чувство нежно спрятал и навечно сохранил в сердце. Близкие знали, что творилось у этого человека в душе, но кого на этом свете тревожит чужое горе? Обществу ты нужен всегда уверенный, улыбающийся и беззаботный, иначе растопчут.

Отец и сестры уже давно стали моей неотъемлемой частью, естественно, на днях рождения друг друга мы появлялись первыми. Мой брат всегда относился к ним с большим вниманием, за что я была безгранично ему благодарна.

Гиви не надоедало играть на нервах моего отца, он часто его

дразнил:

— Виктор, посмотри на Лали, на кого она больше похожа? На меня или тебя? Ты маленький, коротышка, а она, как я, высока и красива. Говорю, что Манана изменяла тебе, это мой ребенок, мой! Мы и характерами похожи! — Это был его конёк.

Виктор достойно принимал юмор Гиви, чего нельзя сказать о моей матери, красневшей до кончиков ушей и начинавшей доказывать, что Гиви лжет. Это было весьма забавным зрелищем.

Петре Мамрадзе, Марк Рыбкин, Малхаз Какабадзе, брат и сестра Тевдорашвили, Заза Шенгелия, Мамука Арешидзе, Кети, Марикуна и много других гостей и друзей чувствовали себя комфортно.

18 ноября того года вошло в историю современной Грузии тем, что мэр Тбилиси Вано Зоделава и председатель Сакребуло (законодательный орган местного управления. — *Л.М.)* Михаил Саакашвили чуть не поубивали друг друга. Вано был близким моей семьи и поэтому приглашен на день рождения. Конечно же, в списке приглашенных был и Миша. Хотя пока не появлялся никто из них. Зато сверхпунктуально прибыла «горийская делегация». По-картлийски ревнивого и упрямого Георгия я никак не смогла отговорить от прихода в ресторан. Чтобы его персона не вызвала излишнего ажиотажа, мы сошлись на том, что он будет не один.

Георгий вошел в зал в сопровождении двух своих друзей и специально принаряженной по случаю торжества горийской Теи. Он еще мог бы остаться вне пристального внимания общества, но в накинутом на атласный сарафан меховом боа, обвешанная украшениями, как новогодняя елка, Тея по-настоящему притягивала взгляды. «Наверное, это жена Георгия», — начали сплетничать гости, и я поняла, что цель достигнута. К сожалению, мой вывод оказался преждевременным.

«Happy birthday» Майи Бараташвили и приход Саакашвили с красными розами были настолько синхронными, что больше походили на запланированное действо.

— Поздравляю. Прости, что немного опоздал, — бросил мне Миша.

— Ну что ты, напротив, большое спасибо. Я не думала, что ты придешь после того, что перенес сегодня.

— Что я такое перенес, подумаешь, препирался с Вано. Как я мог отсутствовать на твоем дне рождения? — сказал Миша и направился к приближавшейся Манане.

— Тетя Манана, выглядите, как всегда, сказочно и намного превосходите Лали. Надеюсь, Лали, ты не обижаешься? А почему бы и нет? Что случится, если иногда родители нас превосходят?

Вот и моя мама прекрасно выглядит. Наконец-то, грузинские женщины научились за собой следить! — не останавливался Миша.

— Пойдем, пойдем, я тебя накормлю, а то небось умираешь с голоду, — сказала Манана.

— Да, моя секретарша Цаца-то приготовила что-то, но из-за потасовки было не до этого…

Столы, рассчитанные на десять человек каждый, были заполнены. За тем, к которому мы провели Мишу, сидело несколько чиновников высокого ранга и известных общественных деятелей. Как только он сел, все они как будто по команде встали.

— Лали, мы давно не видели друг друга и сядем отдельно, — услышала я будто заранее подготовленный текст.

Наверное, нетрудно представить, в каком положении оказался каждый из нас. Мама от неловкости совсем покраснела.

— Садись, Миша, сынок, я и Лали будем с тобой, — бормотала Манана, чтобы скрыть неловкость.

— Ничего, не беспокойтесь, тётя Манана, все в порядке, — вежливо ответил Миша.

Я не успокоилась и бросилась к столу «взбунтовавшихся».

— Что вы делаете, с ума сошли? Что это за невоспитанность? — не сдержала я себя.

— А почему ты притащила этого безумного мальчишку? Кроме тебя его никто никуда не приглашает. На кой черт он тебе нужен? — сделал мне замечание один из них.

— Да, а тем более сейчас, когда ты — заместитель министра, и такая дружба тебя совсем не красит, — сказал второй. — Это чревато…

— Между прочим, это не понравится и на десятом этаже канцелярии (где располагался кабинет Э. Шеварднадзе. — *Л.М.),* — добавил третий.

— Да вы все помешались. При чём тут канцелярия, он ведь друг детства. Как так можно? Или разрешено дружить только с Союзом граждан (правящая тогда партия. — *Л.М.)?* Что это за демарш? — моему возмущению не было предела.

Когда я вернулась назад, меня ждал новый сюрприз — сидящая рядом с Канделаки и принятая было за его жену «мерцающая» Тея, как иступленная, бросилась к столу Саакашвили, приняла странную позу, выдернула заколку, распустив черные длинные волосы, и последовала за ритмом песни «Моя мулатка», которую исполнял Темо Рцхиладзе. Зрелище больше походило на приватный танец, специально заказанный в стриптиз-клубе. Канделаки взбесился от злости. Что

скажут гости? Ведь все думали, что она его жена, а та, не обращая ни на кого внимания, выкаблучивалась перед Мишей!

Результат не заставил ждать, доносился шепот, что, мол, жена чемпиона удрала из-за стола и буквально прыгнула на колени Мише. А вы бы не удивились?

Моя бедная мама не могла успокоиться.

— Они что, совсем с ума посходили, может быть, сегодня полнолуние? — Манана старалась перекричать громкую музыку.

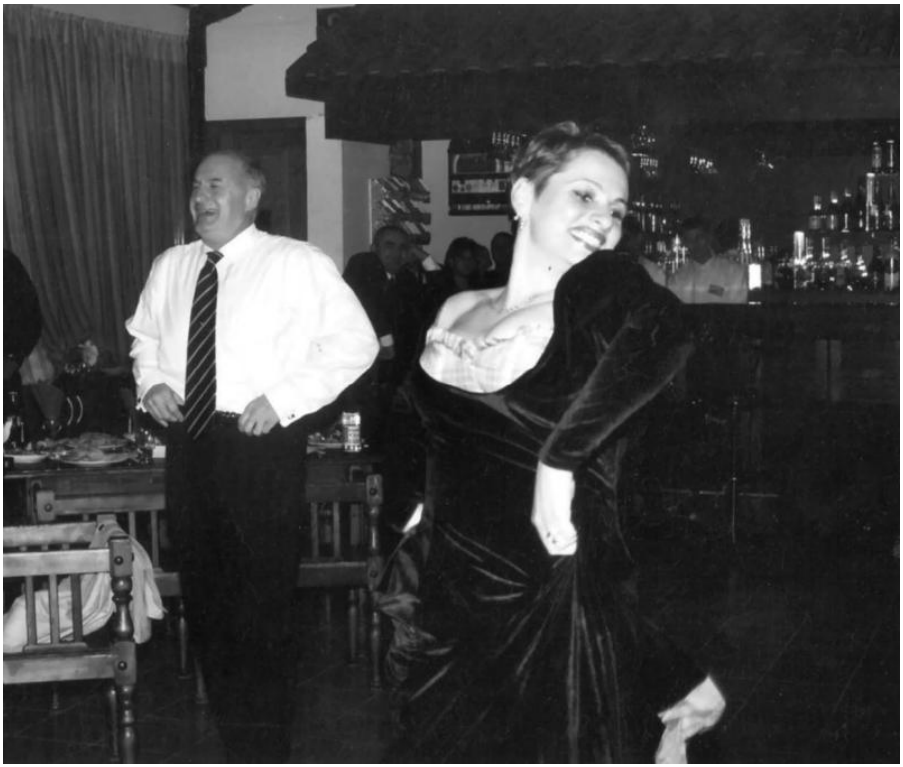
— Мишико, дорогой, извини, мы ее совсем не знаем, — оправдывалась Манана перед Мишей и в то же время пыталась логически обосновать поступок Теи. — Наверное, она много выпила, впервые оказалась на городской тусовке, вот и обезумела. Не обращай внимания…

Какое такое «не обращай внимания»! Миша в полном оцепенении, завороженно смотрел на извивания Теи, ничего не замечая вокруг и ничего не понимая. Такой Миша был для меня сюрпризом. Сколько раз мы бывали в многолюдных местах, гостиницах, на встречах, но Миша никогда не проявлял особого интереса к женщинам. Что же случилось сейчас? Быть может, проявленная женщиной неожиданная страсть, внимание и, что главное, инициатива оказались решающими? Может быть, грубо отвергнутый присутствующими, он именно в её танце нашел самого себя? Может, провинциальная Тея сняла с него главный комплекс — неприятие элитной общественности? Сейчас он был главным героем вечера. Герой, для которого танцует женщина, как рабыня перед шейхом, как гейша перед патроном, как цыганская красавица — перед русским барином. Танцует только для него!

Казалось, вечеру не будет конца. «Древо желания» Ромы Рцхиладзе сменяли композиции Рея Чарльза в исполнении Зазы Шенгелия. Русские романсы Майи затрагивали за живое. «Цыганочку, цыганочку», — требовала публика. Я со своим постоянным партнером по танцам Гиви Сихарулидзе с удовольствием исполняла волю гостей. Собравшиеся в круг, несмотря на пять часов утра, веселились от души.

Только один человек сидел нахмуренным — Георгий Канделаки, до глубины души оскорбленный поступком горийской соплеменницы.

Забрезжило утро 19 ноября. Уставшие, изможденные гости медленно направлялись к выходу. Тогда еще никто не знал, что сбежавшие из-за стола, отвергшие Саакашвили люди всего через год окажутся в первых рядах его однополчан, ну а затем, со временем, вновь в оппозиции. Как говорят французы: се ля ви, такова жизнь.



Цхинвали

В рамках неправительственной организации я часто организовывала встречи, собрания, тренинги, но министерское совещание с генералами, согласитесь, имело совершенно иную нагрузку. Я скрупулезно причесалась, надела строгий костюм и вышла в совещательную комнату.

Генералы, крупные военные чины и полицейские оказались чрезвычайно пунктуальными.

— Генерал Евневич, командующий сухопутными войсками.

— Генерал Набздоров, командующий миротворческими силами.

Генерал Михаил Кебадзе, командующий грузинскими миротворческими войсками.

— Сандро Мезвришвили — начальник трассы Гори — Цхинвали.

— Генерал Учадзе, двоюродный брат вашей бабушки, — улыбаясь, подмигнул генерал.

— Поздравляю, калбатоно Лали, готовы служить, устроим все, как вы сочтете нужным, ведь мы делаем одно дело, так что сил не пожалеем, — начал генерал Кебадзе.

— Очень приятно, надеюсь, сработаемся, — продолжил генерал Набздоров.

Совещание шло благожелательно и бесконфликтно. Я представляла, сколько всего на счету каждого из них. Слышала легенды о генерале Учадзе, который и вправду являлся близким родственником, хотя до сих пор мы не были лично знакомы, и о генерале Кебадзе. Если б не эти люди, кто знает, сколько бы раз нарушался наш мирный сон. Генерал Кебадзе полностью обеспечивал мир сел Картли и часто, лично рискуя, погашал локальные конфликты в приграничных грузинских и осетинских селах.

Распрощавшись с генералами, я тут же позвонила, чтобы выпендриться перед Георгием: переполнявшие меня эмоции требовали выхода.

— Никогда не догадаешься, с кем я сейчас встречалась, — хвасталась я. — Представь, столько генералов вместе! — Я начала перечислять фамилии.

Георгий слушал меня без особой реакции:

— Да, хорошо, хорошо. Короче, вечером в Вариани будет небольшое застолье, так что жду…

— Почему тебя не интересуют мои дела? Говорю ведь, что встречалась с такими людьми и провела с ними совещание, а ты

мне о какой-то пирушке, — закричала я и отключила телефон.

Все мужчины одинаковы! Георгий позвонил через две минуты.

— Ладно, Лал, что ты горячишься? Я очень рад, просто вышел сейчас после тренировки и очень устал. Сними свой вычурный костюм, надень джинсы и кроссовки, как нормальный человек, и приезжай — немного отдохнешь, развеешься, и все твои генералы забудутся, — Георгий всегда мог разрулить любую ситуацию.

И правда, кого интересуют мои служебные дела? Выплеснув эмоции, я расправила плечи и вернулась к работе.

Вариани находится в 80 километрах от Тбилиси, поэтому я поехала из министерства домой и быстро приступила к подготовке. Из-за того, что в последнее время мне постоянно приходилось ходить в строгих костюмах, я радовалась представившейся возможности влезть в джинсы, по которым очень соскучилась.

Какие выбрать? Эти, с красной полоской, или эти — с золотыми сердечками? Я остановила выбор на последних и подсознательно отметила, что в последнее время позволяю непривычную для себя сентиментальность…

Из Варианской усадьбы слышалась громкая музыка. Георгий, конечно, очень любил развлечения и кутежи, но сегодня, казалось бы, ничего значимого не было запланировано, иначе бы я знала. Я подъехала на машине вплотную к гостинице. При выходе меня застало шокирующее зрелище — выстроившиеся в ряд мужчины отдавали мне честь и фальшиво в сопровождении баяна и чего-то из ударных пели «День Победы».

— Не может быть, — закричала я, когда картина прояснилась, и я увидела основательно подвыпивших «моих» генералов — участников утреннего совещания.

У Георгия от смеха лились слезы. Представьте мою реакцию. Целый день я сверлила человеку мозги своими генералами, не подумав, что они по служебной необходимости — и не только — чаще всего были гостями именно этого пограничного села Вариани и лично Георгия.

— Я вас где-то видел, — такой была реакция изрядно захмелевшего генерала Набздорова, который с интересом рассматривал золотые сердечки на моих джинсах…

…Вскоре в Министерство по особым делам позвонили из Цхинвальской администрации.

— Госпожа Морошкина, наши правоохранительные органы задержали ваших ребят, и, если вы осмелитесь приехать, мы передадим их. — Информация была сухой и лаконичной.

— Малхаз, что делать? — спросила я министра.

— Раз обратились к тебе, ты и должна ехать. Конечно, риск есть, но решать тебе.

— Ну что, игнорировать «если осмелитесь»? Я поеду, кто со мной? — спросила я.

— Лали, ты ведь знаешь, что из-за нашего скудного бюджета я не могу послать с тобой ни водителя, ни охрану. Короче, решай.

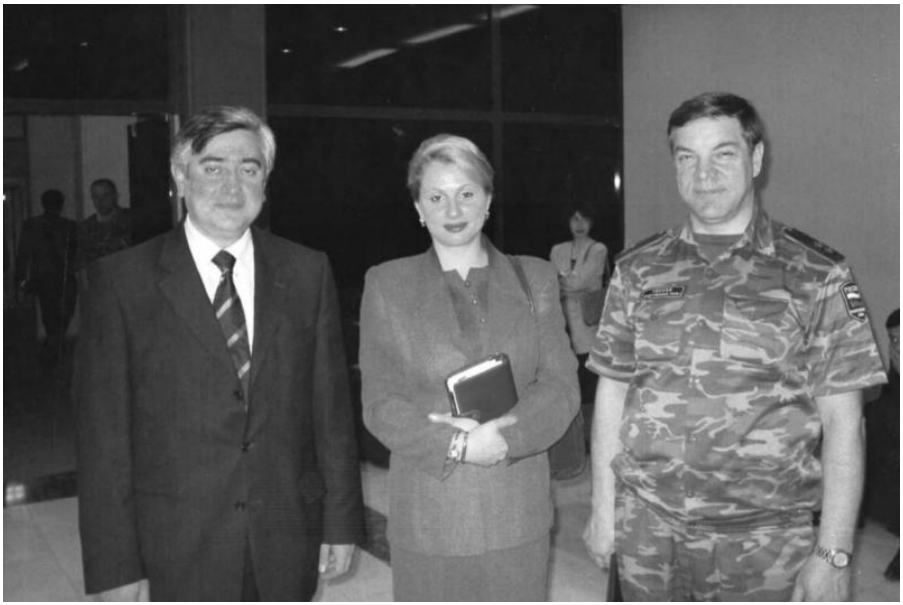
А в это время министерство «бомбили» родственники задержанных — арестованные за наркотики девятнадцатилетний парень и двадцатилетняя беременная девушка проводили холодные декабрьские дни при температуре двенадцать градусов мороза в цхинвальской тюрьме.

— Сандро, мой дорогой, я и в глаза не видела Цхинвали, к тому же, не знаю дороги, прошу, поезжай со мной, ну… — молила я по телефону начальника трассы Сандро Мезвришвили.

— Конечно, Лали, какие проблемы, как пожелаешь. Только скажи, когда тебе нужно, мне ведь еще машину подготовить.

— Сейчас же, Сандро, сейчас же, иначе что ждет тех ребят — никто не знает, — ныла я.

— Хорошо, базара нет, через час буду у министерства, приготовься.



* * *

— Ты что, едешь так? — спросил Сандро, когда я садилась в машину.

— Да, а в чём дело?

— Ведь там холод собачий, а ты налегке. Это тебе не Тбилиси, а Цхинвали. Хочешь, заедем к тебе домой?

— Нет, времени нет, мне ведь не по улицам гулять, поехали.

Машина взяла курс на север.

Цхинвали оказался маленьким угрюмым поселком, в котором особо не чувствовалось признаков жизни. «Кинули русские осетин», — подумала я. Полная стагнация — ни кино, ни театров, ни ресторанов, ни галдежа, будто Цхинвали всё еще оплакивал случившееся несчастье.

В резиденции Кокойты я заметила журналистов нашего регионального телевидения.

— Что вы здесь делаете? — спросила я бывших коллег.

— Позвонили из администрации Кокойты, что, мол, собираются передать заключенных грузинской стороне.

Все стало ясным. Кокойты пытался набрать очки. Жест доброй воли должны были увидеть по всей стране.

От администрации так называемого президента исходил сильный постсоветский запах. Вскоре оказалось, что этот запах совсем не был воспоминанием «ушедших времен», — дело в том,

что цхинвальская администрация отапливалась керосиновыми печками.

Кокойты оказался среднего роста, коренастым мужчиной. Как и большинство в Цхинвали и Картли, он тоже был бывшим борцом.

— Очень приятно. Холодно, мороз! — сказал он с грубым, специфическим акцентом и предложил притулиться возле керосинки. «Ва, президент согревается у керосинки?» — засмеялась я про себя.

Кокойты коротко описал обстановку и высказал удивление по поводу того, что я приехала без охраны и эскорта.

— Как вы не побоялись? — спросил он.

— Просто, — ответила я. — Это территория Грузии! Я могу поехать, куда захочу и когда захочу.

— Это спорный вопрос. Перейдем к делу, подпишите акт освобождения.

Я расписалась на документе о приеме грузинских заключенных.

— Идите в тюрьму, — сказал Кокойты.

Я поняла, что это было своего рода психологическое давление.

Двери цхинвальской тюрьмы открывались тяжело и медленно. Конвой, сопровождавший меня, выдвинулся вперед. В конце бетонного коридора вдруг послышался душераздирающий плач. Я ускорила шаги. Несчастные молодые грузины горько сожалели о содеянном и надеялись на чудо. А вообще-то, между нами, ведь если б не этот, пусть сделанный с расчетом жест доброй воли Кокойты, заключенные еще долго не увидели бы солнечного света.

Снаружи нас ждали измученные, перенервничавшие, но безгранично благодарные родители молодых.

— Огромнейшее спасибо, да благословит вас Господь! — раздавались их восклицания.

— Хорошо, уже поздно, постарайтесь уехать до темноты, — посоветовала я.

Две машины с грузинскими номерами за секунду исчезли в тумане и мгле.

— Почему я тебя не послушалась, Сандро, — повернулась я к своему спутнику.

— Замерзла, да?

— Ничего, сейчас попрощаюсь с Джабеевичем, и поедем.

— Поторопитесь, ведь езда ночью не очень безопасна, — предупредил Сандро.

В администрации Цхинвали гордый своим поступком

Кокойты направо и налево раздавал интервью, подчеркивая добросердечность осетинского народа.

И я сказала несколько слов благодарности от себя, пообещав в сжатые сроки пропорционально передать двух осетинских заключенных.

— Не получится, у вас мой начальник милиции Чермен Букулов уже три года сидит, сколько прошу, никто не слушает.

— Я постараюсь! — пообещала я.

Мои документы остались в кабинете Кокойты, поэтому нам с Сандро пришлось за ними вернуться.

В комнате меня встретили двое незнакомых мужчин.

При моем появлении один, более высокий и стройный, вскочил и подошел слишком близко.

— Ты кто? — спросил он.

Я представилась, взяла документы, попрощалась с Эдуардом Джабеевичем и направилась к выходу.

— Стой, ты никуда не уйдешь! — окликнул высокий и что-то прошептал низковатому.

— Лали, плохи наши дела, — сказал Сандро. — Ладно, одного-двух возьму на себя, ну, а что делать потом?

— Не нервничай, что-нибудь придумаю, — сказала я Сандро и повернулась к высокому.

— Это почему я не уйду? Что, нашли слабую женщину? Таково осетинское гостеприимство? — перешла я на грузинский язык, который осетины знали как родной. Высокий смутился.

— Да не кипятись. Мы пошутили, внизу накрыт стол. Покутим вместе, и потом поедешь.

— А если я не хочу?

— Мы хотим! А ты находишься в нашей юрисдикции и должна поступать соответственно. Поняла?

Я поняла, что оказывать сопротивление нет смысла и последовала за «приказчиками» вниз, в харчевню, где и был накрыт стол.

— Ты знаешь, кто они? — спросил меня нахмуренный Сандро.

— Нет, а кто?

— Братья «Дикие», живут в Москве и полностью контролируют Цхинвали. Кокойты у них как подручный.

Информация звучала безнадежно.

За столом, накрытым на двадцать человек, сидело практически все цхинвальское правительство.

Тамадой был избран старший брат, президент Федерации борьбы России крепкошеий Джамбулат Тедеев, младший брат Альберт наблюдал за обстановкой.

— Как мы выберемся отсюда? — прошептал Сандро.

— У меня есть план, надеюсь, он сработает, — ответила я.

Джамбулат настойчиво требовал, чтобы я пила все тосты до конца.

— А что ты думала, когда выбирала мужскую работу, — часто повторял он. — Что, в Грузии перевелись мужики, чтобы не заставлять девчонку бегать в Цхинвали.

Участники застолья наслаждались язвительными шутками тамады, а Сандро от злости гнул вилки.

Наступило время моего хода. Априори беспроигрышного, когда не имеешь права проиграть, и каждое слово может обернуться острым кинжалом. Мне была хорошо известна психология осетин, их обычаи и традиции, в частности, то обстоятельство, что осетины не выносят крепких напитков. С детства занимающиеся спортом, ослабленные вечной диетой, они с большим удовольствием употребляли домашнее пиво.

— Минуточку внимания! — сказала я и встала. — На правах гостя хочу предложить тост за Вастерджи, — осетины сразу помягчели при упоминании их святыни и подняли бокалы.

— Мы тут на Кавказе, или как? Ну-ка принесите большие емкости, — и показала на гранёные винные стаканы. — Вера каждого из нас так же сильна, как этот коньяк, — сказала я, заставив налить большой стакан до краев, и на глазах у изумленных осетин его вмиг осушила. «Крепись, — говорила я себе. — Если спиртное тебя пересилит, останешься здесь навечно, к тому же, обесчещенной и пристыженной. Это самый большой экзамен в твоей жизни».

После пяти-шести стаканов осетины, включая тамаду, были в полном беспамятстве.

— Время! — сказал Сандро. — Я выйду наружу и заведу мотор. Если не обратят внимания, через две минуты выходи и ты.

Ровно через десять минут я и Сандро на максимальной скорости мчались к Каралети.

Такой знакомый ресторан «Венеция» тепло встречал миротворцев.

— Немного отдохни, поешь что-нибудь, и поедем в Тбилиси, — заботливо сказал Сандро, заказал официанту еду и вышел. Как видно, после перенесенного и ему нужно было прийти в себя.

Вошедшая с хлебом и лимонадом молодая женщина присела рядом.

— Лали, все нормально? Почему ты так бледна? — спросила она.

— Сейчас, да. Ты знаешь, а ведь несчастные дети могли там

остаться? — сказала я и заплакала. — Несчастные дети, беременная девочка… — повторяла я уже в истерике.

Как видно, в родной обстановке я окончательно обмякла, накопившиеся эмоции выплескивались солеными слезами. Когда я немного успокоилась, уже весь обслуживающий персонал ресторана, вооружившись валерианкой и валидолом, стоял над моей головой. Кто-то прикладывал мне ко лбу полотенце, кто-то согревал ледяные и совершенно ватные руки.

Дорогу в Тбилиси я помню смутно…

…На следующий день я отрапортовала министру о проведённой операции без упоминания трудностей, с которыми мы столкнулись, и действительно по-мужски героического поведения Сандро.

— Все было так легко?

— Да, так легко.

Я уже собиралась уйти домой, когда позвонил телефон.

— Сестра, что ты сделала? Мы только сейчас сообразили: ты настоящий джигит. Знай, отныне Тедеевы — твои братья. Проси, что хочешь!

Через некоторое время после этого случая Альберта убили, а Джамбулат навсегда отошел от Кокойты.

Впереди нас ждала еще не одна встреча.

Майя

Всем известно, что грузины — уникальные исполнители русских романсов. Это специфическая музыка, нуждающаяся в особом сердечном исполнении. В романсах много боли и эмоций, если «это» не пропустишь через себя, не оставишь там навечно неизлечимой раной, не заставишь стонать спящие звуки, не последуешь за головокружительными любовными историями, то и не умрешь захваченный безнадежной цыганской любовью.

Моя одноклассница и подруга детства Майя Бараташвили готовилась к записи цыганских романсов, к тому же у нее оставалось совсем немного времени до запланированного в Германии концерта.

Патриархи джаза — Игорь Бриль, Михаил Окунь, Иорн Скогхим, Тамаз Курашвили, Джордж Дюк, Майя совершенно спокойно чувствовала себя на сцене с этими корифеями джаза. «Когда Майя Бараташвили набирает воздух для пения и диафрагма ее расширяется, мир сжимается» — эта фраза любителя джаза Эми Спеллинга была совершенной истиной.

Красивая, высокая, стройная, удивительно организованная, одна из лучших представительниц подлинного колена рода Бараташвили, она была всегда максимально тактичной.

— Лалусик, у меня есть к тебе разговор. Если ты дома — заеду, — послышался в воскресенье теплый голос Майи. Конечно же, в воскресенье, ведь в другие дни она работала в Американской торговой палате, а по вечерам пела в клубе и, как следствие, не имела свободной минуты.

Через полчаса Майя стояла на пороге моего ведзисского дома с постными пирожными.

— Не получилась диета, — сказала она и передала коробку с пирожными.

Майя пошла в детскую, поцеловала спящего крестника и вернулась.

— Лали, очень тебя прошу, не смей петь этому ребенку даже колыбельную, Сандро ты уже испортила слух, сейчас хоть этого не трогай. А если он все-таки не засыпает, включи ему мой диск.

Майя всегда протестовала даже против моего тихого, но фальшивого пения.

— Ты не должна петь и вполголоса, чтобы не испортить мальчика, — смеялась надо мной Майя.

— Ладно, ну подумаешь, если он не будет петь в Ла Скала, у нас в роду нет ни одного певца, — отшутилась я.

Майя рассказала мне о запланированных в Германии

гастролях, и мы приступили к разработке дизайна ее концертного платья.

— Ты ведь знаешь, как тебе подходит классический костюм, чуть украшенный стразами, — говорила я.

— Не знаю, может быть не стоит особенно выпендриваться?

— Что ты говоришь, там будут профессионалы со всего мира. Ну и езжай тогда во фланелевом халате!

— Боже, откуда ты берешь эти глупости, — засмеялись мы обе.

— А теперь поделись своими новостями, и то, что знаю, и что нет, — сказала Майя, и я тотчас поняла, что она хотела узнать.

— Что тебе сказать, я очень много работаю, устаю, как кахетинский осел. Мы с Мишико расстались навсегда.

— Это я знаю. А потом? — Майя была категоричной.

— А потом, кажется, у меня роман с Канделаки.

— Кажется или действительно? — докапывалась Майя, приподняв очки.

— Действительно.

— Ты знаешь, Лали, что я никогда не влезаю в чужую жизнь, но ты мне как сестра. Объясни, что происходит? Ведь ты понимаешь, что это бесперспективный ход? На чужом несчастье свое счастье не построишь. У него есть жена.

— Это не ход, а падение. Ты думаешь, я столько не понимаю? Марикуна, Эрэкле и Манана считают меня сумасшедшей. Кети ждет ребенка, я ей не говорю и половины, чтобы не тревожить. Что поделаешь, никак не могу себя побороть. Это какая-то мистика.

— Не ты ли утверждала всю жизнь, что таких глупостей не существует? Не ты ли ругалась с до беспамятства влюбленной Кети, что нельзя мужчине показывать свои чувства, а тем более, что потеряла от него голову! Что с тобой происходит?

— Я ошибалась, многого не понимала. Не знаю, может, это пройдет. Хотя, не думаю, я ведь не маленькая девочка, чтобы мне казалось.

— Но вы люди разного круга! Ты хоть это понимаешь?

— Ну и что, какое это имеет значение?

— Что? Рано или поздно это безумие пройдет, а рядом останется человек, с которым у тебя нет ничего общего, и не потому, что он плох, он просто из другого мира, у него другие идеалы. Вы отличаетесь друг от друга, как небо и земля, неужели ты этого не видишь?

— Вижу, и поэтому он мне нравится. Что, шанс в жизни есть только у ребят с Веры или Ваке? Или место рождения что-нибудь значит?

— Ты сама знаешь свое дело. Прошу тебя только об одном, не ломай такими трудами налаженную жизнь и карьеру. Тебе не жаль достигнутого, или кто-нибудь тебе помогал в чем-либо? Подумай! У тебя растут мальчики. Если б я не знала, как тебе все тяжело дается в жизни. Это внешне ты кажешься такой беззаботной. Ведь знаешь, как я тебя люблю? — Голос Майи задрожал. — А так знай, Лалюсик, я всегда рядом с тобой.

— Вот и хорошо, когда вернешься из Германии, поедем в Вариани. Я должна помочь Георгию провести чемпионат Грузии по боксу. В нем примут участие осетинские боксеры из Цхинвали, ты представляешь? Впервые под грузинским флагом и гимном будут бороться Плиев и Пухаев — крепкие осетинские ребята!

У бедной Майи было такое выражение лица, будто я ее приглашала на казнь.

— Да, но что я там должна делать?

— Все мои близкие могут мне помочь. Чем больше там будет известных лиц, тем ценнее получится чемпионат. Сейчас я хлопочу о прямой трансляции и спонсорах. Ты, Марикуна, братья Рцхиладзе и другие будете вручать завоеванные медали. Представляешь, какой это стимул для молодых спортсменов. Знай, Байрон и Пушкин тоже занимались боксом, — хотела я достучаться до Майи доступным для нее методом.

— По-моему, ты рехнулась! — сказала Майя. — Но чёрт с тобой, ты мне близкий человек, вот я и поеду туда, куда тебе нужно. Надеюсь, гигиенические нормы будут соблюдены!

— Обещаю, — ответила я, представив княгиню Майю в сельских условиях, и невольно в памяти возник Большой зал филармонии. Дуэт Майи и Джорджа Дюка был незабываемым. Волшебные звуки глубоко западали в сердца слушателей. Заколдованная публика, притихнув, слушала виртуозов. «Эта госпожа знает, что делает», — таким был позднее комментарий Дюка.

А я приглашала ее в деревню…

Манко всегда знала, как поступить, и сейчас пыталась вернуть на землю бесперспективно и бесцельно витавшую в облаках подругу.

Алаверды

Георгий готовился к петербургскому бою. По его настоятельному желанию я неделю пробыла с ним на спортивной базе в Цнори, принадлежавшей нареченному кахетинским царем Какуце — известному авторитету края. В его личной собственности были не только база, но и дворец и заповедник. Он предложил по-сыновьи любимому Георгию до отъезда в Санкт-Петербург побывать в Кахетии.

— Лали, если бы ты знала, какой это человек. Я обязательно должен тебя с ним познакомить. К тому же, он сказал, что это место между Бодбийским монастырем (где похоронена Святая Нино-христианская просветительница Грузии. — *Л.М.*) и церковью Святого Георгия отличается особой энергетикой, мол, не уезжай так, чтобы не помолиться.

Я готовила Георгию и его спарринг-партнерам диетические блюда, различные натуральные соки и настойку мяты. В промежутках моталась в Тбилиси и улаживала дела. Трёхчасовой маршрут Тбилиси — Цнори стал для меня привычным.

После тренировок в Кахетии Георгий должен был поехать на спортивную базу в Белоруссию. В аэропорт его провожали я и его друг Гела.

— Прошу тебя, не вляпайся ни во что, дождись меня. Я вернусь и разрешу все твои проблемы, только не проявляй излишней инициативы. И потом, так рассчитай свое время, чтобы 21 декабря быть в Петербурге.

— Георгий, мы уже говорили об этом. К сожалению, ситуация такова, что я не имею права там быть, ни морального, ни вообще никакого.

— Мне будет очень тяжело без тебя. Я поклялся, что это будет моя последняя поездка без тебя. После этого мы повсюду будем ездить вместе. Обещаю, ты будешь счастливейшей женщиной…

Мы с Георгием сидели на заднем сиденье. Этот человек за несколько месяцев полностью изменил мой мир. Не соответствуя внешнему виду, нежный и удивительно заботливый, он не давал мне возможности дышать от головокружительных чувств. Мне звонили то из одного магазина, то из другого. Георгий постоянно встречал меня сюрпризами в виде золотых изделий, духов или других подарков. Одним из таких сюрпризов был подаренный моему старшему сыну желтый спортивный автомобиль марки BMW. Я никогда не испытывала недостатка во внимании, меня баловал и мой теперь уже бывший муж, но то, что делал Георгий, нельзя было описать. Приезжавшую с работы в Вариани меня

ждал бадузановый джакузи, ужин подавался в постель, а влюбленный взгляд Георгия заставлял меня терять голову…

Я часто думала, что столько счастья для одного человека перебор, сколько раз боялась своего блаженства. Это было то, о чем мечтает каждая без исключения женщина, хотя часто не признается и самой себе.

И сейчас это огромное 120-килограммовое счастье куда-то едет и исчезает.

«Вайме, а может, я его больше не увижу? Или он меня за это время разлюбит?» — Переполнявшие эмоции выливались из меня слезами и промочили майку Георгия до последней ниточки.

— Вот возьму с собой запах твоих слез, — сказал Георгий и высушил набежавшую на глаза слезу.

Гела провел его до трапа и вернулся.

— Куда тебе, Лали? — спросил он.

— Обратно в Вариани. Я останусь в моей и Георгия комнате, — сказала я грустно.

От постели еще исходил аромат Георгия. Рано утром на рассвете на большой скорости я возвращалась в Тбилиси и просила Господа… разбиться.

Эту «мечту» Бог исполнил немного позже.

* * *

Через два дня я ждала визита цхинвальских журналистов. Они не были в Тбилиси после войны и потому ничего не знали о сегодняшней стране. Мне понадобилось много усилий, чтобы объяснить им, что в Грузии не стреляют, не нападают, и, вообще, их пребывание в гостях совершенно безопасно. Журналисты поверили, но не как заместителю министра, а как коллеге-журналисту, что для меня было значительно важнее. Я ждала делегацию у Каралетского ТЭК, чтобы полностью застраховаться от неприятных эксцессов.

Их было десятеро — пять девушек и пять молодых людей. Широко раскрытыми глазами они осматривали Тбилиси, и их представления явно не совпадали с увиденным. Подъезжая к министерству, они всучили мне кассету.

— Что это? — спросила я.

— Здесь все: как грузинские боевики живьем заварили осетин в трубах, как отрезали у наших ребят головы и потом делали «бусы» из срезанных ушей. Нам это показывают с детства. Помоги, чтобы эти кадры увидели грузины.

— Нет, — закричала я. — Ни в коем случае, прошу вас,

давайте начнем взаимоотношения с чистого листа. У войны свои законы, у грузинской стороны тоже есть подобные кадры, но мы их людям не показываем. Обе стороны совершали много злодеяний. Наш долг — забыть страшное прошлое. Вы ведь поверили мне и приехали сюда? Для чего, для вражды или для дружбы? Хватит нам ошибок старшего поколения. Теперь что, наши добавлять? Любая агрессия вызовет ответную реакцию. Нас должна объединить любовь друг к другу, а не вражда. Это ведь Кавказ. Давайте сделаем его зоной мира, а не убийств.

Моя мольба дошла до адресата. Журналисты согласились: нашему поколению нужно начать новый этап во взаимоотношениях — мирный и бескровный. Впереди нас ждала совместная пресс-конференция.

— Лали, не отпускай осетин без проявления гостеприимства, — послышался в трубке голос Точи Дзасохова (известный спортсмен, бизнесмен. В настоящее время проживает в России, где возглавил Ассамблею народов Грузии. — *Л.М.)*. Гоча принадлежал к той категории людей, которые одинаково любят как свои осетинские корни, так и мать — Грузию. Он всегда держал руку на пульсе грузино-осетинских отношений и прекрасно понимал, что перспектива отношений возможна только во время мира. Набожный от матери-педагога, он хорошо понимал суть слова — БЛАГОДАРЕНИЕ. — Заезжай в «Вулеву», я там что-то для вас приготовил, подари гостям, — сказал он.

В парфюмерном магазине меня ждали десять красиво оформленных упаковок, по пять мужских и женских наборов парфюмерии. После вручения подарков я пригласила гостей в ресторан. В шуме, гаме, песнях и плясках на время все забыли, что у нас, осетин и грузин, была многолетняя ненависть и противостояние. В тот вечер все мы были красивыми, свободными и весёлыми детьми мудрого Кавказа.

После этого визита в цхинвальской прессе промелькнула и положительная информация о Грузии.

Приближалось 21 декабря. Нервозность достигла пика.

У меня была назначена встреча с Джамбулатом Тедеевым в Москве. Я готовилась к поездке.

В столице России меня встретил мой давнишний друг Зура Двали.

— Лалусик, наконец-то. Как я по тебе соскучился! Пойдем, забросим твои бесконечные сумки в гостиницу и где-нибудь пообедаем, заодно, все мне расскажешь. Скажи на милость, какого черта ты таскаешь с собой весь свой гардероб, всё равно ведь и половину надеть не успеваешь?

— Я же женщина! Да и потом влюблённая! Зурик,

покукарекаем немного позже, ладно? Я должна встретиться с «Диким», у меня к нему дело. В Цхинвали похищен ребенок, только он сможет помочь.

— Это же надо! Жил себе спокойно, так нет, свалилась мне как снег на голову, ты с ума меня сведешь! Как ты умудряешься постоянно находить приключения на свою задницу. Ты нормальная? Зачем тебе встреча с сомнительной личностью в этом криминальном городе, где каждый день кого-то пришивают в подъездах. Шутишь, что ли?

— Зур, милый ты мой человечек, но я должна идти, — другого пути у меня нет: ребёнку плохо.

— Нет проблем, я пойду с тобой, может быть, мне по твоей милости наконец горло перережут, безбашенная сумасбродка!

Заботливый по натуре, интеллигентный Зура как настоящий друг никогда не оставлял меня одну.

Встреча с Джамбо была назначена в VIP-купе одного из японских ресторанов столицы. При входе нас попросили спуститься вниз. Мы с Зурой долгое время спускались в неизвестность.

— Здесь не найдут и наших косточек, — как бы констатировал он.

— Надеюсь, наши косточки им ни к чему, — ответила я.

— Господи, какое облегчение! — ворчал Зура.

— Сестра, — радушно встретил нас шеф Федерации борьбы и крепко меня обнял. Несчастный Зура ничего не знал о цхинвальском инциденте, поэтому окончательно обалдел от «домашней» встречи с «Диким». Ну не по телефону же мне было рассказывать про мои неноменклатурные похождения.

Джамбо перезвонил в Цхинвали. Проблема была решена за 20 минут.

— Большое спасибо, — сказала я. — Если можно, мы вас оставим.

— Ты рассчитываешь и на сей раз удрать? — спросил Джамбо, но достаточно дружелюбно. — Если не выпьешь со мной, не знаю, что сделаю. А теперь признавайся, что ты придумала в тот день, чтобы не опьянеть? — и рассказал стоящему за спиной дюжему верзиле мой цхинвальский инцидент по-осетински.

— Секрет фирмы, — ответила я. Бедный Зура, в запотевших очках, сидел совершенно потрясенный и растерянный, не понимая, что происходит.

После трех-четырех стопок водки Джамбо потребовал сосуд побольше и предложил тост:

— Этим стаканом я пью за независимую Южную Осетию!

У достаточно подвыпившего Двали от таких слов глаза на лоб

вылезли, и он попросил алаверды.

— Только в рамках Грузии! Вас никто не признает, так и останетесь ни там, ни здесь. Ни я и никто из грузин не перестанет повторять, что Цхинвали — это Грузия. Кстати, в армии я служил во Вьетнаме, так что, милости просим!

Со всей силой я вдавливала острый каблук в Зурыну ногу, но он не реагировал и продолжал гнуть свое. «Вот сейчас точно вляпались», — подумалось мне.

— Уважаю достойных и храбрых людей, — сказал хозяин и протянул Зуре руку.

Попрощавшись с горцем, мы потащились выпить еще немного для снятия стресса, представляя себе различные интерпретации происшедшего. Шанс для спасения и вправду был минимален, и его нам подарило мужество, обыкновенное кавказское мужество. Быть другом или врагом достойного соперника — одинаково почётно!

А осетины всегда отличались особой воинской доблестью и мужеством.

Зура напрасно думал, что мои поразительные истории на этом закончатся.

— Мисс Морошкина, — послышался в телефонной трубке голос с иностранным прононсом, — я промоутер Георгия Френк Мелоун. Дело в том, что Георгию очень тяжело, он категорически требует, чтобы вы приехали. В противном случае на ринг он не выйдет и будет наказан согласно контракту. Прошу вас, не погубите его карьеру, приезжайте.

Когда успевший за день устать от меня Зура понял, в чем дело, он не стал задумываться ни на минуту.

— Если не поедешь, страна потеряет нового чемпиона мира по боксу, а это уже предел наглости. Поехали. — Зура был лаконичен и, как всегда, мыслил очень трезво.

Чемпионат

— Приезжай, а то плюну на всё и сорву чемпионат! — Таким было содержание звонка Георгия Канделаки из северной столицы России.

Питер встретил нас холодно. Солнечного света не было и в помине.

На свою историческую родину я попала впервые. Это было потрясающее чувство! По этим улицам, наверное, ходил мой дедушка, видимо, здесь он кокетничал с одноклассницами и однокурсницами, строил планы и вдруг, как гром среди ясного неба, влюбился в мою бабушку — грузинку княжну Софью Вачнадзе. Да так, что и на день не остался в родном городе и переехал в далекий Тбилиси. Несчастный, добрый славянин, не выдержав долго кавказских ежовых рукавиц властной супруги, достаточно рано скончался. После этого Софья Ильинишна жила еще сорок лет.

Видели ли вы грузинского вдовца? Их даже днем с огнем не сыскать, потому что сильные грузинские женщины по-джентльменски (иногда не единожды) умудряются уступить дорогу в мир иной своим достопочтенным половинкам. Грузинские горделивые мужи не могут так же сильно выражать эмоции, царапать лицо или кричать до остановки крови! Вот и убивают горе в себе, а потом это же горе убивает их изнутри. Кавказская женщина, мать девяти братьев Херхеулидзе и Алгетских крепышей (исторические примеры геройства грузинских женщин. — *Л.М.*), легко надламывая своей непреклонной природой представителей сильного пола, провожает их туда, где вечный покой.

В северной столице нас ждали огромные отдельные апартаменты в комфортабельной и престижной гостинице «Прибалтийская». Георгий был на тренировке. Я интуитивно почувствовала его приближение и выглянула из комнаты гостиницы. По коридору шел похудевший, уставший Георгий. В считаные секунды я оказалась в воздухе.

— Никогда, никогда не оставлю тебя одну, — обнимал меня Георгий. У меня было такое чувство, что еще немного, и я тресну пополам.

— Георгий, — с трудом выдохнула, — отпусти, а то раздавишь.

Он послушно поставил меня на пол. Следующий час он обнюхивал меня, как медведь своих медвежат.

— «Мой запах», — две большие лапы Георгия мяли все мое

тело. — Завтра у меня бой, долго у тебя не останусь. За тобой поухаживают мои ребята. Да и твой Зура здесь. Мамой клянусь, если б ты не приехала, на все бы наплевал…

— Ну всё, не нервничай, я здесь с тобой. А сейчас иди, тебе пора, не то твои промоутеры такую панику поднимут! А завтра увидимся после того, как ты выиграешь, — сказала я, сопя, и моя голова нашла успокоение на его большой груди.

На следующий день Петербургский дворец спорта принимал грузинского и российского богатырей. По всему городу были развешены плакаты Канделаки и Васильева. Русский боксер готовился победить грузина. Мы с Зурой сидели на верхней трибуне со стороны россиян и собирали «вражескую» информацию. Местные болельщики Георгия не знали.

— Он побьет его в первом же раунде, — говорил один болельщик.

— А что, парень, если противник получит правый хук Васильева? — говорил другой.

— Но и грузин не кажется таким уж слабым, — произнес третий.

— А он красавчик, случаем, не брат Тины Канделаки? — развлекались трепом гламурные девушки, будто сошедшие с обложек глянцевых журналов.

Мы с Зурой не издавали ни писка на грузинском.

— Слушай, Лалусик, что бы ни произошло, ты знай, Георгий не придет к тебе сразу после боя. Ведь знаешь — Би-Би-Си, Си-Эн-Эн, пресс-конференции и прочее. К тому же, это ведь профессиональный бокс, Георгий победил Дэна Уильямса, побившего самого Тайсона. Ведь знаешь, как фабрикуются новости большого бокса. Поэтому не распускай свои женские сентименты, шепотом предупреждал меня Зура. — И так бой чуть не был сорван из-за тебя. Чтоб из-за бабы миллионный контракт срывать — прямо патология какая-то! — недоумевал мой друг.

— И кто это когда-нибудь видел мои женские сентименты? — расправила я плечи.

Борьба на ринге получилась напряженной и интересной. После третьего раунда Георгий казался выпотрошенным, к тому же, ему в глаз попал локоть Васильева, и, как видно, травма его очень беспокоила. Я и Зура, побелевшие от азарта, прыгали на трибуне.

— Убей, убей, — сорвалось вдруг у меня на грузинском. Быть может, мне показалось, но Георгий прибавил темп.

— Давай, как с Колей, — кричал секундант русскому богатырю.

— Это не Коля, — отвечал выдохшийся боксер. —

Технический нокаут, — объявил судья в двенадцатом раунде и поднял руку Георгия. Опустившийся на колени чемпион мира крестился. Зал аплодировал.

Только мы с Зурой вошли в гостиницу, как широко отворились двери, и появился счастливый с фонарями под глазами Георгий.

— Так быстро? — спросила я растерянно вместо того, чтобы поздравить.

— Я их маму… Си-Эн-Эн или еще какое-нибудь дерьмо, — сказал Георгий с привычным картлийским акцентом, который я тогда любила больше всего, и сильно обнял меня.

— Эту победу, любимая, я посвящаю тебе…

— Кинг-Конг не выдержал, — смеялся Зура. — Ну вы, ребята, даете…

Я, Зура, Георгий, его ребята и журналисты до утра отмечали большую победу и пили водку прямо из выигранного чемпионского пояса.

— Давайте, давайте, это вам не какой-нибудь пояс Левиса — Вебеу, Вебеу! — восклицал Георгий и направлял в рот очередной глоток водки.

ШЛАЙНИНГСКИЙ ПРОЦЕСС: ВСТРЕЧА ДЕСЯТАЯ

В Германии прошла десятая встреча Шлайнингского процесса. Он назван по названию местности в Австрии, где прошла первая встреча этого процесса, организованного британскими неправительственными структурами. Его цель – неформальный грузино-абхазский диалог, в котором участвуют представители как правительственных органов, так и общественных организаций с обеих сторон. Своими впечатлениями о десятой встрече корреспондент «АМ» попросил поделиться ее участницу, руководителя аппарата министра по особым делам Грузии Лали Морошкину.

- Эта встреча,- вспоминает она, - не походила ни на одну из тех, в которых мне приходилось участвовать раньше. С самого начала у меня было впечатление того, что это какой-то странный эксперимент в фантастической лаборатории. Представьте себе, все происходило в большом доме, который стоял в лесу вдалеке от населенных пунктов. Вокруг не было ничего. В доме все – стены, мебель - было белого цвета. Жили мы по одному человеку в комнате без телефона и телевизора. Переговорный процесс шел в большом зале с утра до вечера в присутствии представителей британских НПО. Все говорили через микрофон, и все выступления, даже реплики, записывались. По вечерам мы могли неформально общаться в баре.

- Кто участвовал во встрече?

- Участниками с грузинской и абхазской сторон были парламентарии, сотрудники правительственных структур и представители НПО. В абхазской группе были два журналиста. В грузинской их не было, и мне, как бывшему журналисту, это кажется неправильным. В ходе диалога, кстати, мы пришли к соглашению о целесообразности освещения Шлайнингских встреч в СМИ. Среди нас были три женщины - одна с абхазской стороны и две - с грузинской.

- Насколько откровенным был, с Вашей точки зрения, диалог?

- Вы знаете, мне показалось, что сначала между сторонами было некоторое недоверие. Однако уже дня через два-три оно ушло. Возможно, благодаря той необычной обстановке, в которой мы находились. Если говорить о моих личных впечатлениях, то знаете, я увидела в абхазах, с которыми до сих пор почти не встречалась, открытых, образованных, доброжелательных людей, готовых к беспристрастному и серьезному обсуждению общих проблем. С партнерами по переговорам у меня сложились очень хорошие отношения. И мне бы хотелось продолжать участие в грузино-абхазском диалоге. Надеюсь, в частности, в скором времени побывать в Гали на встрече грузинских и абхазских женских организаций.

- Какие темы обсуждались на встрече?

- Темы чаще всего предлагали организаторы. В основном, они были связаны с перспективой реализации Сочинского соглашения президентов Грузии и Российской Федерации по Абхазии. Было однозначно признано, что этот документ, безусловно, может стать началом реального сближения позиций сторон конфликта. Но, чтобы это действительно было так, необходимо детально проработать конкретные аспекты его осуществления. Например, кто и как будет работать в процессе реабилитации ИнгуриГЭС. Кто будет обеспечивать безопасность движения поездов по территории Абхазии после восстановления железнодорожного сообщения и в какой мере смогут участвовать грузинские специалисты на восстановлении железнодорожной линии на этой территории. Как можно наиболее эффективно организовать возвращение беженцев в Гальский район, какими силами добиться безопасности их возвращения. Не могу сказать, что по всем вопросам нам удалось придти к единому мнению. Но утверждаю, что абхазские представители были внимательны к аргументам оппонентов и готовы к компромиссу. Кроме того, повторяю, мы имели возможность много общаться друг с другом вне дискуссии. В процессе неформального общения круг тем был, конечно, значительно шире. Обсуждалось все, вплоть до личных проблем.

- Если говорить о вашем главном впечатлении от встречи, каково оно?

- Я бы сформулировала его так: для меня стало очевидным, что диалог между грузинами и абхазами возможен, потому что эти народы слишком многое связывает – история, культура, традиции, обычаи. Они дети одной земли, а этим очень многое сказано.

Заал КУПРАВА

21 декабря, день рождения Сталина, был достойно отмечен его соотечественниками.

Назавтра Георгий возвращался из Питера в Тбилиси прямым рейсом. На родине его ожидали любовь и слава. А меня из Москвы провожал Зура. В аэропорту Внуково шла одновременная регистрация пассажиров в Грузию и Израиль. Когда мы доставали

из машины багаж, носильщик взял наши вещи и куда-то решительно понес.

— А что, вы знаете, куда? — крикнул Зура.

— Конечно, знаю — рейс на Израиль!

Мы с Зурой переглянулись и засмеялись. Конечно же, мы — Зура в строгом синем пальто, с зачесанными назад волосами и в элегантных очках, и я в белой норковой шубе и с бриллиантовыми серьгами, больше походили на пассажиров израильского рейса.

— Прошу тебя, ну дай передохнуть, — взмолился Зура. — Хоть немножечко ничего не придумывай, а то я, связавшись с тобой, вместо какой-нибудь нормальной девушки приведу домой какую-нибудь Мимозу Хухуния.

— О'кей. Обещаю, что на какое-то время дам тебе передышку. Но смотри, только до весны!

Я поднималась на трап, а позади остались заснеженная Москва и дорогой друг Зурик.

Какуца

Канделаки возвращался в Грузию настоящим героем. Невозможно было пройтись с ним по улице: автографы, фотографии на память, поздравления и благословения лились рекой, так что я и Георгий, утомленные переездами и уставшие от такого внимания, решили на два дня укрыться в родной Кахетии. Не стоит скрывать — в Грузии больше всего я люблю Кахетию. Это, наверное, зов крови матери отца — Вачнадзе. Мои кахетинские друзья выяснили и то, что по происхождению род Вачнадзе из Колаги, и на полном серьезе отмерили мне землю для дачного участка.

К сожалению, чрезмерно горделивой бабушке было глубоко наплевать на корни, ну разве можно было с такой фамилией и происхождением не иметь даже маленького уголка земли в этом благословенном крае?! Но что поделаешь с тбилисским светским чванством? Я же, со своими смешанными генами, всегда мечтала о собственном, пусть совсем маленьком участке земли в любимой мной Кахетии.

Цнорский дворец стоял на склонах Броцлиани и Сигнахи и представлял собой совершеннейший образец архитектуры. Огромные своды, камин и «подвал охотника» были построены со вкусом и, что главное, с любовью. Любовь в этом дворце витала в воздухе и отражалась в глазах его обитателей.

Какуца был симпатичным, умным, молодым мужчиной, который давно сбежал от городского смога и хаоса; он прекрасно чувствовал себя в созданной им же самим империи, и, что самое главное, все, кого он любил и к кому испытывал нежные чувства, были рядом с ним. Любимая женщина, друзья и, конечно же, гончие.

Какуца был заядлым охотником, но один инцидент, произошедший в этом году, совсем подкосил и вывел из строя этого великана. Дело в том, что семья Мангошвили — широкие, хлебосольные люди — часто принимала у себя гостей, приехавших из столицы: застолье было бесконечным, и хозяйка постоянно обновляла стол то свежим молочным сыром, то алазанским сомом или другими кулинарными чудесами.

Месяц назад у Какуцы гостил Лери Накани, который хоть и был высокопоставленным чиновником в полиции, питал дружеские чувства к семье Мангошвили, Какуца очень любил его. На рассвете у вышедшего на охоту Лери запутались собачий поводок и ремень ружья, — слепая пуля не заставила себя ждать. Ведь говорят, раз в год стреляет и незаряженное ружье. Когда

Какуца выбежал на помощь Лери, тот уже не дышал. Обезумевший мужчина буквально расстрелял собаку, которую вырастил собственными руками, как будто случившееся было виной несчастного животного. После этого события Какуца сломался и все внимание и тепло перенес на Георгия Канделаки.

— Говорил же я тебе, парень, молись в Бодбе и обязательно победишь, — крепко обнял Какуца Георгия.

— Арчилыч, это моя Лали, — представил меня Георгий. Я и Какуцына Марика, весёлая пышногрудая женщина с большими карими глазами с первой же минуты знакомства нашли общий язык. Марика жила в Тбилиси, в Надзаладеви, но любовь к Какуце привела ее в Кахетию, и она чувствовала себя счастливейшей женщиной.

У стола, накрытого как на праздник, на протяжении всего дня одни люди сменялись другими.

— Георгий, Какуца — «вор в законе»?

— Нет, малыш, ты что, он говорит так: «Если б это было хорошим делом, меня бы кто-нибудь опередил?» Просто, его все уважают и приходят за советом.

Вечером мы сидели в «подвале охотника». Какуца показался мне мрачным. Через короткое время он позвал Марику на улицу, и они долго не возвращались.

С порога я услышала Марикин громкий и заразительный смех. Какуца подошел ко мне и поцеловал мою голову.

— Если бы вы знали, что случилось! — не могла сдержать смех Марика. — Кто-то из Цнори принес весть, что у Какуцы — Морошкина, которую назначили главой «особого отдела»! Бедные, окрестили Министерство по особым делам полицией. Я целый час объясняла, что это не «ментовка», а учреждение по урегулированию конфликтов.

— Я чуть не сошел с ума, думал, погубил меня Георгий, привел мне в семью крупного мента!

Кстати, стены дома Какуцы украшали фотографии, снятые во время охоты министров внутренних дел и безопасности. Интересно, а они не принадлежали к категории «крупных ментов»? Ничего не поймешь!

Я и Какуца подружились, мы целые дни проводили в разговорах, ему было интересно все. С того дня Цнорский дворец стал моим вторым домом.

Гали

После субботне-воскресной передышки в министерстве скопилось множество дел. Вот уже сколько времени я ждала ответа от министра насчет Гали. Я не раз высказывала мнение о том, что миссия ОБСЕ в отдельных случаях только мешала урегулированию конфликта, и уже настало время переходить на режим прямых переговоров. Тем более что первый шаг был сделан. Шеварднадзе, которого я изрядно «доставала», дал мне право просмотреть дела цхинвальских заключенных и после консультации с юристами освободить тех, кто отсидел больше половины срока заключения.

— Господин президент, ответим на жест Кокойты адекватными действиями и тоже освободим двух-трех человек, ну не принимать ведь от него подаяний?

— Уберите от меня эту девочку, — бурчал Амбросиевич после очередных моих инициатив, но в итоге соглашался.

Я ознакомилась с делом Чермена Букулова, которого упомянул Эдуард Джабеевич. И впрямь, как оказалось, уже три года никто не вспоминал о его существовании. Некогда глава Цхинвальской полиции отбывал наказание в хонской тюрьме. После трехнедельной работы я была на пути в Хони.

Глава тюрьмы — маленький, хиленький Авалиани подписал мне нужные документы.

— У меня один вопрос, калбатоно Лали, вы и вправду ждете самого сильного в мире мужчину? — окинул он меня оценивающим взглядом.

Вопрос был абсолютно бестактным и неуместным.

— Не поняла? — спросила я, и глава тюрьмы достал из ящика последний номер журнала «Сарке». Под моим улыбающимся лицом, напечатанным на всю страницу, было написано: «Морошкина развелась с мужем и ждет самого сильного мужчину».

«Ох уж эти журналисты, все равно докопались», — подумала я, будто сама представляла ряды сапожников.

— Да, наверное, ошиблись, — пробормотала я. Ведь не стала бы я объясняться насчет своей личной жизни да ещё с тюремным надзирателем?!

Высокий, коренастый Чермен удивленно смотрел на меня и не мог поверить своим глазам.

— Садитесь в мою машину, я сама вас довезу, — сказала я растерянному и счастливому мужчине. Держать в тюрьме осетинского чиновника такого ранга и никак это не

использовать?! И правда — это далеко от логики. В конце концов, обменяй на грузин!

У поворота в Цхинвали меня ждал генерал Михаил Кебадзе.

— Молодец, девочка, сколько времени говорю об освобождении этого человека, но никто даже не слушает.

Миша и Чермен обняли друг друга.

— Спасибо, брат! — сказал осетин.

— Это ей спасибо! А то сидел бы еще много лет.

Чермен пересел в машину Миши Кебадзе, помахал мне рукой и уехал в Цхинвали.

Я ходила по тюрьмам и искала осетин. Мне удалось установить, что в то время в грузинских тюрьмах отбывали наказание четырнадцать женщин из Цхинвали. Дела еще нескольких осетин, среди них женщин, завершились досрочным освобождением. Что самое абсурдное и невероятное в этой истории, так это то, что освобожденные благодарные осетины звонят мне каждый год и поздравляют то с Новым годом, то с Восьмым марта. А освобожденные грузины не позвонили ни разу!..

Возвращение с каждого заседания смешанной контрольной комиссии заканчивалось рестораном. Проголодавшиеся сотрудники ОБСЕ, вкусно вздобрив брюхо и находясь в подпитии, там же за столом принимались строчить отчеты на имя своего руководства.

— А ну-ка дай посмотреть, что ты там пишешь, — сказала я как-то больше всего сблизившемуся со мной сотруднику ОБСЕ. То, что он мне показал, не выдерживало никакой критики: дорога от Цхинвали до Тбилиси была описана, как в хорошем блокбастере. Отсюда в нас стреляли, оттуда напали, машина перевернулась…

— Что это такое? — недоуменно спросила я.

— Что делать, мисс Морошкина, если не подадим информацию именно в таком свете, даже зарплату не повысят, а в Грузии столько соблазнов: и тебе горы, и море, можно на лыжах спрыгивать прямо на заснеженную вершину даже с вертолета, так что человеку нужны деньги, — ответил мне «миротворец» и направил в рот очередной кусок жаренного в острой аджике поросенка.

Я почувствовала, как напряглись вены у меня на шее.

Наши образованные, порядочные парни работают у них шоферами, и они обращаются с ними, как со скотом. Наши женщины за хороший обед и новую шмотку ложатся с любым третьесортным дипломатом, а они делают деньги на нас! Конечно, что там говорить, горячие точки утраивают зарплату!

Из-за них в стране подорожала недвижимость. Иностранцы скупают и скупают земли, дома, дачи. Эти халявщики не потратят и копейку, зато наши винные компании не могут насытить их бездонные как колодцы животы. Мы что — в долгу перед ними? Или должны извиняться, что осетины и грузины полностью не истребили друг друга во благо повышения зарплат гиен?

— Ты что, правда, хочешь поехать в Гали? — спросил меня министр и продолжил собирать сумку: он летел в Европу на очередную плановую конференцию на тему «Замороженные конфликты».

— Да, не буду же я таскать с собой этих тунеядцев? Ты ведь знаешь мое мнение об ОБСЕ и, вообще, обо всех этих миссиях? Мы же говорим, что Гали — наш? Так вот, как езжу в Цхинвали и говорю с администрацией Кокойты, так же поеду и к Руслану Кишмария, тем более, что там работает Женский миротворческий совет. Обычные мегрельские женщины, ни с чем не смиряющиеся, а мне предлагаете поехать в навороченной «спилберговской» машине ОБСЕ?

— Твое упрямство порой очень утомляет. Я никуда не собираюсь ехать. Вот когда Хайди Тальявини поедет в Цхинвали или Сухуми, я тоже с ней поеду. Ты же делай, что хочешь, но, говорю: тебя не впустят!

Представитель Евросоюза Хайди Тальявини часто гостила у Малхаза Какабадзе, где мы иногда встречались. Истинная арийка с приятной внешностью приглашала и меня на приватные вечера и даже познакомила с приехавшей из Германии матерью. Но, несмотря на хорошие личные отношения, я все-таки считала, что двусмысленное поведение и пустые разговоры дипломатов только удаляли нас от абхазского и осетинского народов. Главное было, чтобы эти люди поняли, Грузия — их единственный шанс на спасение, в противном случае маленькие народы проглотит соседняя Россия, и лет через десять-пятнадцать будет существовать территория Абхазии, а не абхазский народ. Смешанные браки с представителями более крупных этносов, миграционные процессы приведут к потере их идентификации. Вот что мы должны заставить их понять! Ведь мы генетически ближе всего друг к другу, у нас схожие традиции, одинаковые свадьбы, похороны и в конце концов у нас одинаковое кавказское упрямство. Куда подевалась так ценимая кавказская мудрость? Или чужак, хозяин всей двухсотлетней истории (а ведь мы живем вместе тысячелетия), должен учить нас любить друг друга?!..

— Господин Руслан, я — Лали Морошкина из Министерства по особым делам. Можно приехать к вам в гости?

— Конечно, можно. — Руслан явно был удивлен.

— Ничего у тебя не получится! — кричал по мобильному с трапа самолёта министр.

— Получится! — упорно твердила я.

Тина Кецбая представляла тех бесстрашных женщин, которые постоянно жили в Гали, в то же время участвовали во множестве тренингов, делились с гальцами опытом и прекрасно понимали суть острых тем.

— Твой приезд будет стимулом для наших женщин, — сказала она мне, прослезившись, во время одной из встреч в Тбилиси. — Ждем, ты ведь любишь хороший гоми и сулугуни?

Решение было принято, и я начала тщательно готовиться к поездке. Маленькие подарки для женщин и детей — сладости и кофе — поместились в небольшой сумке. В Гали меня вез Георгий, как и было обещано, он всюду был рядом со мной. И сейчас, как хороший тренер перед выходом на ринг, давал мне последние указания.

На Ингури нас встречал глава местной службы безопасности Гоги Начкепия. Гоги, как и положено профессионалу, работающему в сфере безопасности, оказался удивительно уравновешенным и наблюдательным человеком.

— Лали, только не опаздывай, — предупредил он меня, — по вечерам там хозяйничают бандформирования, царит полная бесконтрольность.

— Может, передумаешь? — умолял Георгий, но меня ждали миролюбивые грузинские женщины, дети и горячий гоми.

Кишмария заранее позвонил на контрольно-пропускной пункт, поэтому меня пропустили без препятствий.

У поста в «жигуленке» шестой модели меня ожидали люди Руслана.

Дорога до Гали оказалась довольно длинной. В палисадниках оставленных домов разрослись деревья, их ветки упирались в окна. Одичавшая природа истосковалась по хозяйской руке, но откуда в беспризорной стране найдется хозяин?!

Женский миротворческий совет собрался в полном составе. Это было удивительное зрелище — сильные грузинские женщины создали свой «остров независимости» по существу в чистом поле. Днем они были заняты севом, а по вечерам работали в Совете, благодаря их усилиям положение не ухудшалось еще больше. Переехавшие в Зугдиди, чтобы не нагнетать обстановку, мужчины покорно ждали женского приказа. Я еще раз удостоверилась в том, что Грузию спасут только такие истинные, бесстрашные, с огрубевшими от работы руками женщины-патриотки.

Тина рассказала о жизни женщин. Оказалось, что проблем у них уйма, но все они разрешимы.

— Слушай, Тина, а Руслан Кишмария вам, случаем, не мешает? — спросила я.

— Да что ты, Лали, дорогая, наоборот, всячески помогает, а то кто бы нас здесь оставил? В Тбилиси у каждого на языке только Гали и вертится, а никто сюда не приезжает! Такие глупости передают по телевидению, просто стыд!

— Что я могу сделать для вас?

— Ведь видишь, в каком мы положении? У нас даже магазина нет. Если бы не обрабатывали землю, померли бы с голоду. Да еще сколько карманов наполняем с обеих сторон… Если есть возможность, может, поближе к зиме поможете запастись сахаром, мукой и рисом, а с остальным мы сами справимся.

— Конечно, о чём речь! А дадут мне завезти сюда продукты?

— Поговори с Русланом, он хороший человек, тебе не откажет. Мы так отвыкли от внимания горожан… — сказала Тина и подала мне горячий гоми.

Вкус настоящего гоми напомнил детство, когда моя прабабушка, в девичестве Коява, с пятницы начинала исполнять мегрельский ритуал, и запах вкуснейших ингредиентов витал в доме до традиционного мегрельского воскресного обеда.

Руслан Кишмария оказался высоким, бородатым молодым мужчиной.

— Я думала, вы старше, — сказала я ему.

— Если честно, и я тоже, по телевизору вы крупнее и старше, а так совсем девочка, — сказал он миролюбиво и показал мне разрушенное во время войны административное здание. — Вот так и живем! Чем могу служить?

— Господин Кишмария, Тина сказала мне, что они нуждаются в продуктах. Если вы не против, я прислала бы.

— Лали, вы ведь недавно на этой службе, правда? Поверьте, это никому не нужно. Если бы ваши хотели, все давно бы уладилось… Знаете, какие деньги крутятся в бизнесе орехов и сигарет? И пока здесь бесконтрольность, все набивают карманы. Поэтому и шага не делают для нашего сближения. Я вообще удивляюсь тому, что вы здесь, но, по-видимому, вы пока еще не отравлены ядом безразличия и верите, что сможете что-нибудь изменить. Это огромная система, устроенная гибче коррупции. Урегулирование конфликтов не на руку ни грузинам, ни россиянам и ни тем более иностранным миссиям. Вот вы перешли границу, разве мы вас съели? Почему ни у кого не возникает желания поговорить с нами по-человечески, с глазу на глаз, как детям одной земли?

В глазах Руслана отражались сильная боль и печаль. Он перенес эту ужасную войну и плен «мхедрионовцев», но не

озлобился, не взлелеял ненависть в сердце и вновь был готов к мирным переговорам.

— Я буду всячески содействовать вам, если ваша грузинская сторона согласится, — сказал он, и мы покинули администрацию Гали.

Смеркалось. Гальцы со слезами на глазах прощались со мной.

— Не горюйте, отныне я буду часто приезжать к вам, да еще с подарками, Руслан зажег мне зеленый свет, — ободрила я грузинских женщин и победно направилась домой.

Машина, в которую я села, показалась мне странной.

— Что это? — спросила я водителя и указала на металлические пластины, прибитые к дверям.

— В это время стреляют, а металл немного задерживает пули, — беззаботно ответил шофер так, будто поделился со мной рецептом приготовления сладкой ваты.

На Ингурском мосту меня ждали свекольного цвета Георгий и разнервничавшийся Гоги Начкепия.

— Где ты столько времени? — обнял меня Георгий. — Я уже начал мобилизацию людей.

— Все в порядке, — сказала я и поблагодарила Гоги за внимание. С того дня я и Гоги подружились.

А в Тбилиси меня ждало большое разочарование. Мне категорически отказали во ввозе продуктов. Руслан оказался прав. Я же, не сдержавшая слово, не могла больше показываться в Гали.

«Шлайнинг»

Михаил Саакашвили все больше активизировал свою деятельность под эгидой «Национального движения». Постоянные совещания, консультации, частые визиты за границу стали обычным ритмом его жизни.

Мишин автомобиль все чаще видели у снятой Теей однокомнатной квартиры, а по субботам и воскресеньям, приезжая на машинах с сиренами, он уже гостил у нее в Гори.

— Вот стану первой леди, потом увидите, — часто говорила, явно принимая желаемое за действительность, Тея.

— Кажется, ты сошла с ума, какая первая леди? Обалдела? У Миши есть жена, ты тут при чем? — злилась я на провинциальную неотесанность.

— Ну и что, жена — не стена. Помнится мне, что и Канделаки не холост, а он повсюду с тобой появляется! Да и Сандра (Сандра Руловс — супруга М.Саакашвили. — *Л.М.*) вряд ли в Тбилиси переедет.

Горькая правда больно хлестнула меня.

Тея, как и все женщины с провинциальным мышлением, уже составляла долгосрочные планы и хвасталась подарками Миши:

— Смотри, смотри, эту черную жемчужину Миша привез мне из Женевы и сказал, что она очень похожа на меня, — тараторила Тея. — Я должна установить нагреватель воды, правда, Миша подарил мне электрочайник, но до каких пор мы будем обливаться? — жаловалась вечно всем недовольная девушка. — Вот сейчас вернется из Америки и все устроит. Смотри, что он забыл, — сказала она и достала из бельевого ящика скомкавшийся между трусами и лифчиками Теи знакомый мне розовый галстук от «Босс».

— Всё-таки какие странные цвета он любит, правда? Если бы мой покойный отец увидел такое на мужике, точно б выпорол! — не останавливалась вжившаяся в роль наложницы Тея. — А знаешь, что он мне сказал? Лали, мол, против наших отношений, и не рассказывай ей все. Даже охранника уволил за то, что тот плохо на меня смотрел.

— Вот что я тебе скажу, Тея. Этот человек костьми лег для достижения цели, и сейчас, в решающий момент, когда у него и так много врагов, не обижайся, но ему совершенно не нужен такой компромат, как ты. Да еще разболтала эту историю всему Тбилиси и Гори. Не понимаешь, что твоя болтовня может все разрушить!

Тея по-ослиному упрямо стояла на своем, железной хваткой

держала в руках добычу и выпускать вовсе не собиралась. Более того, даже планировала продолжить род Саакашвили.

— Надо только забеременеть, а потом — дело за мной! — угрожала девушка, и было ясно, что у неё всё идёт по плану «Золушка-2», или «Из грязи в князи».

Грузинская делегация летела в Гамбург для участия в «Шлайнингском Процессе». Руководителем был Паата Закареишвили (ныне — член Республиканской партии. — *Л.М.).* Одна пересадка предполагалась во Франкфурте. В ожидании рейса на Гамбург члены нашей делегации Дато Бакрадзе (ныне — председатель Парламента. — *Л.М.),* Шалва Пичхадзе (консультант по вопросам НАТО) и я пили кофе в уютном кафе аэропорта.

— Какие знакомые лица, — послышался мне голос Миши Саакашвили.

— Приветик, какая встреча, куда ты? — спросила я и поцеловала Мишу.

— Лечу в Америку дня на четыре, а вы?

— А мы — на переговоры с абхазами.

— Неужели не можете понять, что это пустая трата времени? Переговорами ничего не решится, фигня всё это! Ну разве что Морошкина в Европе свои наряды продемонстрирует.

— А чем закончится, войной? — резко спросила я, рассердившись на Мишу.

— Скоро увидишь! — многозначительно проговорил он. — Да, кстати, Лали, всё время хочу спросить и забываю, ты ещё не оставила своего горийца?

— А ты свою горийку? — ужалила я.

— Не знаешь, что все спортсмены — криминалы, а тем более из тех краёв! Отстань от него, пока не поздно! На хрен он тебе сдался, что, и впрямь на экзотику потянуло?

— Сперва ты! А то вот узнает Сандра и превратит тебя в «фонарь розового квартала», тем более, твоя сельская Венера такое о тебе рассказывает… уши вянут!

— Она глупая и неотесанная, надеюсь, ты ей не веришь! — посмотрел мне в глаза Миша.

После обмена «любезностями» наша делегация направилась к выходу.

* * *

Гамбург был холодным и молчаливым. Вечером мы прошлись по городу.

— Дато, они все — спортсмены? — указала я рукой на наряженных в лыжные костюмы девушек.

— Да нет, просто профсоюз Германии принял новый закон о защите проституток и запретил им зимой выходить на улицу без теплой одежды!

— Просто с ума сойти, ну какая классная страна! Закон даже проституток защищает! — сказал Паата.

— Наша страна еще лучше, законы пишут проститутки! — парировала я. — Дато, а откуда ты знаешь об этом?

— Я — член их профсоюза, — не смог сдержать смех Дато.

У «Переговоров Шлайнинга» была своя специфика, — по семь переговорщиков на протяжении семи дней разговаривали друг с другом только посредством микрофонов, каждое слово записывалось. Был строгий лимит даже на выход за пределы закрытого пространства. Беслан Бутба, Станислав Лакоба и Вахтанг Хакба оказались приятными собеседниками и выражали свое мнение без агрессии. Мы тоже выдерживали спокойный тон.

— У меня один вопрос к госпоже Морошкиной, — сказал Лакоба.

— Пожалуйста, — разрешил фасилитатор.

— Почему вы так плохо поминали нас во время телеэфира? — спросил он.

— Я? Когда? Может, вы ошибаетесь, господин Лакоба?

Я не ошибаюсь, вы тогда вели передачу «Песочные часы» и не раз оскорбляли нас. Мы не сепаратисты, а патриоты!

В такое время понимаешь, что, оказывается, нас внимательно слушают и на неконтролируемой нами территории, и каждое слово способно навсегда всё испортить. Насколько нам следует задумываться, прежде, чем что-то сказать.

— Тогда я была очень молодой да еще неопытной. Знаете, когда война только кончилась и многих моих друзей даже не смогли похоронить по-человечески, поверьте, другой лексики и не стоило ожидать.

— Кажется, мы здесь для того, чтобы сделать шаги навстречу, — пришел мне на помощь Дато. — Если сейчас будем вспоминать старые грехи, то далеко не продвинемся!

Во время ужина Станислав сел около меня.

— Без обид?

— Без!

— Лали, я понимаю и вас, и матерей, у которых погибли сыновья, то же самое у нас — половина Абхазии ходит в черном. Кому нужна эта война? Мне и тебе? У меня лучшие друзья в Тбилиси, всю молодость мы провели вместе, как я могу забыть ту теплоту и любовь, которая была между нами? Зачем нам

проводить глупые диалоги в Германии или Америке? Мы должны уметь говорить друг с другом с глазу на глаз.

— И, в первую очередь, попросить прощения! — сказала я.

— Да, это так, пока мы этого не поймем, не помогут ни британский, ни американский проекты!

— Действительно, что за бред эти искусственные встречи!

— Другого пути нет! — подключился к разговору Дато. — Может, так, по чуть-чуть, чего-нибудь добьемся.

— Нам нужны прямые переговоры, без всяких там русских, европейцев и американцев!

— Может, когда-нибудь так и случится, или положение ухудшится еще больше, — сказал Бакрадзе.

— Ты что, куда еще ему ухудшаться? — удивилась я. — Территории потеряны, контакты нулевые, гражданский сектор пассивен, полная гегемония России! Не дойдут ведь они до Тбилиси?

— Кто, абхазы? — спросил Дато.

— Да нет же, русские! У Грузии ведь с ними проблема, неужели не понимаешь, что и осетины, и абхазы — их заложники!

— Наверное, — пожал плечами Дато…

Во Франкфурте моя дорога и дорога грузинской делегации расходились. Я оставалась в Германии и ехала в Карлсруэ к подруге детства Кети Данелия, и, что самое главное, самолет, вылетевший из Тбилиси, вез «тяжёлый груз», Георгия Канделаки.

Во Франкфуртском аэропорту я ожидала рейс из Тбилиси, когда вдруг увидела Мишу Саакашвили, большими шагами направлявшегося ко мне из глубины зала.

— Морошкина, кого ты здесь встречаешь? — спросил он многозначительно.

— А ну-ка угадай с трех раз! — ответила я. — Я ведь тебя встретила неделю назад, и ты, кажется, летел в Америку?

— Я уже успел вернуться назад и снова лечу в Штаты. Ну что, вернули Абхазию?

— Немного времени не хватило.

— Знай же, если ты сейчас ждешь того, о ком я думаю, я очень обижусь!

— О! Напугал. Остынь, представляешь, сколько холодной воды в аэропорту Франкфурта? — ответила я. Миша исчез. В это время показался и Георгий.

— Хочешь, расскажу прикол, знаешь, с кем я летел? С Мишей Саакашвили! Ну прямо Жириновский! Все пассажиры толпились вокруг меня, просили рассказать о петербургском поединке, даже сам командир корабля по громкой связи чествовал, а Миша сидел один, широко раскрыв газету с собственным изображением, и

притворялся, что читает. Ха, вот придурок!

— Знаю, он вышел первым… Я очень по тебе соскучилась, — сказала я и крепко обняла его.

Когда мы направились к выходу, я заметила Мишу, который прятался за столбом и глазами следил за мной. Мой выбор был ему явно не по душе.

«Мамочки, как изменился этот парень, — подумала я, — и зачем он бегает в эту Америку по два раза в неделю?»

Два горийца

После парламентских выборов 1999 года стало ясно, что ситуация в «Союзе граждан» была чрезвычайно напряженной. Во всяком случае, в политических кулуарах и на званых вечерах бомонда все говорили, что молодые реформаторы скоро нанесут сильнейший удар Эдуарду Шеварднадзе и его команде. Ситуация особенно накалилась накануне выборов в органы местного самоуправления…

Параллельно с острыми политическими баталиями в стране чрезвычайно осложнилась криминогенная обстановка — похищения людей стали обычным явлением. Вместе с тем образовался так называемый панкисский анклав. Создавшуюся обстановку молодые реформаторы удачно использовали в борьбе против команды Шеварднадзе. Все закончилось тем, что в 2001 году на заседании Парламента Зураб Жвания выдвинул ультиматум: «Пусть уйдет в отставку министр внутренних дел Каха Таргамадзе, тогда я готов тоже оставить свой пост!» Эдуард Шеварднадзе выбрал компромиссное решение и распустил все правительство. Соответственно, оставил пост председателя Парламента и Зураб Жвания.

Политический «котел» закипел с новой силой после убийства журналиста телекомпании «Рустави-2» Георгия Саная. А кульминация наступила, когда в «Рустави-2» под надуманным предлогом вошли сотрудники службы безопасности…

…После выборов органов самоуправления Михаила Саакашвили избрали председателем Тбилисского Сакребуло. Кресло председателя Сакребуло стало трамплином к его президентству. Стояли жаркие дни лета. Я готовилась к поездке в Панкиси. Дело в том, что под эгидой нашего министерства я устраивала тренинги для студентов на интересующие их темы. На этот раз их заинтересовал Панкиси.

Забавным было то, что почти все оделись так, будто ехали в Сибирь, по-видимому, само слово «Панкиси» вызывало у них ассоциацию с чем-то далеким и холодным.

— Что вас с ума свело, страна горит! — рассмеялась я. — Да еще в Кахетии, где вообще невыносимый зной!

Управляющий города Ахмета принял нас радушно и с удовольствием показал ущелье. Вместе с нами была лектор Цхинвальского университета госпожа Аза Кокоева. Интересным получился мониторинг осетинских деревень Ахметского района. Представьте удивление студентов, когда, кроме мечетей, здесь обнаружили и молельный дом пятидесятников.

Тренинг стал весьма полезным мероприятием. В Тбилиси мы целую неделю собирали лекарства первой необходимости и тысячу полезных мелочей, а в Панкиси студенты и мой сын Сандро с удовольствием раздавали сверстникам подарки.

«Не забыть бы позвонить папе», — крутилось у меня в голове. После недавней травмы у Георгия все больше и больше портилось зрение, мы должны были проконсультироваться с коллегами

Виктора. Вернувшись из ущелья, я направилась прямо в больницу.

Георгий вышел из кабинета врача не в духе.

— В чем дело? — спросила я отца.

— Конец боксу, у него повредился глазной хрусталик, любая нагрузка может оказаться роковой. И еще, — нагнулся ко мне Виктор, — поверь мне, у Георгия с возрастом появятся проблемы, не думаю, что это будет легко для тебя.

— Какие проблемы? — испугалась я.

— Связанные с характером, об остальном не спрашивай.

Через неделю после этого происшествия Георгий Канделаки принял «историческое решение» — баллотироваться в Парламент по списку «Союза граждан».

— Интересно, зачем это тебе? — удивилась я. — «Союз граждан» — вчерашний день, если бы это было хорошим делом, меня б никто не опередил.

— Но ведь не сотрудничать же с этим шутом Мишей, где все «голубые» и «розовые»?! — не мог свыкнуться Георгий с подувшим новым ветерком.

Было трудно объяснять то, что человек понять не хотел. Самоуверенный Георгий упёрто стоял на своём…

— Ты ведь сама мне говорила, что не буду же я всю жизнь на ринге как цирковой медведь? — спрашивал меня Георгий.

— Но это не означает, что ты должен стать депутатом. Впрочем, решать тебе, — злилась я, но упрямству Канделаки не было видно конца.

* * *

Страна бурлила, но чем более усиливались беспорядки, осложнялись обстоятельства, тем спокойнее казался Эдуард Шеварднадзе. «Национальное движение» действовало максимально активно, он же ходил на презентации желтых автобусов и скотоводческих ферм.

Чтобы немного подбодрить население приграничных районов, я планировала устроить концерты в селах Картли. Да и певцы были свободны, так как лето не было перегружено гастролями. Комфортный остров и гостиница Георгия в Вариани всегда могли принять множество гостей.

На объявление о проведении концерта в деревнях Картли, сделанное днем раньше по телевидению, первым откликнулся известный певец Темур Татарашвили. Я знала его как одного из самых талантливых и, следовательно, высокооплачиваемых певцов грузинского шоу-бизнеса, так что, во избежание

недоразумения, посчитала необходимым с самого начала оговорить условия.

— Темо, большое спасибо. Дело в том, что у нас нет никаких средств, и поэтому концерты проводятся бесплатно.

— Что ты такое говоришь, Лали, не стыдно? Как ты могла подумать, что я потребую гонорар?! — сказал мне Темо с обидой.

Обрадованная полученным известием, я обняла его и стала ждать остальных. Это, наверное, был один из самых счастливых дней моей жизни: стоило только позвать, и множество певцов, Дато Окиташвили с аппаратурой и, кого я ждала меньше всего, Гиви Сихарулидзе, нагруженный собственными книгами, были готовы ходить по селам Шида Картли, как бродячие музыканты! Картли ликовал, дети стояли в очереди за автографами.

Все закончилось большим пиршеством на острове. Наши певцы, гости из города и даже моя старшая подруга с телевидения Цира Лабаури вместе с командующими миротворческих сил пили тост за единую Грузию.

Георгий все чаще навещал Госканцелярию. Каждый же мой шаг воспринимался как пиар «Национального движения». Мы фактически оказались в разных лагерях. Теплый сентябрь ласкал оставшиеся на деревьях листья. Мечтая об отдыхе под шум кондиционера, я стояла у окна кабинета и смотрела на площадь Свободы. Ну что случится… всего лишь три дня… И как быстро пролетело это лето, Эредви, Курта, Тамарашени… (Названия оккупированных с 2008 г. грузинских приграничных сел. — *Л.М.).* Какое счастье ощущать, что издревле известные геройством грузины, столько лет живущие на перекрестке между жизнью и смертью, и сами же успокаивают приехавших туда самодовольных, сытых тбилисцев: «Не беспокойтесь, приглядите за столицей, мы здесь стоим твердо». В родильном доме Курты уже рожают женщины из Цхинвали. На прошлой неделе крестным такого ребенка стал акушер-гинеколог, и это всего лишь спустя месяц после открытия больницы. А потом, спустя некоторое время, сюда ведь и остальные придут? Школа в Тамарашени. Как дети были рады, когда мы привезли им компьютеры…

Телефонный звонок вернул меня из Лиахвского ущелья.

— Калбатоно Лали, к вам, — прервал мои мысли секретарь.

В проеме двери кабинета громоздилась фигура Георгия Канделаки.

— Что случилось? — спросила я как снег на голову свалившегося Георгия, так как знала, что после работы мы и так должны были встретиться.

— Лали, меня хотят посадить, — выдавил Георгий, и с его выдохом будто вылетели души как минимум трехсот арагвийцев.

(Всадники с берегов реки Арагви спасли грузинского царя Ираклия II во время Крцанисской битвы с персами 11 сентября 1795 года. — *Л.М.)*

— Да, но за что? — задала я логический вопрос.

— Ты знаешь, раньше мы с тестем имели бизнес по продаже труб в Гори и Каспи, это давно было, а сейчас его раскопали заново, открыто уголовное дело.

— Ты ведь из Гори? Неужели ничего не можешь сделать? — сказала я остолбеневшая.

— Ничего, малыш. Мне прямо сказали, что это интерес Саакашвили. Спаси меня, позвони ему.

— И тебя, и твоего тестя? — саркастически заметила я. Георгий хорошо понимал, к чему я клоню.

— Что делать, мы вместе в деле, он уже в возрасте, к тому же, у него диабет.

— Ладно, ладно, это похоже на того пострадавшего, которого чуть зацепила машина, а семья подает в суд на водителя, «покалечившего» единственного кормильца.

— Позвони своему другу! — категорично потребовал Георгий.

— Хорошо, сейчас же, на твоих глазах и позвоню, — я начала искать в мобильном Мишин запутанный телефонный номер. «Что ему стоит оформить один человеческий номер, что за дикий порядок цифр, Пифагор и тот ни за что не запомнит», — злилась я, набирая номер. По сотовой связи уже был слышен Мишин голос.

— Не говори, что звонишь из-за этого псевдоспортсмена и ублюдка, а то не знаю, что с тобой сделаю!

— Как ты догадался? — Я старалась говорить максимально спокойно, а в голове вертелась мысль: «Практически не сталкиваются, а какая взаимная неприязнь».

— А чего тут догадываться, телевизор не смотришь? Сегодня в Гори его роботы побили Ираклия Окруашвили, так вот, сядут и он, и его тесть, причем надолго.

— Миш, послушай, давай закончим эту историю «хеппи-эндом», поверь мне и на этот раз, — просила я, но Миша, по-видимому, был настроен радикально. — Ладно, давай, поразмышляем логически, — применила я женскую уловку. — Ты молодой, перспективный, будущий президент, и они — два горийца, да еще один — спортсмен, хоть и очень удачный. Не подобает тебе делать что-то назло!

— Не понимаешь, что я тебе говорю? Его ученики ударили Окруашвили, да еще перед всем Гори, а нам предстоит выигрывать выборы. Карталинцы не любят побитых, они народ-борец. Ираклий сказал, что и он будет стоять до конца, так что

все справедливо — твой дружок будет драить тюрьму, пусть там основывает боксерский клуб! Что ты в него вцепилась, мало проблем в твоей жизни? — не успокаивался Миша.

— Миш, ну ради меня, — понизила я голос и надавила на самую больную для него «мозоль», — ведь знаешь, эти национальные меньшинства не в особенном восторге от тебя, а ученики Георгия — в основном осетины, и вообще, весь Картли состоит из смешанных грузино-осетинских семей, зачем тебе противостояние? — Молчание на другом конце провода было знаком согласия. Он поверил мне.

— Ладно, приведи его, но если после этого случится еще что-нибудь, знай, отвечать будешь ты, и тебя не спасет наша дружба. — Тон был очень строгим, но уже без категоричности.

Я и Георгий пешком пошли из министерства в Сакребуло.

— Соглашайся с ним во всем, если хочешь свободу для себя и своего тестя, — наставляла я его. Георгий, опустив голову, покорно следовал за мной.

Секретарша Миши Цаца уже знала, что мы должны были прийти.

— Лали, генацвале, подожди его всего десять минут, из австрийского ресторана «Грац» опоздали с бифштексом, и получился обед не вовремя. Знаешь же, сколько он работает и, если не будет питаться — просто загнётся, — страдала Цаца.

«Бесконечная» трапеза закончилась. Я и Георгий переступили порог кабинета председателя Сакребуло.

— Что такое, парень, что, сил некуда девать? — спросил Миша, но тон был довольно мягким и доброжелательным.

— Не знаю…

— Короче, пожмем друг другу руки. Вот, Лали будет поручителем, и никаких подножек друг другу, это уже решено. Ираклий потратил миллионы, он должен победить на выборах! Если нет — пеняй на себя, и Лали тебе больше не поможет! — Это была уже открытая угроза.

Георгий в знак согласия кивнул головой.

— Лали, а ты останься, — услышала я, выходя из кабинета.

— Надеюсь, ты довольна? — спросил меня Миша.

— Да, но кажется, будет лучше, если ты, Вано и Ираклий приедете в село Вариани. На ринге Ираклий и Георгий обменяются рукопожатием, и считай, что инцидент исчерпан при твоем посредничестве и с твоим явным преимуществом, да еще перед кем — чемпионом мира, и вперед — завоевывай сердца гордых карталинцев. You are the best! — сказала я, ожидая цунами, потоп и ураган одновременно.

— Почему бы и нет? Так, значит, завтра в Вариани едем я,

Вано Мерабишвили, Ираклий Окруашвили, Георгий Барамидзе, и знай, никаких костюмов от «Шанель». Это деревня, деревня! — Мишино умение принимать внезапные, важные для пиара решения за секунду меня всегда приятно удивляло. «Это искусство», — подумала я перед уходом.

— Хорошо, все решено, завтра я с вами, а послезавтра еду на родину Сандры. Что-нибудь передашь?

Я с победой оставляла обустроенный в салатовых тонах кабинет Михаила Саакашвили и несла с собой свободу двух человек.

— Калбатоно Лали, я — Тамуна Тоидзе из ОБСЕ. Ваши билеты на Амстердам уже у меня на руках, где я могу их вам передать? — тараторил голос на другом конце провода.

— Не беспокойтесь, я сама зайду.

Тамуна оказалась удивительно живой и шустрой девушкой. Она работала администратором ОБСЕ и улаживала множество дел.

Заседание смешанной контрольной комиссии на этот раз проводилось в Гааге. Четыре стороны — Грузия, Россия, Южная Осетия и Северная Осетия под наблюдением Евросоюза и ОБСЕ проводили очередной раунд переговоров в Голландии…

…Вот уже третий день, как Ираклий Мачавариани не давал оппонентам сказать ни слова и мучил их до полуночи. Так же мучилась и я… Подружившаяся со мной Тамуна зря ждала меня для шопинга…

Из-за абсурдных требований осетинской стороны в конце встречи заседание провалилось, и со «спокойным» сердцем можно было идти на экскурсию по Амстердаму. Не знаю, чем руководствовались наши голландские друзья, но факт, что музей Ван Гога был единственным просветом среди секс-шопов, «розового квартала» и многочисленных кафе-шопов.

— Ты на них посмотри, — легонько толкнул меня рукой дипломат Заза Гогсадзе, который тоже был вынужден не отставать от «главной группы».

Я оглянулась.

Члены российской делегации с большим азартом выбирали для своих супруг помаду. Казалось, ну и что здесь такого? Просто у помад была форма фаллоса. Прикольно было бы достать из сумки такую косметику… Когда россияне вдоволь понавыбирались сувениров для семей, руководитель экскурсии пригласил нас в кафе-шоп на площади Дам. А там такое творилось! Маринованные грибы, пирожные и шоколад с марихуаной лежали горой на прилавке. И главное — для привлечения клиентов можно было попробовать все, что давало

«гурману» марихуаны возможность сделать «правильный» выбор.

— Представь, я не могу выкурить даже обычную сигарету, а что со мной сделает такая? Здесь такой запах, что уже голова кружится, — шепнула я Тамуне и вышла на свежий воздух.

Что правда — то правда, русские даже близко не подошли к этой «вакханалии», и дружно направились к магазину, где продавалась родная водка. В этом «всенародном празднике» не участвовали только глава осетинской делегации Борис Элиозович Чочиев и его команда. Наверное, они хорошо помнили принцип: «В Советском Союзе секса нет!»

Вечером, вернувшись в Гаагу, мы поужинали и устроились в фойе гостиницы выпить кофе. Гаага, в отличие от Амстердама, серьезный и молчаливый город. Грузины после скачек галопом по магазинам хотели спать, россияне пили, а осетины с интересом рассматривали гостиницу и изучали одноразовые причиндалы в своих номерах, спускаясь с каждым новым шампунем и жидким мылом к Тамуне. Несчастная девушка в сотый раз объясняла, что несмотря на то, что оба пенятся, бадузан и шампунь — разные вещи.

Утром Тамуна встала пораньше, так как ей надо было рассчитаться с администратором гостиницы.

Спустившись позже, я услышала ее громкий разговор.

— Борис Элиозович, сколько раз я предупреждала, что за траты в мини-баре и PAY-TV ОБСЕ не платит.

— Тамуна, мы всего один раз включили, — уверял ее руководитель осетинской делегации.

— Какая разница, сколько раз вы включали эротический канал, надо заплатить фиксированную стоимость.

— А почему должен платить я? — не остывал Чочиев. — Я ведь не один смотрел?

— А с кем? — спросила Тамуна с явным интересом.

— Вместе со всей осетинской делегацией.

— Так вот, поделите между собой траты и верните взятые из мини-бара бутылки, а то посчитаю и это! — твердо стояла Тамуна.

Траты за «удовольствие» осетинской делегации взяла на себя российская…

Розы

Несмотря на большую любовь к Георгию, признать то, что выборы 2 ноября провели справедливо, было абсурдом! Такая проигрышная первая десятка партии власти, президент, погруженный в нирвану, полный карт-бланш со стороны Службы безопасности такой деструктивной организации, как «Кмара» («Долой». — *Л.М.*) и вконец обнаглевшему Институту Свободы, рождали сомнения, не имел ли место какой-то кулуарный сговор.

Телекомпания «Рустави-2» кипела по максимуму.

ОБСЕ, как всегда, не торопилась представить окончательную оценку выборов. В предварительном никчемном документе, «палке о двух концах», каждый мог увидеть то, что желал. Эта устаревшая дипломатичная уловка, кажется, не «канала» уже даже в Уганде.

— Лали, вечером ты нужна мне в эфире, — услышала я голос Миши, — я знаю, что ты должностное лицо, но все же…

— И что ты хочешь, чтобы я сказала?

— Как всегда, то, что думаешь, моя цензура тебе ни к чему.

В ночном ток-шоу на «Рустави-2» я была единственным представителем правительства, который всенародно протестовал против итогов выборов.

Каким бы удивительным это ни казалось, но на мою ночную «наглость» Госканцелярия не среагировала.

«Своевременной» реакцией на лавину людей на проспекте Руставели стало уже новое «умозаключение» ОБСЕ: выборы были сфальсифицированы!

Дождливая погода не могла уменьшить волну протеста.

— Георгий, да плюй ты на этот Парламент, и давай присоединимся к народу, — просила я упрямого карталинца. — Ведь знаешь, что этот режим устарел, что-то должно измениться, нужна новая кровь!

Миша с охрипшим и осевшим на митингах голосом был частым гостем нашего дома в Ведзиси. Моя бабушка встречала его чаем с лимоном.

— Пей, сыночек, а то простудишься.

— Большое спасибо, Еноховна, а вам нравится, как я выступаю?

— Конечно! — хвалила Мишу моя радикально настроенная бабушка, которая в свое время находилась в оппозиции к коммунистам. В бытность заведующей аптекой она часто провожала инвалидов войны следующими словами:

— Кто вас просил побеждать на войне? Был бы у вас сейчас

аспирин Байера и баварское пиво, не хотели — вот вам тогда советский аскофен, — черный юмор Наны Еноховны понимал далеко не каждый, из-за чего ее неоднократно вызывали в аптечное управление. Конечно же, хулиганке по природе, Нане нравились Мишины экстремальные заявления и харизматичные выступления!

— Я лично более критична. Сказать тебе правду? Не обидишься? Кажется, ты перебарщиваешь, ведешь себя слишком агрессивно. Ведь нельзя постоянно кричать: «Всех пересажаю», — говорила я ему.

— Людям нравится, да и что говорить, я ведь и вправду этих посажу…

— Дай тебе волю, кажется, и меня посадишь.

— А что ты, несчастная, выгадала за это время? Поверила «Белому лису» и честь не запятнала, да? Знаешь ли ты, какие бабки загребли даже те, кто были чином ниже тебя! — прикалывался надо мной Миша. — А тот что говорит? — неожиданно поменял он тему. Я знала, он спрашивает о Канделаки.

— Наверное, завтра приведу его на митинг сделать заявление, что чемпион мира должен стоять вместе со своим народом, — не успела я выговорить, как Миша позвонил. — Алло, да, короче, объявите следующее: «Чемпион мира присоединяется к движению протеста».

— Подождал бы… — сказала я.

— Время не ждет!

Телефон Георгия раскалывался на части.

— Нет, нет, я пока еще не решил, — отвечал он, как загнанный в клетку раненый лев, и в конце концов отключил телефон.

— Ты мне это подстроила? — спросил он злобно.

— Так лучше для тебя, садись сейчас же в мою машину и поедем.

После долгой мольбы Георгий уступил.

— Ладно, сейчас пойду, а Ираклию Окруашвили потом намылю шею, — не успокаивался чемпион.

Именно там, где начинался многолюдный митинг, зазвонил только что включенный телефон Георгия.

— Гио, генацвале, знай, деревня тебе этого не простит, если встанешь с этими неверующими и свидетелями Иеговы… Он ведь исчадие ада!

Георгий как оголтелый выскочил из машины.

— Что ты делаешь? Перед столькими людьми объявили, и информационные выпуски передали о твоем переходе к

«националам», а ты сбежал, — кричала я ему. — В какое положение ты меня ставишь, ведь губишь меня!

— Меня не примет деревня, слышишь. Народ не простит! — кричал Георгий. — Тебе-то на это наплевать, ты же у нас городская, а столица вечно хвостом виляет. Деревня другая, она живой организм!

Я очень волновалась, прекрасно понимаю, что крупно попала.

23 ноября 2003 года Гиоргоба (День святого Георгия покровителя Грузии. — *Л.М.)* увенчалась тем, что сторонники «Национального движения» ворвались в Парламент. Миша с розами в руках символично отпил приготовленный для президента Шеварднадзе чай и, тем самым, как бы взошёл на «царский трон». Новоиспечённые депутаты, в основном от «Союза граждан» и блока «Возрождение» (партия аджарского лидера Аслана Абашидзе. — *Л.М.),* успевшие вкусить блага «народных избранников» лишь на пятнадцать минут, покидали Парламент, поджав хвосты. Кроме двух-трёх депутатов из «Возрождения» все были абсолютно молчаливы и по-рабски покорны, в том числе и чемпион мира.

Вскоре были назначены досрочные президентские выборы.

* * *

С тех пор как я пришла в Министерство по особым делам, постоянно велись разговоры о двух с половиной миллионах евро, которые должны были пойти на реабилитацию дороги Гори — Цхинвали. Так как Цхинвали курировала я, проект составляла тоже я. В составленном мною документе сумма была разделена поровну, на паритетных началах.

На тот день была назначена свадьба моего брата Эрэкле, но, несмотря на огромную радость по этому поводу, что-то меня грызло изнутри и не давало покоя. Я положилась на обостренную, как у собаки, интуицию, извинилась перед братом и вернулась в министерство. В приемной лежал подготовленный мною документ, но вся сумма почему-то была расписана целиком на цхинвальский регион. Кому понадобилась такая афера в этот сорокадневный межвластный вакуум?

— Алло, Вано, здравствуй, это Лали Морошкина, здесь кое-какое недоразумение, может, поможешь мне? — Я коротко рассказала все Вано Мерабишвили, которого назначили секретарем Совета безопасности.

— Бери все документы и быстро поднимайся в Госканцелярию. Тебя встретит мой заместитель Ника Вашакидзе, — сказал мне Вано. Ника познакомился с обоими вариантами, позвонил в несколько инстанций и аннулировал все договоренности с Цхинвали на ближайшие дни.

— Лали, понимаешь, какой беды мы смогли избежать? Кто-то, не теряя времени, из-за стотысячного отката продал Грузию.

Я даже не хотела думать, кто был замешан в этом преступлении.

— Твоя реакция оказалась своевременной, иначе было бы поздно, и никто бы тебе не поверил, что ты ничего не знала, — сказал мне вечером Вано.

Через две недели, как поднявшийся ураган, нагрянул Миша. Я лежала с сорокаградусной температурой.

— Не время для этого! — сказал мне кандидат в президенты. — Сейчас же закапай алоэ и поставь банки. Завтра едешь в Страсбург с делегацией из двадцати человек, немного пошевелите там мозгами, а потом — дело за мной…

Я и моя болезнь синхронно повиновались.

Удивительно, но большинство членов делегации представляли довольно-таки сопливые мальчишки и девчонки.

Опыт в Страсбурге, бесспорно, был интересным, а еще, кроме гостиницы и питания, нам ежедневно платили по 160 евро на карманные расходы, что было очень кстати.

До инаугурации оставалось каких-то два-три дня, когда меня вызвал будущий президент:

— В стране начинаются важные процессы. Кто не успеет запрыгнуть на наш скорый поезд, навсегда приговорен волочиться сзади. Все лица, замешанные в коррупции, будут наказаны, среди них и криминалы. Канделаки не избежит этой участи; вопреки данному слову, он все равно сфальсифицировал в нескольких селах итоги выборов, — и как подтверждение сказанного, Миша выложил на стол компрометирующие списки. — Всем этим лихо заправлял из тюрьмы его друг. Короче, теперь дело за мной.

— Почему ты мне это говоришь? — спросила я.

— Потому, что я должен его посадить и раз и навсегда покончить с идолопоклонством в Грузии! Никаких авторитетов! Кончено!

— Ну что ты прицепился именно к нему. Мы ведь договорились?

— Он не сдержал слово. А от тебя требуется только одно — не суетиться. О тебе я уже позаботился, ты через неделю назначаешься министром в Министерство по урегулированию конфликтов! Ты ведь этого всю жизнь хотела? Чего ты зря время на эту деревенщину теряешь?

— О чём ты говоришь? Ты что, предлагаешь мне пост в обмен за молчание? — вымолвила я, обессиленная.

Миша держал в руке два документа: один — об аресте Георгия, второй — о моем назначении министром.

— Выбирай! — это было приказом.

Я взяла у него оба листа и превратила их в клочья.

— Дура! Деревенский он, деревенский, они никогда не ценят добра, из-за кого ты себя губишь? — Мишин отчаянный крик надолго остался у меня в памяти.

ვინ ჩააგდო მანდილი მიხეილ სააკაშვილსა და გიორგი კანდელაკს შორის

ვინ დაითრევს ...ქალთა არმიას"?

და, ბოლო ორი კურის გამოცხადებამდე, სხდომათა დარბაზის უკან მეორედ ტოვებს. „მეამბოხეთა" ლიზუხეი ურთოს მთამწყდაეთა — პარლამენტში ჩვენ ქართველ ხალხთან ერთად დავბრუნდებით პარალელურად, ხალხს კუდს მოკუბას სახელისუფლებო ერსტვენით ცდილობენ და დაახლოებით, ასეთი ლიზუხეს კისერიან" — ქალთველთა თან ან კარიერისტებიან?

სარჩევი ფეხით მარათლა, პრეზიდენტი შეორდება და, სიერთოდ, კმაყოფილებული ოპოზიციის რეალურ ოპოზიციად ძალან აბაშის პალატგიერთობის მოწვევს, მაგრამ „ალორძინებაში" „კარიერისტებზე" მაღლა კახალი სტრიელ" დაიყენა. მხრედ ამბობდა ვერ გაგება ვერ „ბრძანება" სახელისუფლები ბელოთან შეთანხმებულად მოქმედებს სალეკანძია, რომ ეს ეჭვი, მეტ-ნაკლებად, ყველ ყოფილ-ოპოზიციას დაადასტურა. მხი თქმით, ჭეშმარიტებულის თავდან მოცილებულად „ალორძინება" ეშმაკსაც კი შეკერება აშშ-ისთან შეკერა" კი ძალან აბაშის ძალიან ძერი დაუყვარება.

რა ღირს პარტიული სიაში „ჩასმა"?

ოპოზიციის ლიდერების სხდომათა დარბაზი სულ ღიმილდიმილით დატოვეს ეს კი, ალბათ, იმას ნიშნავს, რომ ანგარიშვალდებისტებული პოლიტიკის ლიდერები გუგმის მიხედვით მოქმედებენ „ქრონიკის" ინფორმატორის მოსაზრებით, კიდრეოსახალხო მოძრაობის დანგებისთვის ოპოზიცია საბაბს ეძებდა და იმთვი კიდევ მარიალია, მოსახელობას ცოტა დაკომპლექსების ნება სულ ცოტა ეძლევა და ოპოზიციის ლიდერები სიდან ამოშლის საშიშროებას სთავაზობს. უარის მიღების შემთხვევაში, „ერმ" მოსახლეს საშიალებად სდის და შეიძლებული ცხოსა-მოსწორების სანაცვლო 20-25 ლარს ითხოვა. „ერონიკის" წყაროს თქმით, რაიონებში გაგზავნილ ოპოზიციის ემისრებს ასეთი შემთხვევების გამოსაღებად სპეციალური ინსტრუქციები ჩაუტარებიათ.

საგანგაში სხდომის მონაწილე ოპოზიციის ერთი სანლის რაიონებში „დესანტი" უკვე გადგასა. ამ მხრივ, გამაკეთრებით „ალორძინებული დეპუტატების" აქტიურობას. ეკაძეულის ოფისთან დაახლოებით წყარის გამჩარებენი, ყველიან პარტიული ასორები მეშვიდის 24-საათიან რეჟიმზე გადავიყვანა, საერთაშორის მოყვ ტერიტორიაზე 160 ათასამდე „მორდასჭერის ბარათი" გაეზავნეს და, ამ მხრივ, შეიამჩვდება წარმატებებიც მიიღონ.

დამოუკიდებელ ექსპერტთა აზრით, ცალკეული ოპოზიციური პარტიები საარჩევნო ბარიერს დამოუკიდებლად გადალახავენ და ახალ პარლამენტში 10-10-კაციან ფრაქციებსაც შექმნიან, მაგრამ ოპოზიციური ბლოკი იმიტომ უნდა გაერთიანდეს, რომ პარლამენტის „საერჩნერეო პაკეტი" გააკონტროლოს. თუმცა არც ისაა გამორიცხული, რომ ცალკეულ ბელადთა ამბიციურობამ ოპოზიციის გაერთიანების წერტილი საბოლოოდ დაუსვას.

კონკრეტულად წყარონე დეპუტატისა, „ქრონიკისთვის" ცნობილი გახდა, რომ საარჩევნო სიების შედგენაზე გარკვეული პრობლემები, თურმე, სხვენისუფლებო ბელოკშე არსებობს. ძმიღისურ „პალტკლატაში" გაერკვეული ჭორით, სახელისუფლები ბლოკს და, საერთოდ, კონკრეტულთან დაახლოებით პარტიების „გამცელ სიაში" „ჩასმა", ნამშრომლობაში „ამხილა". ანტიკონკურენტული პალტკის პატრონატები ტერორისა და შანტაჟის, დაახლებით, ისეთ სცენარზე ალაპარაკდნენ მოუხედავად იმისა, რომ რაიონებისა და სოფლების „პრეზის სადავეები", ადგილობრივი არჩევნების შერე, ოპოზიციური ძალების ხელში გადავიდა, ხელისუფლებამ ოპოზიციურ მმრთველთა ერთი ნაწილის „დაეშრობაც" მოინე მოახერხა. გამეებლები კი, თავის მხრივ, თურმე, მოსალოდნის „აკერძოკეებენ" „გადაბირების" იქვს, როგორც ამბობენ, ძალან მარტივად ოპოზიციელ რაიონის თუ სოფლის ხელისუფლებში, ეუსკეთ, ახალთან გარდაცვალების მომბის ამაღლად მიეთს. ცნობის დაწერამდე „ერეული წინორეკი" მას ხელისუფლებასთან თანამშრომლობას სთავაზობს. უარის მიღების შემთხვევაში, „ერმ" მოსახლეს სამაგალითოდ სდის და შეიძლებული ცხოსა-მოწმობის სანაცვლო 20-25 ლარს ითხოვა. „ერონიკის" წყაროს თქმით, რაიონებში გაგზავნილ ოპოზიციის ემისრებს ასეთი შემთხვევების გამოსაღებად სპეციალური ინსტრუქციები ჩაუტარებიათ.

დიდი ცემა-ტყეპა ბატარა გორში, ანუ რაზე იოთბირეს საკაშვილმა, კანდელაკმა და მორიშვილიმ?

ბოლო დროს ბატარა გორი დიდი პოლიტიკური ბატალიების „არენად" იქცა. „ქრონიკის" ყოველდღიური ინტერესის მერე კოველთა კერაც" თავად სახელმწიფო მოხსნილი ცხრემლი. მართალია, სამხრეთის „ტიგრის" ატრაქციების კომპლექსი არ ფუნთა, მაგრამ კრეატინისტის" ახალგაზრდებმა ვიდეოფილების „ტიგრონალტერი" სრულიად ფეხრატორულად ეერთეს და ახლომდეს დიდი საორატეტო აქცია მოეწყეს. წმენდიანის მმოდეტაციაში, ერთი შეხედვით, სასოფლო არაფერია, მაგრამ გორში სიტუაცია ისან უფერო გაართულა, რომ ხელისუფლების „პიაკურ ოპოზიციად" გაორკი კანდელაკი მოკვდაში. „მეტრის მიღის" შერე მთავარი რეპრეზენტანტებიდან, რომ იყო, უმრავლეს, სტუმრობისთვის ხის ნუკის იცავდა და პოლტკეთში სერთოდ არ წარეულა, მაგრამ „ქრონიკის" ინფორმატორი ამბობს, რომ კანდელაკი სერიოზული პრეკაციის მეშვეობით გახდა ამ ოპოზიციური გორელი კანდელაკი და მიხეილ საკაშვილი ერთმანეთს „პირზე კოცნით" ხვდებიდნენ.

თვითმცველის თქმით, გორის ოპოზიციის ზემოხსენებული ორი ბანაკი კვლე ერთმანეთის პირისპირ იყვნენ. თვითმხილველისვე თქმით, ამ შეხვედრის ღალი პორიგრაც ქონებოდა. ინფორმატორი ამბობს, რომ კანდელაკს და საკაშვილის ინტერესები ამოწერილად გამოკვეთდა. მეტიც, იანი, თურმე, შეიამჩნევენ რომ ამერიკელ მეთი ინტერესები ალარ გადაკეთდნენ, რადგანაც ეს ორივე ამხილე უარყოფითად აღიქმებოდნენ.

და მაინც რა მოხდა გორში და რა საერთო აქვს პორიგრაფის საკაშვილი-კანდელაკთან? „ქრონიკის" წყარო ეარიგებით, გორელი კანდელაკის სამხრეთის „დედაბრებმა" — ეკატერინე გამსახურდიას ეროსა. ბატონი ეამსახურდიას ეროსა ხელმოწერილი ღელეს ხელმოწერთა „მეტრის დეპუტატის და სიის შეხედვით. ბატონ კანდელაკს, როგორც ამბობენ, გორში და კამის ეარკვეულ პოზიციას მისდევს ამჯერ. ინფორმატორის ეარაუდით, ეკატერინე გამსახურდიას ეროსა ხელმოწერა ეარკვეულ ნაბიჯად შეიძლება ეფასოს, რადგანაც ეს ეროსა ხელმოწერა ეარკვეულ ტრტული კი ხასიათის დაეთმო. სიაში „ჩასმა" გორელი კანდელაკსაც შეხვდებოდა, მაგრამ მან უარი თქვა".

ასევე ინფორმატორის ეარაუდით, გორში მოეში „პროტესტების" ინიციატორი მხლოდ იმ მიზნით დაიწყო, რომ სკანდალში გორელი კანდელაკი გამეეულიყო. ეს კი ორმხრივად მოსეებინი იქნებოდა ეკერ ეერის, სკანდალში გამეეულ კანდელაკის ერთად, პრეკა მისი სიმპრის ეკარის ტრანსპაც დაიწყებ და „ეფექტ პიარიც" ეკორ ეეუნდა მეორეც. ხელისუფლება იტყოდა — აბა, საკმეეის რა უნდა ეკლასიკური, თვით კანდელაკსაც უპირისპირდეკით.

ამაეთ იეის, მოვლენები როგორ განვითარდებოდა „სკანდალში" ღალი მორიშვილმა რომ არ ჩარეულიყო. ინფორმატორი ეარაუდობს, რომ ეკანძალში მორიშვილის გორში მოსვლისა ცკანდალის ხელისუფლებ გამოიყენა და აც რაზომ ეერთიანი ოპოზიციის ეკრ ეკანძალში მონაწილეობა მიეღო ერეული ეკანძალის ეკრ ეკანძალის ეკრ ეკანძალის ეკრ

After party

В карьере, построенной по кирпичику с такими мучениями и кровью, появилась трещина. Как в мистических фильмах, все двери захлопнулись одновременно. Все, кто помнил о моей и Мишиной дружбе, пожимали плечами и отказывали мне в работе, чтобы, не дай Бог, случайно не разгневать монарха. Не нашлось ни одного настоящего мужика, который взял бы на себя ответственность сделать самостоятельный шаг. Но о какой мужественности может идти речь? Все ответственные посты в стране заняли только что вылупившиеся желторотики, везде мелькали новоиспеченные лица. Многие из них в личных разговорах говорили, что я попала в «черный список». В министерстве с новыми людьми никто не спрашивал ни о документах с грифом «секретно», ни о материалах когда-то государственной важности.

Аресты приняли колоссальный масштаб, число заключенных в тюрьмах намного превышало все допустимые нормы. Из-за «хранения оружия» посадили и генерала Кебадзе. Карталинцы взбунтовались. Нахлынувшим из Лиахвского ущелья людям, которые считали, что их мирное существование в этом сложном регионе — заслуга именно генерала Кебадзе, не было конца. Протест был чересчур шумным, и генерала освободили через 48 часов. Парламентарии, поддерживающие Окруашвили, осушили озеро Канделаки и вновь превратили его в мусорную свалку.

Перед телекамерами вылили тонны грузинского вина. Компания «Бадагони» подсчитывала ущерб, но, что главное, причина была надуманной — «фальсификация вина»!

Россия виртуозно использовала поданный «пас», и грузинское вино распрощалось с российским рынком.

«Историческое высказывание» Ираклия Окруашвили «Русские с удовольствием пьют даже фекалии» поставило на грань банкротства винные производства и весь Кахетинский регион.

Добрались и до Какуцы. После смерти Лери у него обнаружили рак. В результате проведенной в Германии операции ему приходилось свыкаться с маленькими пластмассовыми трубками. Бесцеремонно ворвавшийся спецназ переломал ему эти трубки. Буквально через несколько дней после этого разгрома мой кахетинский друг скончался.

В грязных тюрьмах, на одних и тех же нарах, бок о бок оказались бывшие сильные мира сего и когда-то ими же заложенные зеки. «Фашисты» (кличка крупных чиновников в тюрьме. — *Л.М.)* скороговоркой передавали своим женам назубок

заученные номера тайных счетов. «Миграционый процесс» денег из одних карманов в другие шел с успехом. Разъевшиеся чиновники времен Шеварднадзе безудержно «строчили» друг на друга. Тотальное стукачество приняло колоссальные масштабы. Бывшие офис-менеджеры «националов» братья Ахалая оказались в руководстве Конституционного суда и Министерства по исполнению наказаний. Между прочим, когда позже речь зашла обо мне, комфортно устроившийся в кресле Дата Ахалая выплеснул такие «перлы»: «Нечего и говорить о возвращении Морошкиной, она двойной агент, пока, правда, не расшифровали — чей». И хотя над этими словами прикалывались даже его сотрудники, я вновь оставалась в офсайде.

Ираклий Окруашвили на посту генерального прокурора большим прутом бичевал непокорных. Почему-то разогнали бордели. Гия Барамидзе курировал Министерство внутренних дел, где архивировал в основном свои неудачи. Все, кто держал хотя бы рукоятку от флага во время революции роз, сейчас заняли большие посты; растрепанные, неумытые девчонки расселись в креслах председателей комитетов Парламента. У меня было такое чувство, что повсюду кружился манифест с поправкой «666». Подпиши, продай, иди, подпиши, продай, и… что? — Душу!

Все телекомпании стали похожи друг на друга, как две половинки одного яблока. Впавшую в постреволюционную агонию страну освещал, хоть и слабо, лишь один маяк. Этот маяк назывался телекомпанией «Кавкасия». Ее руководство состояло всего из двух человек, мужа и жены Дато Акубардия и Нино Джангирашвили. «Аку», как с любовью его называли в народе, был новым самобытным грузинским брендом. Не в шёлковом галстуке и накрахмаленной сорочке, как ведущие других телекомпаний, ставшие одинаково похожими на разносчиков пиццы, не с автоматным речитативом на одном выдохе, с постоянным цейтнотом, а обычный, домашний, немного сонливый, уравновешенный мужчина. То, что прошедший день анализировал не сопливый мальчишка, а взрослый, опытный человек, было уже большим плюсом. Вдобавок, часто скрытые за внешним простодушием, в нем прятались огромный интеллект и знания. «Аку» и Нино первыми начали публично говорить о постреволюционном синдроме, и, неудивительно, что их моментально окрестили маргиналами. Вслед за «Кавкасией» с шутливого тона перешла на серьезный телекомпания «202», руководитель которой Шалва Рамишвили, так же, как и я, в недавнем прошлом был ближайшим другом и пиар-советником президента.

— Что творится, Лали, представляешь! — бушевал Шалва. —

Что он делает, совсем с ума сошел?

Знаешь, Шалва, иногда кажется, что Мишу, которого мы знали, подменили, а старого далеко упрятали.

В прямом эфире на «202»-м в режиме дебатов освещалось множество злободневных вопросов. Тогда очень немногие из нас смели говорить о том, что что-то не в порядке в «Королевстве Датском».

— Ух, выговорился, аж полегчало, — сказал мне однажды Шалва. — Я встретил случайно Мишин эскорт и вдогонку выплеснул все, что думал о его системе, — не мог он сдержать смеха. — Помнишь, как тот критиковал Шеварднадзе из-за многочисленной охраны?

— Да, но тогда он был оппозиционером, а сейчас — президент. Не будет же он и сейчас ездить на метро?

— Все это — дешевый американский понт, — сказал Шалва. — Знаешь, я работаю над новыми сериями «Дардубалы» (комедийный мультипликационный сериал. — *Л.М.)* о Мише и его команде, помрешь со смеху.

— Правда? Классно! В принципе, как проамериканец он должен терпеть критику, — сказала я.

— А разве у него есть другой выход? — ответил Шалва.

К сожалению, «другого выхода» не оставили самому Шалве и очень скоро спровоцировали грязную подставу.

«202»-й затерялся в прошлом, а Шалва сел в тюрьму. Его жене и троим детям оставалось уповать на благосклонность судьбы.

Тем, кто благодаря царствующей годами коррупции накопили денег, волноваться особенно было не за что. Многие из бывших моих соратников ушли в бизнес. К какому черту пошла бы я? Чтобы прокормить двоих мальчиков, пришлось сдать в ломбард все мои украшения.

Да что там мои безделушки? Вяли революционные розы, а с ними вместе вяла и выдыхалась от невежества и хамства вся Грузия. Сильно подставили и нас и украинцев с цветными революциями, нелепыми и по существу и по названию.

ჟურნალ პალიტრა
ფასი 60 თ.
წინასწარ-
მეტყველებს
სახელი და
გვარი
გულახდილი
ინტერვიუ:
„მე და მიხეილ სააკაშვილი
ძალიან ახლო მეგობრები ვიყავით...
ბევრი მნიშვნელოვანი საკითხი
ჩემს სახლში წყდებოდა...“
სცენის მიღმა:
-ბრიჯვით“
რთული
ცხოვრება

Форт Боярд

В один прекрасный день позвонил режиссер Дато Герсамия и предложил возглавить грузинскую команду в игре «Боярд» во Франции. «Наконец-то, что-то меняется», — подумала я и начала подбирать игроков. Идентифицируясь с названием (наша команда называлась «Арт»), все трое мужчин были актерами: Никуша Тавадзе, Темико Чичинадзе и Георгий Накашидзе составляли фантастический ансамбль. Надо было подыскать одну девушку. Как оказалось, больше всего в нашем бомонде не хватает женщины, которая умеет плавать и лазить по веревке, у которой нет аллергии и целлюлита и которая не боится змей. Таковы были условия контракта игры. Нарушитель оштрафовывался на 30 тысяч евро. После целой недели безуспешных поисков, наконец, мне помог мой брат и предложил кандидатуру одноклассницы, начинающего режиссера Нино Мкурнали. Нино и правда украсила команду, и мы начали подготовку.

Имелась одна большая проблема — Канделаки ужасно ревновал и поэтому протестовал против моей поездки. Несмотря на то, что я и Георгий всегда и везде были вместе, официально он был женат.

— Георгий, я тебя очень люблю, но у меня своя жизнь, так же, как и у тебя. Существуют некоторые вещи, которые ты не должен мне запрещать. Ведь я не прошу тебя развестись?!

— Малыш, это дело решенное, я подаю документы, — сказал мне Георгий.

— Очень прошу тебя, ты ещё хорошенечко подумай, чтоб потом не винить меня.

— Любимая, оставайся в Вариани, и давай познакомим наших матерей, к чёрту твой Боярд, — Георгий крепко обнял меня.

Несмотря на то, что предложение звучало очень заманчиво, я была непреклонна, а еще после перенесенного стресса хотелось побыть немного в одиночестве.

— Ладно, это твой последний каприз. Я буду ждать тебя в Вариани, куда перееду со всеми вещами после официального развода, — строго сказал мне Георгий.

* * *

Крепость Боярд находится на севере Франции. Умный собственник превратил ее в доходный бизнес. Суть игры в том, что команды различных стран выполняют труднейшие задания, а

выигранные у форта деньги (за счёт телекомпаний) используют на благотворительность. Я как капитан команды выбрала дом младенца в Сабуртало. Игру вели блестящие ведущие Дута Схиртладзе и Нанико Хазарадзе. Пара прекрасно выполняла указания французских продюсеров. Я волновалась лишь об одном — только бы меня не спустили вниз к змеям, все остальное я выдюжу. После короткой консультации, во время которой нам объяснили специфику игры, нас предупредили, чтобы мы особенно не теребили змей, — хоть и сонные, но всё-таки хищницы.

Наша команда играла средне, лучше проявили себя мальчики. Но победу все-таки должен был принести интеллект. По закону подлости, во время финального задания выяснилось, что к змеям придется спускаться мне. По-видимому, и суть игры заключается в том, чтобы все прошли максимальные испытания. Ведь это шоу!

— Дута, помоги мне, не спускай меня туда, — умоляла я ведущего.

— С ума сошла, что, 30 тысяч евро заплатишь? — вернул меня на землю Дута.

Убойный аргумент — ничего не скажешь.

Я заметила любопытную закономерность: когда очень боюсь, начинаю петь. Правда, моя подруга Майя Бараташвили категорически предупредила меня: хозяйка твоих голоса и слуха не должна петь даже про себя, но, спускаясь в «ад», я не помнила о наставлении. Три минуты показались мне вечностью.

Не знаю, мой ли «голос Сирены» или сильная тряска разбудила нелюбимых мной тварей, факт, что в следующей игре, где появление Ее Величества совсем не было запланированным, змея проскользнула к моим коллегам. Раздались такие ужасные

крики, что игру остановили. Потом весь Боярд шутил: Морошкину ищет ей подобная. Зато команда «Арт» и слово отгадала, и деньги выиграла. К сожалению, обитатели детского дома и по сей день ждут посылку от «Боярда».

Перед вылетом из столицы Франции я навестила мою сочинскую двоюродную сестру, которая была замужем за французом и сейчас жила около Парижской оперы в пентхаузе.

— Ну, Лалька, рассказывай. Как твои дела? — спросила меня как всегда лучезарная, а теперь уже и с особым парижским лоском длинноногая с агатовыми глазами Кети.

— Хреново, — ответила я, — даже не знаю, как поступить, кажется, я опускаюсь все ниже и ниже в преисподнюю.

— Не может быть, ты такая энергичная и молодая, что за пессимизм, это я в детстве плаксой была, а ты вечно подшучивала и умничала: что с тобой, не больна ли? Слушай, а давай-ка останься у нас на пару недель, отдохни, а потом будь что будет. Сьездим в Ниццу, в Канны, и забудешь свои чёртовы проблемы.

— Именно чёртовы! Нет, Кети, спасибо, не могу, чем больше я потеряю времени, тем будет труднее.

— Куда уж труднее, Лалька! Да на тебе лица нет, никто на свете не стоит твоих нервов!

— Всё, я решила, чмокни Талала, надеюсь он ещё не жалеет, что спутался с нашим родом? — подмигнула я Кети.

— Вот дура, где бы он ещё такую нашёл? Посмотри на Париж, что за клячи вокруг, ни кожи ни рожи…

Болтовня с сестрой и подругой детства всегда действовала как бальзам на душу. На душу, которая кровоточила…

Деревня

В Тбилиси меня встречал Георгий. Он не произнес ни слова, я тоже ни о чем не спрашивала. Всю дорогу мы молчали.

Когда в Вариани я увидела обновлённые обои, белоснежные кружевные занавеси, тщательно накрытый стол и чемоданы Георгия, я поняла все.

— Малыш, отныне мы будем жить здесь. Ты выдержишь? — заглянул он мне в глаза.

— Ведь знаешь, дорогой, ради тебя я на все пойду, — ответила я механически.

— Любимая, позвони своей маме, пусть приезжает, — настаивал придерживающийся традиций и старомодный по убеждениям Георгий.

Для того, чтобы описать встречу матерей, я вначале должна рассказать вам о своей матери чуть подробнее.

Светлая, голубоглазая, молочно-белая и очень красивая Манчо выделялась особенным чувством юмором. Несмотря на то, что ее мать, то есть моя бабушка, осталась в нашей памяти как женщина строгая и с волевым характером, Манана была ее совершенным антиподом. Нежная от природы, она не могла даже разговаривать громко. Милая, любящая женщина плыла себе по течению и постоянно дарила много радости окружающим. По ее настоянию, каждый Старый новый год я со своими незамужними подругами встречала у нее, и, по установившейся доброй традиции, кто-нибудь из нас обязательно выходил замуж. Я отметила — незамужние, так как мужья не пускали в этот день своих жен к нам, дабы исключить риск их повторного замужества. А вдруг? Чем чёрт не шутит? Неиссякаемое жизнелюбие и безграничная фантазия Мананы подталкивала её на выдумки всё новых празднеств и ритуалов. Однажды зимой, когда на улице словно мир рушился от лютого мороза, а меня, Марину и Кети съедала депрессия, мы услышали звонок в дверь. С Мананиным приходом ворвалась метель.

— Девочки, весна! — радостно воскликнула наряженная в белое платье Манана.

И правда, календарь показывал первое марта.

Мои девчонки доверяли Манане тайны, она давала им советы. В каком трудном положении мы бы ни были, своим только ей известным верным методом она заряжала нас оптимизмом и весельем. Мама создала свой непорочный, немного наивный мир, поэтому она зачастую не могла даже осмыслить каскад несчастий, обрушивавшихся мне на голову.

Мой брат был для нее идеалом. Добрый, искренний и простодушный, как Манана, Эрэкле не хотел понимать злобности других. Эта прерогатива досталась мне, ну кто-то в семье ведь должен был ходить по земле?

Высокий, усатый, с горбинкой на носу, настоящий джигит, Эрэкле словно магнитом приковывал к себе внимание женского пола. Да и сам неравнодушный к прекрасной половине человечества, увидев красивую женщину, он мурлыкал от удовольствия.

— Мамочка, как ты похожа на своего брата, — это был самый любимый комплимент Мананы. И надо было её правильно понять. То ли у меня нос сгорбился, то ли усы прорезались, всё-таки Кавказ, генацвале!

— Лалико, если я еще раз соберусь выйти замуж, обязательно предупрежу жениха, чтобы имел при себе мемориальную доску с именем и датой рождения, остальное — потом припишем. Ведь не выйду же я замуж за обычного, среднестатистического мужчину, и твой отец, и Талес были профессорами. А тебя мне жалко загружать постоянной беготней в мэрию за мемориальными досками, — беспокоилась Манана совершенно искренне.

Мама совсем не знала Грузии. Она никогда не бывала за пределами Тбилиси. Если получалось, ехала с сестрами в Сочи или гостила у друзей в Германии.

На следующий день после моего звонка Манана в клетчатом сарафане от «Барберри» уже сидела в автобусе Тбилиси — Вариани. Конечно же, через пять минут она обратила на себя внимание сдавших на рынок капусту и ехавших из города в Вариани крестьян, и на смешанном с русским грузинском с удовольствием рассказывала обо мне и Георгии.

Вскоре вся деревня провожала Манану до дома Канделаки.

Я грелась на солнышке в гамаке, когда Манана со «свадебным кортежем» подошла к дому. Георгий встретил маму.

— Лалико, мамочка, и все-таки, тебе не подходит деревенский воздух! — сказала мне Манана, и это было ее самым большим негативом.

Мать Георгия, тётя Этери, и Манана благословили нас и принялись рассматривать фотографии.

Процесс адаптации к деревне шел тяжело. Я, держа в зубах соломинку, как Дареджан Луарсаба Таткаридзе (персонажи произведения Ильи Чавчавадзе «Человек ли он?» — *Л.М.),* в полудрёме валялась на широком добротном диване и думала о приближающемся вкусном обеде, когда по телевизору узнала новость о назначении моей старой знакомой Теи главой большого управления. Я чуть с дивана не свалилась! Умеет мужчина

расплатиться за услуги! Ну что тут поделать! А в результате что, я в вязаных шерстяных носках в деревне, а Тея и подобные ей — на высоких каблуках в Тбилиси. Классно!

Жизнь в деревне кардинально отличается от городской. Здесь совершенно другой, неспешный ритм. Работа есть только во время посевной до сбора урожая. Деревенские магазины в основном работают, давая товар в долг. Долги возвращают, когда поспели помидоры или кукуруза, которые можно продать. Свободное время, по большей части, посвящается еде и питью.

— Лалико, ну сколько можно, что ты делаешь в деревне? спросила однажды обеспокоенная моим положением Манана.

— Мам, я ничего, а Георгий заряжается, — ответила я.

— Он-то заряжается, дура, а ты разряжаешься! — И это было абсолютной правдой!

Во время самого важного или сложного этапа жизни, как правило, появлялся мой лучший друг, самый лучший в мире астролог Михаил Цагарели. Его прогнозы, советы и просто дружеская поддержка много значили для меня. Он будто спинным мозгом чувствовал несчастье или счастье, свалившиеся мне на голову, и прогнозировал будущее. Можно сказать, что вся моя жизнь лежала у него на ладони. Именно благодаря его советам я пересиливала такой порок, как жажда мести! Георгий Канделаки хорошо знал историю нашей дружбы и однажды попросил меня устроить встречу с Мишей Цагарели. На этой встрече присутствовала и я. Главной мыслью, которую Георгий вынес из подробного прогноза астролога, была та, что он особенно связан с корнями и питается именно этой энергетикой.

— Чем чаще ты будешь в своем доме, в деревне, тем больше энергии получишь. А вот Лали — космополит, она всюду может хорошо устроиться, особенно в мегаполисах.

Георгий потупил взор. Я поняла — слов «космополит» и «мегаполис» не было в его небогатом лексиконе..

Вооруженный советом Цагарели Георгий практически устранился от города.

Для меня подобный быт, конечно же, был тяжелым. Кроличья ферма, рыбалка на реке и виноделие осенью оставались теми маленькими развлечениями, которые мне предлагала деревня.

Георгий понимал мои мучения. Если после европейских турне нам долго приходилось приобщаться к «корням», звонил моим друзьям в Тбилиси и приглашал в Вариани. Деревня периодически жаждала интеллекта, и тогда нашими гостями были основатели и журналисты телекомпании «Кавкасия» Давид Акубардия и Нино Джангирашвили. «Аку» не отлынивал от моей просьбы и давал населению деревни политические прогнозы на

несколько месяцев вперед. Если деревня интересовалась джазовыми мелодиями, мы приглашали Майю Бараташвили, если шел футбольный чемпионат спортивного комментатора Давида Минашвили, если было время поговорить об экономике — Гию Маисашвили (политик, эксперт, кандидат в президенты Грузии. — *Л.М.),* если хотели причащения искусством — Манану Козакову и так далее…

Интересно, а чем сейчас развлекаются варианцы?

В тот день была очередь Циры Лабаури, Дато Минашвили и Мананы Козаковой. Друзья, по которым я очень соскучилась, рассказывали мне городские сплетни. И я жадно впитывала услышанное.

Георгий повел нас на речку, а дома тётя Этери и соседи накрывали на стол.

Так случилось, что из машины я вышла первой и влетела прямо в дом. На реке меня укусил здоровенный комар, и я собиралась помазаться спиртом. Если бы только комариный укус…

У Георгия дома была огромная кавказская овчарка. Мама вышла к соседям, и довольный Симба свободно разгуливал по комнатам. По-видимому, в моих быстрых шагах он учуял какую-то враждебность, набросился на меня и прижал к стене.

— Сука! — кричала я и всеми силами отбивалась от разъяренной собаки. Наша схватка, похожая на борьбу «тигра и витязя», была незабываемым зрелищем. Прибежавший на крик Георгий удивленно закричал мне: «Лали, что ты делаешь?» Но скоро пришел в себя и попытался меня освободить. Я же, уже выиграв один раунд, вошла в азарт и сама дразнила собаку:

— Что, пересилил женщину? Какой ты хренов кавказец?

В ответ на эти слова Симба задел клыками мою левую грудь.

Георгий буквально растащил нас. Мои обезумевшие друзья наблюдали за этой схваткой.

— Лали, ну вылитый гладиатор! — пошутил Дато.

— Кровь! — вскрикнула Цира, и только тогда я поняла, что Симба прокусил меня довольно глубоко.

— Срочно в больницу! — отдала приказ Манана.

«Со щитом или на щите», бодрилась я, обессиленная, и непобежденной оставила поле битвы.

Георгий стоял белый как полотно.

Горийская больница наблюдала необычную картину. В операционной у меня над головой стоял Георгий Канделаки с мокрыми глазами и как мог старался меня приободрить. Врач спокойно обрабатывал рану.

К сожалению, в Гори нет вакцины против бешенства, завтра

же вы должны сделать прививку.

Бедные Цира, Дато и Манана проделали такой длинный путь ради того, чтобы попасть в горийскую больницу…

На следующий день, после вакцинации, по настоятельному требованию моего отца, мы пошли к его другу онкологу Гие Цихисели.

— Ты с этим не шути! — строго сказал мне Виктор. Врач внимательно осмотрел меня и успокоил, — царапина поверхностная и абсолютно неопасная.

— Видно, пес не хотел причинить ничего плохого, а то бы ты так легко не отделалась, он откусил бы тебе грудь, — сказал мне Гия.

— Да, понравилась, вот и поиграл, — рассмеялся Виктор. Выйдя из кабинета, я вспомнила, что мы не заплатили.

— Папа, а деньги?

— Ты что, с ума сошла, такую грудь трогал, пусть сам платит! Шучу, он — друг детства, о каких деньгах речь?! — Мой отец, как всегда, из всего устраивал шоу.

Вернувшийся домой Георгий Канделаки вылил свой гнев на бедного Симбу Собака тяжело переживала немилость, перестала есть и вскорости умерла.

— Надо было собаке делать прививку, а не Лали! — шутил печальный Георгий. Ведь она сибирской выносливой породы! А та не вынесла…

Через две недели я и Георгий готовились лететь в Женеву, когда ранний звонок уведомил меня о нежданной кончине Виктора. Талес ушел в 57 лет, сейчас в 57 лет меня покидал и Виктор.

«По закону подлости, — это было первым, что пришло в мою эгоистичную голову, — еле наладила отношения, еле подружились, дети его полюбили, и именно теперь он ушел», — причитала я.

Во время прощания на кладбище я не проронила ни слезинки, — папа был прав, я не смогла его оплакивать, как Талеса…

* * *

В 2004 году во время очередной военной авантюры в Цхинвали погибло множество грузин. Гостиница Георгия стала похожа на военную базу.

— Любимая, посмотри, я открыл рынок вертолетов, — смеялся Георгий и указывал на летательные аппараты во дворе

гостиницы.

С условной границы осетины выкрали 50 вооруженных грузинских солдат и, что самое унизительное, освобожденных пленных выдали не военным, а родителям. В боксерском зале Георгия блюстители порядка избили и так прошедших через пытки парней. Всю ночь мы слышали их стоны. Но помочь им нам не разрешили.

Тем временем люди начали отходить от «розовой» эйфории. Заряд протеста усиливался, и телевидение «Аку» потихоньку стало рейтинговым. Чтобы не потерять квалификацию и сноровку, приехав из деревни, я облегчала ум и сердце в политических дебатах на «Кавкасии».

В стране восторжествовал хаос, на улицах одного за другим расстреляли нескольких молодых парней, университет заняли люди из «Кмара», поувольняли всех лекторов, выражающих недовольство. Конечно, репрессий не избежала и я. Георгия заставили покинуть Федерацию бокса. Отныне спортивными федерациями руководили исключительно «националы». Продавать было уже нечего, поэтому я решила продать дом. С таким трудом доставшийся, я так легко его уступала, но что мне было делать?

Георгий строил дворец бокса в Верийском саду. Несмотря на отсутствие средств, он все равно умудрялся что-то доставать… В один прекрасный день Георгий начал делать подкоп для обустройства подвала.

— Что ты делаешь, сейчас не время для этого! — высказала я свое недовольство.

Георгий сделал вид, что не услышал меня.

Целый день я следила за строительством. Как оказалось, 12 процентов этого здания принадлежало моим верийским одноклассникам.

— Это тебе, малышка, от нас подарок, — сказал мне друг детства Джонджола. — Будь счастлива. Если бы у меня было больше, подарил бы больше.

Канделаки очень радовало это решение. «Какая разница, кто деньги вкладывает, ты или я, дело-то общее», — повторял он часто.

Все средства шли на строительство, и мою норковую шубу, и перстень с огромным сапфиром, подаренный великим поэтом Резо Амашукели в день защиты диссертации, я «встроила» в стены стремительно вырастающего здания.

— Ну и что случилось, что ты нюни распустила? Главное, мы вместе! — напоминал Георгий всякий раз, как только видел меня мрачной.

Зиму я, Георгий и половина деревни проводили в моем доме.

Деньги за разменянный трехэтажный дом в Ведзиси использовались на наше питание, бензин и мобильную связь.

Несмотря на то, что с огромного дома мне осталось денег лишь на четыре комнаты, я все равно поинтересовалась у Георгия, где лучше купить квартиру.

— В центре, — невнятно пробурчал он.

Мой младший трехлетний сын, которому не нравился ни Вариани, ни сам Георгий, навсегда заделавшийся его оппозицией, прояснил ситуацию. «Центр он, наверное, отсчитывает от Вариани», — шепелявя, сказал малыш.

Георгий весь покрылся потом.

Ему трудно было найти общий язык с мальчиком, а тот не лез за словом в карман…

— Ничего, вот построю в парке еще три этажа и потом дам тебе какую-нибудь часть для бизнеса, — успокаивал меня Георгий.

И я верила.

— Если ты, случаем, не пасешь скот, включи телевизор, — услышала я голос Кети, по которой очень соскучилась.

— А что такое? — Я уже не реагировала на «шпильки» девчонок.

— Саломе Зурабишвили проводит брифинг и говорит, что ты ни за что не будешь назначена послом в Москву!

Удивительно, министр иностранных дел категорически отвергала мою кандидатуру, а в то же время по НТВ прошел сюжет, где разбирали мои отрицательные и положительные качества…

Чрезвычайным и Полномочным послом в Москву отправили одного ленивого и бестолкового мальчишку с сомнительным знанием русского…

Позднее, когда мы познакомились на митинге и подружились с госпожой Саломе Зурабишвили, она сказала, что новость о моей кандидатуре на пост посла ей преподнесли весьма неделикатно и грубо, и она, чувствуя себя оскорбленной, заблокировала ее! Как жаль иногда, что нельзя время повернуть вспять!

Тем временем я начала выпускать русскоязычный журнал «Домино», где старалась ознакомить негрузиноязычное население с политическими новостями, а себе дать хоть какую-то жизненную функцию. Несмотря на внешнее спокойствие, во мне что-то угасало и по частям отмирало, но в этом я не могла признаться даже самой себе.

Из записной книжки 2006 года

С детства не люблю ни лето, ни выходные дни. Не выношу, когда мой город пустеет, закрываются ставни, и на улицах не слышен обычный шум. Поэтому по субботам и воскресеньям я избегаю города, чтобы по возвращении встретить его вновь шумным и оживленным.

В эти дни я стараюсь не перегружать себя прессой, чтобы на новой неделе суметь проанализировать все важные политические события на свежую голову, именно те события, которые решают судьбу моей страны, так как именно сейчас рождается новая история Грузии. Не знаю, хорошо это или плохо, но я часто думаю: почему именно моему поколению досталось столько испытаний? 9 апреля, войны, войны, войны… и несправедливость.

Наверное, это испытание перед чем-то более важным. Может, среди этой несправедливости, лжи и двуличия рождается правда. Правда, которая станет истиной.

Тем временем я приближалась к моему городу, — вновь перерытые дороги, вновь пляски в ночных кабаках, вновь беспризорные дети в подземных переходах и безжизненные фонтаны. Наверное, и им стало холодно, ведь сегодня дул ужасный ветер.

Ветер всегда вызывает во мне волнение. Нет, спокойной и невозмутимой я никогда не была, но ветер — это совсем другое… Еще один порыв, и в унисон с ветром в моей сумке трезвонит телефон. Приблизительно через пятнадцать минут присоединяюсь к моим друзьям в одном из городских ресторанов.

…И вновь традиционные тосты сменяют друг друга. За родителей, за братьев и сестёр, за ушедших из мира сего, за новорожденных, за Родину… И как никогда, мне все это приятно. Нет, хмель тут ни при чем. Просто в моем городе так по капле исчезают традиции и обычаи, что каждый день, прожитый с ними, — уже счастье. Ну куда мы уйдем и куда попадем с этими новыми порядками? Ответ на этот вопрос есть, наверное, только у их авторов, и не думаю, что он устраивал бы меня и мне подобных.

Ах да, я остановилась на родине. Да здравствует! Но как? Сколько «без» должно добавиться впереди? Без Самачабло, без Абхазии, без веры… Сколько еще «без», «без», «без»? А почему без веры? Потому, что даже в тюремные камеры влезает Иегова. Мучают беззащитных, больше не зажигают свечи перед иконами. Вот почему!

Я не зря сказала, что ветер приносит мне беспокойство.

Ненавижу новый «проект Санакоева», выдвинутого на пост президента Южной Осетии с грузинской стороны. Любая поддержка приближающихся выборов в Южной Осетии равносильна признанию поражения! Эй вы, люди! Кому служите? Неужели деньги, взятые за это, и раболепство перед спецслужбами других стран стоят вселюдного позора и братоубийства? Ведь жизнь не кончается сегодня! Тем более, что мы практически отказались от потерянных территорий.

Ненавижу, когда нас кормят враньем насчет природного газа и электроэнергии и втихаря вновь продают нас России. Ненавижу, когда обманывают, разыгрывая карту НАТО, как приманку, а убийцы Гиргвлиани и Робакидзе (молодые люди, расстрелянные без суда и следствия полицейскими. — *Л.М.)* прогуливаются по улицам.

Ненавижу подхалимаж, вранье и трусость! Уже девятый день Коко Гамсахурдиа (политик, сын первого президента Грузии. — *Л.М.)* голодает, требуя пересмотреть дела политзаключенных. Это его первая голодовка. Никто его не навещает и никто не вспоминает. Сейчас же иду и говорю ему, пусть прекратит эту бессмыслицу! Стране нужны не обессиленные, а здоровые люди! Ненавижу равнодушие. Такой длинный список всего, что я ненавижу, или, правда, очень плохи дела страны, или у меня невроз. Вот и айда за город…

Один за другим становились жертвами постреволюционных репрессий друзья детства Миши Саакашвили. Самой большой его ошибкой было то, что он считал себя президентом «националов», а не всей Грузии. Нукри тоже не числился в рядах сторонников «националов», когда-то друзья детства, они оказались по разные стороны баррикад, друг против друга. Многие из наших школьных знакомых убежали за границу, многих арестовали. Нукри, пропускавший все события через собственное сердце, сильно перенервничав, скончался от сердечной недостаточности. Президент на похороны не пришел… не пришла и я — не отпустил Георгий.

Сложно описать, что испытывал Сандро, который считал Нукри больше братом, чем отцом. Молодой 38-летний мужчина скончался на руках у сына, а у меня словно с концами оборвалась невидимая нить, связывающая меня с детством. Было такое чувство, что теперь и я такая же, без роду и племени, как многие люди нового революционного сословия.

Будто Господу было мало для нас испытаний — через неделю после этого события с острейшим перитонитом меня срочно перевезли в Москву. К свежей ране Сандро добавилась и я, и все это происходило в один месяц, в проклятом марте 2006 года.

Московские врачи не давали надежды. Во время операции Канделаки как раненый зверь бился о стены. Когда я вышла из наркоза, он ухаживал за мной и не давал медперсоналу прикоснуться ко мне.

— Я сам!

На протяжении трех недель Георгий не выходил из больницы. Моя мама приехала позже — из-за трудностей введенного визового режима с Россией. Спасибо Господу, у меня и Георгия были годовые визы, опоздай мы всего на два часа, и моя судьба сложилась бы совершенно иначе.

Вернувшись в Тбилиси, Георгий сразу возобновил строительство. После реабилитации я старалась сконцентрироваться на собственном будущем, поэтому решила начать бизнес. У Сандро больше не было отца, с отцом Георгия я развелась, и сейчас вся ответственность, как, впрочем, и всегда, лежала исключительно на мне.

Я собралась с силами и заговорила с Канделаки.

— Понимаю, что ты вошел в азарт строительства, но мои годы бегут, если я сейчас что-нибудь не сделаю, потом будет поздно. Ты обещал мне помочь начать какой-нибудь бизнес. В том, что ты на свободе, никто не оспорил долю здания в Верийском парке и его не разрушила мэрия, кажется, есть и моя заслуга. Может, придумаешь что-нибудь, и начнем совместное дело? Мне больше нечего продавать, ты же воздвигаешь империю в центре Веры. Как это понимать?

— Послушай, милая, ведь у нас вроде не было никакого письменного договора. Я хочу, чтобы мои дети жили в городе и имели больше денег, чем тбилисцы, у которых крыша едет, — он всегда терпеть не мог жителей столицы.

Эти слова меня изумили, но главный сюрприз ждал впереди.

— Мой пентхауз почти закончен, можем переезжать, только с одним условием, младшего сына отправь к отцу! Да, любимая?

— Убирайся из моего дома! — закричала я в отчаянии…

…В ту ночь я уже ехала на такси в Садахло, чтобы хоть немного почувствовать облегчение в Сочи, у моей крестной. Первый раз в жизни я позвонила и сказала: помогите! На границе с Арменией меня ждали ее друзья. На следующий день Канделаки из газет узнал о моем отъезде.

— Что, Лали в Сочи? — спросила удивленная мать Георгия.

— Ты что, мама, откуда у нее деньги? Мы немного поспорили, и, наверное, она заказала статейку своим друзьям, чтоб позлить меня, ведь знаешь этих журналистов!

Георгий даже не предполагал, что для меня самым большим оскорблением было уязвленное самолюбие, что не допускало и

словесного негатива в адрес моего ребенка, не говоря уже о поступке. Да, я пожертвовала ради него семьей, карьерой, финансами, но, несмотря на все, никакие чувства не заставили бы меня простить ему эти слова, не то чтобы смириться.

Мой покойный отец был прав: Канделаки день ото дня «тяжелел».

…Сочи — модель мини-ООН. Абхазы, грузины, армяне, азербайджанцы, чеченцы, адыгейцы, русские, осетины, представители многих других народов жили по-братски под одной крышей и даже управляли общим бизнесом. В сочинских ресторанах чувствуешь себя, как на многолюдном конгрессе. И музыкальный выбор такой же многообразный, как менталитет здешних жителей.

Черное море, субтропический климат, захватывающий пейзаж и порхание чаек над морем нейтрализуют огненный кавказский темперамент и обращают в общеблагополучное дело.

В Сочи меня ждали родственники и крестная, которую я всегда считала одной из главных фигур в моей жизни.

Самая красивая женщина Сочи — моя тетя Нелли Гегечкори и ее заботливый супруг Толик Рогов представляли элитное общество города. Крестная Алла, администратор ресторана, и ее брат-бизнесмен Вара Сергия, мой покровитель и единственная надежда в моей вдруг «осиротевшей» жизни, заботились о моей «реабилитации».

— Лапка, если что, я всем голову сниму! — успокаивал Вара. — Твоего спортсмена тоже за яйца повесим!

— Не надо, — сказала я, — он без меня и так как повешенный будет!

— Детка, над Москвой висит плакат — «Имей дело только с людьми своего круга!» Поняла?

— Поняла, — сказала я и тяжело вздохнула. Месть была намного ниже моего самолюбия!

— Не беспокойся, ты все начнешь заново! У тебя все получится, моя девочка, а пока мы тебе поможем…

Заботливые родственники сняли мне номер в гостинице «Жемчужина», в стоимость которого входили массаж, бассейн и трехразовое питание.

— Отдыхай! — был их приказ.

* * *

Из Сочи я вернулась спустя два месяца, чтобы включиться в новую жизнь. Георгия забывала с трудом. Будущее казалось туманным, жизнь снова нужно было начинать с нуля. Я собиралась в семью Гулашвили, на день рождения его супруги Нанико. Друзья меня встречали ласково.

— Ну сколько можно, где ты бродишь? — бурчал Малхаз.

— Лали, познакомься с калбатони Лаурой Гачава, — представила мне Нана женщину с пронизывающим взглядом.

Госпожа Лаура была матерью братьев Кодуа. Ираклий Кодуа — глава Департамента специальных операций, Давид Кодуа — бизнесмен и Георгий Кодуа — руководитель «Национальных авиалиний» представляли сильный семейный клан, мнение которого всегда нужно было учитывать в этом городе. На следующий день мы с калбатони Лаурой договорились о встрече и устроились в китайском ресторане. После основательного тестирования по вопросам бизнеса госпожа Лаура предложила мне руководить одним из сегментов семейного дела.

— Калбатоно Лаура, для меня, конечно, это большая честь, но

я не могу, разве я вам не говорила, что вот уже сколько лет меня беспричинно притесняют: я — вне политики, не являюсь членом ни одной партии, а если бы захотела, то и это не было бы проблемой, но все равно — сопротивление большое. Боюсь испортить вам дело.

— Лали, мы сейчас разговариваем как бизнесмены. Мне нужен твой деловой опыт. Знаю хорошо, что кроме добра ты ничего для этой страны не делала, а твоя критика никогда не переходит в хамство. Ты любишь Грузию. Так что иди и работай! — Слова госпожи Лауры звучали как вердикт.

Небо прояснилось не только в переносном смысле. Меня назначили вице-президентом «Национальных авиалиний».

Георгий Кодуа слыл большим любителем полетов и авиации. Он был немного мечтательным и в то же время прагматичным, требовательным, строгим директором, а после шести часов — заботливым и теплым другом. Я стала членом этого большого и сильного клана, глава которого Нодар Кодуа, удивительно добрый и умный, представлял грузинскую профессуру.

По субботам и воскресеньям я гостила на плато Нуцубидзе в каскадно построенном чудесном доме дизайна самой хозяйки. В одном из флигелей согласно мегрельской традиции в центре было устроено место для очага. Калбатони Лаура уважала традиции, все трое ее сыновей хорошо знали мегрельский. Марикуна, я и Дато были давнишними друзьями, поэтому неудивительно, что отношения с остальными членами семьи тоже наладились без проблем. Вы не представляете, что это было для меня — озарение! Я вновь вернула потерянную в деревне самобытность, независимый доход и полноценно, с ног до головы, вернулась в город. «Национальные авиалинии» стали для меня лучшей реабилитацией. Работа кипела, коллектив работал, как швейцарские часы, был назначен новый рейс на Батуми.

Однажды зазвонил телефон, и в трубке я услышала знакомый осетинский акцент:

— Лали, правда, вы меня критикуете, но я вас очень люблю. — Это был Дима Санакоев.

Оказывается, команда Курты по борьбе летела в Киев на европейский чемпионат. Денег, как всегда, не было, и группа из шести человек просила о помощи.

— Дима, ничего личного, я готова помочь. Скажу о проблеме ваших парней Георгию Кодуа и не думаю, чтобы он отказал.

— Конечно же, мы должны помочь им, даже больше — ты тоже езжай с ними в Киев, и это будет нашим совместным проектом. — Георгий хорошо понимал, что помощь, оказанная осетинской команде, была очень важной.

«Бой на ремнях» — так называется вид борьбы, который пользуется большой популярностью в Европе.

21 июля 2007 года при содействии «Национальных авиалиний Грузии» команда одержала уверенную победу и вернулась на родину чемпионом Европы, что стало предметом гордости всей страны. В этом была и наша заслуга.

За два дня до этого события, 19 июля 2007 года в тбилисском международном пресс-центре «РИА-Новости» отмечали тридцатилетие со дня выхода на экран фильма «Мимино» и день рождения известного грузинского киноактера, почетного гражданина Тбилиси Вахтанга Кикабидзе.

Состоялся телемост между Москвой и Киевом.

В Тбилиси поздравить любимого актера пришли общественные деятели и видные деятели культуры. Госпожа Нани Брегвадзе, как всегда, была самой красивой, годы ей нипочем!

Я и бортпроводницы поздравили маэстро с днем рождения от имени «Национальных авиалиний Грузии», подарили лучшие вина «Из виноградников Нани» и открывалку, что было намеком на сцену, сыгранную в фильме «Мимино» «Открывалка же есть!». Роль «Мимино» в исполнении господина Вахтанга на протяжении многих лет остается образцом актерского мастерства, а сам Вахтанг Кикабидзе — мечтой русских женщин советской и постсоветской эпох.

По иронии судьбы, производителем «Виноградников Нани» был мой бывший супруг Мишико Готвадзе. Как мала эта страна, рано или поздно пути каждого из нас пересекутся.

Во время телемоста я обратилась к российской аудитории:

— Сейчас в праздничной студии Москвы нет грузинского вина. Надеюсь, скоро в России такой открывалкой будет откупориваться не только минеральная вода, но и настоящее грузинское вино, и мы, наконец, соединим наши заблудившиеся сердца воедино.

Московская студия ностальгически вздохнула.

* * *

«Национальные авиалинии» готовились к юбилею.

«Мы не боимся конкурентов», — этими словами открыл торжество президент авиакомпании Георгий Кодуа.

Вместе с летным экипажем и персоналом компании на вечер были приглашены известные политики, спортсмены, певцы и бизнесмены. Они аплодисментами встретили огромный праздничный торт со сладким лого «NG». Всеобщее веселье

украшала неизвестная джазовая интерпретация Майи Бараташвили ставшей хитом песни «Happy Birthday».

«Национальные авиалинии» удостоили своим приходом и бабушка с дедушкой Михаила Саакашвили.

«Я вернулась! — ликовала я в душе. — Это — мой город, мой народ, как я соскучилась по Тбилиси!..»

* * *

— Лали, это Дима Санакоев. Может, вы приедете в Курту и поможете? — позвонил мне Дима буквально через день после праздника.

Я оставила свою машину в Гори, и в Курту меня привез присланный Димой джип.

— Проект временной администрации Южной Осетии ошибочный, — делилась я с Димой своим мнением. — Против тебя лично у меня ничего нет, наоборот, знаешь же, я тебя очень люблю, но ты делаешь неправильное дело. Нельзя еще больше разделять осетинский народ, это будет нехорошим примером. Знай, рано или поздно ты станешь заложником всего этого. Да еще твоя администрация расположена в больнице Курты. Эти места имеют давнишнюю историю, они объединяли народ, а сейчас здесь — ты? И движение «фандараст» (по-осетински «уходи» — движение против Кокойты. — *Л.М.)* — блеф. Так дело не делается!

— В чем-то ты права, — сказал мне печальный Дима. Мы хотели найти правильное решение, но обстоятельства оказались сильнее нас, намерения Димы даже близко не подходили к глобальной политике. Мы ни о чем не смогли договориться. Я поехала в сторону Гори.

Лил сильный дождь. Погода подкачала. В Тбилиси в восемь часов у меня была назначена еще одна встреча. В Гори пришлось задержаться, так как я неожиданно столкнулась со старшими друзьями Георгия Канделаки. Эта встреча напомнила прошлое и испортила мне настроение. Я давно все отправила в «архив» памяти и даже не хотела вспоминать.

— Знаешь же, так просто мы тебя не отпустим. — Нодар Эквтимишвили был другом, практически вырастившим Георгия, а Шота Чочишвили — первый грузин — чемпион Олимпийских игр.

— Немного поговорим, а потом поедешь, заодно поешь что-нибудь, ты, наверное, голодна.

Несмотря на нехватку времени, я не смогла отказать старшим.

— Как Рамаз, батоно Шота? — спросила я Чочишвили.

— Не знаю, то так, а то эдак, что-то не ладится у него…

— Детка, ты и Канделаки расстались окончательно? — спросил меня Нодар.

— Да, Нодар, пора подумать и о себе, начать новую жизнь, встать на ноги. И так я потеряла много времени. Это не было моей жизнью…

— Дело твое. Но почему именно сейчас, когда проблем уже меньше? Сколько чего вы перенесли вместе! Думаешь, я не помню, как ты продавала свои драгоценности. Да… А Георгий какое огромное здание воздвиг, работает нижний ресторан?

— Не знаю, господин Шота, — ответила я и вспомнила, сколько строительной пыли глотала на протяжении этих лет.

Манана звонила через каждые пять минут, будто сердцем чувствовала неладное.

— Мам, я выезжаю, — доложилась я ей.

— Не нервничайте, Мананочка. Она уже едет, — взял мой мобильник Чочишвили.

«Джвари» (крест. — *Л.М.),* — затеплилось у меня на сердце, когда у поворота со стороны Мцхеты показался монастырь. Больше я ничего не помню.

Это случилось так: у последнего поворота из Мцхеты по направлению к Тбилиси есть большая яма, которая опасна только во время дождя. У меня был спортивный «Мерседес», и с силой ворвавшаяся струя воды заставила «подумать» компьютер автомобиля, что это удар. За затылком сразу же раскрылась

защитная подушка, но сильный толчок в ту же секунду отключил меня. Машина пролетела восемь метров по спуску.

На мое счастье, в это время одна мцхетская семья смотрела сериал, и поднявшийся ветер развернул их антенну.

— Лало, сейчас поправлю, — успокоил супругу заботливый муж.

— Не надо, Петре, генацвале, потерплю до завтра, — нежно запретила жена, — в такую погоду хороший хозяин собаку из дому не выгонит, вай.

Петре не послушался и, поднявшись на крышу, заметил огни фар упавшей в овраг машины, и сразу же, мобилизовав всю семью, принял меры: одного ребенка поставил на трассу, а вместе со вторым спустился в овраг.

Место, куда я упала, было территорией бывшей российской военной базы, соответственно, нельзя было исключить вероятность взрыва пластиковой бомбы. Патруль и саперы работали вместе. В тот день и Петре, и патруль, и саперы совершили чудо, — дабы спасти жизнь одного человека, они рисковали жизнями нескольких.

В реанимобиле, абсолютно отключенная, я повторяла телефонные номера троих людей: Кети, Марикуны и, конечно же,

Георгия…

В реанимации я лежала без сознания. Именно в тот день, 17 октября, в вырытом нами и благоустроенном верийском подвале у Георгия проходил большой званый вечер…

Лужайка, журчание водопада, интересно, где я? Чтобы узнать это, мне надо было открыть глаза. Боже, какая боль!..

Журчание оказалось мочеиспусканием очередного пациента, а лужайка — клиникой Гудушаури. Мой «коллега» по несчастью азербайджанец канючил перед медсестрой:

— Не хочу, гюзель (по-азербайджански «красавица». — *Л.М.),* в палату, тут так хорошо! Иф!

— Хватит, вам больше нечего делать в реанимации, — ругалась медсестра.

Только тогда я узнала, что в Тбилиси в реанимации мужчины и женщины лежат вместе абсолютно раздетые. Мышление возвращалось ко мне по частям…

Мне требовалось сканирование. В барокамере прямо на мне лежали Марикуна и Кети и ревели.

— Не мешайте, — строго сказал врач и увел от меня девчонок. — Не дай Бог, что-нибудь упустим.

Повторное сканирование исключило внутреннее кровотечение. Пронесло… Зато у меня не осталось ни одного целого ребра и были повреждены нервные окончания. Меня перевели в палату всю изрубленную, как после войны в Афганистане.

Я невольно вспомнила свое детство, когда мой сосед дядя Миша после очередного падения с дерева или с крыши гаража говорил мне: «Ну, детка, кто тебя возьмет в жены с такими ободранными ногами?» Эх, дядя Миша, хоть бы это было моей самой большой проблемой…

Душа и тело, разорванные в клочья, обрели синхронность. Оба ныли.

Моя мама совершенно онемела от страха. Девчонки целовали мне руки и одновременно передавали новости обо мне Диме.

Горийцы не звонили…

А позднее за мной, вернувшейся домой на носилках, поочередно ухаживали Марикуна, Манана и Кети. Я лежала на матрасе на полу — из-за сильного сотрясения и травмы головы нельзя было даже шелохнуться. Ситуация дома смахивала на официальную панихиду.

«Я не успела застраховать новую машину. Отложенное дело — полная безнадега», — подсчитывала я в голове убытки.

Первым навестить меня прибежал Дато Кодуа.

— Не бойся ничего, ты ведь борец! — ободрял меня друг. — Мы с тобой. Скоро встанешь на ноги и будешь как новенькая!

Георгий появился только через неделю и, сделав вокруг меня «круг почета», вымолвил:

— Это тебя Бог наказал за то, что ушла от меня.

Тогда еще врачи не давали гарантию на мое полное излечение…

Часто я задумываюсь, как смогла перенести столько горя? Наверное, от отчаяния у человека открывается второе дыхание. Отец Георгий Звиададзе называет это процессом очищения. Мой жизненный путь проторен сквозь боль. Спасибо, Господи!

…Вскоре после моей аварии именно на том же месте погибли две девушки.

Клуб

Пока я зализывала раны, в стране начались большие беспорядки. Телекомпания «Имеди» и ее владелец Бадри Патаркацишвили были в открытой оппозиции правящему режиму. Обстановка накалялась. Манифестации и шествия приобретали все более массовый характер. Я как в тумане наблюдала за мирной демонстрацией митингующих по телевизору. Вдруг мне показалось, что я куда-то провалилась. Я срочно позвала маму.

— Манана, кажется, я теряю сознание! — буквально через силу выговорила я.

Побледневшая Манана выскочила из кухни и через две секунды была возле меня. Подошла, проверила пульс и невзначай взглянула на экран.

— Мамочка, кажется, и мне плохо…

Я не падала в обморок — на экране был полный туман. Куда делись люди? Взволнованная, я впервые приподнялась.

— Лали, ложись, нельзя! — кричала мама, но я уже ничего не слышала.

Приходившие меня проведать друзья рассказывали страшные вещи. Избитые «робокопами» и отравленные газом оппозиционеры, митингующие и журналисты просили помощи в больницах. Тяжелее всех был ранен в голову бывший друг Саакашвили и когда-то начальник его избирательного штаба Леван Гачечиладзе.

— Неужели никто не вышел остановить все это? — спрашивала я в отчаянии.

А вечером разгромили телекомпанию «Имеди», унизили журналистов, уничтожили аппаратуру.

POLİS

POLİS

7 ноября 2007 года правительство грубо нарушило «Международный пакт о гражданских и политических правах человека», «Кодекс поведения высокопоставленных чиновников правоохранительных органов», принятый Ассамблеей ООН в декабре 1979 года, Европейскую конвенцию прав человека и множество пунктов Конституции Грузии.

Осталась только телекомпания «Кавкасия», которая «лечила» израненные души граждан. «Аку» все больше эфирного времени предоставлял Губазу Саникидзе. Сын писателя Левана Саникидзе интеллектуал и умница Губаз понятно и адекватно освещал происходящее в стране, исходя из национальной позиции. Его похожие на лекции интервью можно было слушать бесконечно. Здесь всегда были критика, знания и, что самое главное, мужественный оптимизм.

Члены его команды: сын легендарного героя Жиули Шартава (премьер-министр Абхазии, расстрелянный сепаратистами. — *Л.М.)* — Каха Шартава, Резо Шавишвили, Нико Орвелашвили и Ираклий Мелашвили — представляли собой сильный оппозиционный кулак.

Лидер лейбористов Шалва Нателашвили, как обычно, продолжал смешивать с грязью Саакашвили. Ругань в адрес президента стала считаться хорошим тоном.

Нино Джангирашвили готовила авторскую программу «Барьер». Люди все больше нуждались в объективной информации.

Рейтинг телекомпании «Кавкасия» затмил все другие крупные

телекомпании.

Назначение президентских и парламентских выборов означало признание ошибок, но 5 января и 28 мая выборы были тотально сфальсифицированы. Леван Гачечиладзе, которого выбрал народ, оказался за бортом, как оказался за бортом и сам грузинский народ.

Моя болезнь поневоле отстранила меня от «Национальных авиалиний». Компания не могла ждать. Идти в политику, тем более в этом хаосе, не хотелось. Я решила опять попробовать силы в журналистике. В апреле включилась в конкурс на пост руководителя Общественного телевидения. До финала я дошла легко, тем более, что меня поддерживало рекомендательное письмо омбудсмена Грузии Созара Субари. Меня уже начали поздравлять с победой, когда группа оппозиционеров пошла на сделку с «Национальным движением».

Мне снова перекрыли дыхание. И, что самое нелепое, перекрыла оппозиция. Значит, они все заодно, что за грязные игры? Кто в чьем лагере? Кто за сколько продается? Где мораль? Столько риторических вопросов — перебор для такой маленькой страны.

Еще одно фиаско разбудило полученную в аварии травму, меня мучила страшная боль в позвоночнике. Купленная в долг машина, как-то сразу повзрослевший Георгий, грустный, скорбящий Сандро, огромное количество платежей — все это легло на меня тяжким грузом. Фитнес-клуб и уход за собой стали непозволительной роскошью. А на родном Черепашьем озере (озеро в Ваке. — *Л.М.)* меня все знали. Отвечать на тысячу вопросов не было сил, тем более, что у меня не было правильного ответа. Да и полемики с двумя враждующими лагерями, честно говоря, совсем не хотелось. Я ни на чьей стороне, слышите! Я на стороне Грузии.

— Долго еще собираешься сидеть дома? — Внезапно появилась моя давнишняя подруга, красавица и просто хороший человек Нана Андроникашвили.

— А что мне делать? Не видишь, что творится. Я обязательно должна быть в каком-нибудь лагере? Не хочу! Вот и сижу дома.

— А сколько времени вынесет такой режим твой позвоночник?

— Нин, родная, ну знаешь же, что я без денег, если кто-то мне и помогает, так это Дато Кодуа и мои девочки. Все подорожало. Я бы уже давно уехала в Сочи или Париж к своим, но что с детьми делать? Ведь не сбегать же?!

— Послушай, Лалико, у нас каждые пятницу, субботу и воскресенье хорошая программа, весь Тбилиси там. Помнишь, я

тебя сто раз приглашала, но не могла оторвать от кроличьей фермы в Вариани! А сейчас, считай, что это лечение, и не только души. Приходи, потанцуешь, развлечешься и забудешь про свой позвоночник. Для тебя это сейчас обязательно.

Нина была руководителем только что открытого в прекрасном уголке старого Тбилиси — Авлабаре клуба «Гомартели». По вечерам сама отличающаяся удивительным вкусом и утонченностью, присущими дворянке, она собирала лучших представителей тбилисского общества. Это был не только клуб, а скорее семья, где все знали и любили друг друга. Здесь время останавливалось, и ты переносилась в другую реальность. Ни драк, ни ссор, одна только любовь. Удивительно, но здесь даже политики забывали о междоусобицах.

Меня приняли как родную. Согласно директиве Нины пропускали бесплатно. Услужливые бармены Алекс и Резо баловали разнообразными коктейлями. Танцы, внимание и любовь вернули мне былой вкус к жизни. У меня с Сандро, благодаря небольшой разнице в возрасте, был один круг друзей. И сейчас мы принимали у себя только что приехавшего из Австрии известного теннисиста и общего друга Ираклия Лабадзе. Сандро, увлеченный техноминималом, писал и слушал клубную музыку. Его работы размещались уже на европейских сайтах. Их исполняли и в некоторых лондонских клубах. Я и Ираклий не смыслили ничего ни в его музыке, ни в этом течении.

— Не начинай сейчас тарахтеть, давай сегодня доверимся Лалиному вкусу, — говорил Ираклий Сандро.

— Уф, Лали отведет тебя сейчас в «Гомартели», и слушай стариковскую музыку, — ныл Сандро.

Ираклий выбрал клуб «Гомартели».

Известный певец Мераб Сепашвили исполнял старые хиты. Истосковавшийся по Грузии молодой человек с жадностью слушал.

Я ненадолго оставила мальчиков и отправилась к бару повидать Нино.

Через неделю в культурном центре «Муза», находящемся в живописном парке около Черепашьего озера, руководитель модельного агентства Лика Казбеги планировала вывести на подиум известных в обществе дам за тридцать. Лика своими новаторскими идеями держала город в вечном напряжении — то жены футболистов, то беременные женщины, то молодняк — ее идеи были всегда актуальными. Лика не давала расслабиться грузинкам и своими проектами напоминала, что женщина в любом возрасте должна заботиться о своей внешности. Вот и сейчас вместе с блистательными дамами были я, Марикуна и

Нино.

С Ниной я должна была согласовать элемент одного из костюмов. Между прочим, «успешные» дамы очень нервничали: шутка ли, без ошибки пройтись перед такой аудиторией. Ведь среди нас не было ни одной модели. У Марины, что называется, «дело было в шляпе». Мой младший сын Георгий был ее фаном и поэтому с удовольствием согласился на предложение вместе пройтись по подиуму. Маленький «Мышонок» был самым частым гостем на программе Марикуны «Табу». Дефиле вдвоем наполовину снижало страхи, а наличие такого «пажа» только увеличивало расположение сидящих в зале.

— Молодчина Лика, правда? Давай, к зимнему сезону и в клубе устроим что-нибудь, — сказала Нина.

— Почему бы и нет, — ответила я.

— Морошкина! — послышался сквозь музыку знакомый с детства голос.

«Не может быть, неужели проклятый коктейль», — со страхом подумала я и остолбенела в ожидании белой горячки.

— Пропустите ее ко мне! — последовал приказ. Нет, это не было посталкогольным синдромом — это был Миша Саакашвили.

— Ты куда делась, девочка? — спросил Миша так, словно час назад отправил меня за хлебом.

— Миша, если б ты знал, сколько всего мне надо сказать, — зачастила я.

— Познакомься, это Мэтью Брайза (помощник заместителя госсекретаря США. — *Л.М.),* — представил меня Миша участнику застолья.

— Nice to meet you, — сказала я. Миша рассказывал Брайзе о проведенных вместе годах, тот слушал с интересом.

Он ничего не знал о смерти Нукри, или… или не хотел знать.

— Знаешь, что из-за тебя я столько лет сижу без работы? — пожаловалась я Мише и как когда-то в школе пнула его под столом коленкой. У охраны от удивления отвисли челюсти.

— Что ты говоришь? А я думал, ты больше не хочешь со мной работать, тем более, знал, что у тебя «с ним» доля в Верийском саду. Ведь видишь, из-за тебя его никто и пальцем не тронул.

— Какая доля? Миша, нигде у меня ничего нет.

— И поделом! Оба мы сильно ошиблись. Ни мне не повезло с горийским Окруашвили, ни тебе — с горийским Канделаки. Из-за кого мы поссорились? — сердился Миша.

— Тем более, некоторые из твоих чиновников подумали, раз я не министр, значит, враждую с тобой. Один из них в своем кабинете даже пытался меня изнасиловать.

— Не своди меня с ума! Кто? — наклонился ко мне

президент.

— Да ну его, не стоит и говорить.

— Я тебя хотел отправить в Москву, но не получилось…

— Посмотри, как вымахал Сандро! — сказала я Мише. Он жестом велел подойти остолбеневшему Сандро.

— Как ты вырос, парень! — Миша подал Сандро руку — Сильно похож…

— Миша, ты же знаешь, я могу критиковать тебя, но не потому, что ненавижу, а потому, что люблю, люблю годы нашего детства. Многие портят тебе дело, сладкой ложью сводят с ума. Не верь всем, прошу тебя!

— Мераб! — позвал Миша Мераба Сепашвили. — Знай, на той неделе приведешь ко мне Лали!

На «той неделе» началась война.

А иначе большая авантюра с разными названиями. Принуждением к миру — для России и восстановлением конституционного порядка — для Грузии.

Грузия потеряла более 200 сёл и деревень!

Большая авантюра и по численности безымянных могил (при строгом учёте новобранцев) и по численности потерянных территорий. Кому это надо? Потерять веками облелеянное Кодорское ущелье и Ахалгори, что в 35 километрах от Тбилиси.

Да, точно, Россия и не мечтала о таком правителе Грузии, который без единого выстрела отдает казённые земли.

Лафа!

Время покажет, что принесет Грузии визит госпожи Райе 15 августа, и как разделили нашу избранную Пресвятой Богородицей страну Америка и Россия.

* * *

…Мое положение было незавидным вдвойне. В первый же день войны я попросила эфир у Давида Акубардия и призвала всех, и особенно местных русских, собраться у Российского посольства и выразить протест.

Не могу описать чувства, испытанные мною при появлении впечатляющего потока людей. После сделанного в эфире «Кавкасии» призыва к Российскому посольству двинулись тысячи граждан Грузии.

Русские женщины подходили ко мне одна за другой и приводили факты угроз со стороны грузин.

— Мы ведь жены и матери грузин, любим эту землю. Оккупанты стреляют и в нас, — говорили запуганные женщины.

Во время напряженной ситуации, как правило, теряются такт и воспитанность.

— Русские, убирайтесь! — слышалось в адрес мирного русского населения.

Людей этих нужно было защищать. Я обратилась к Народному защитнику господину Созару Субари, чтобы мне выделили зал, и вновь по «Кавкасии» призвала собраться живущих в Грузии этнических русских.

Мы подготовили текст протестного обращения этнических русских — граждан Грузии.

«Грузия — молодое демократическое многоэтническое государство, и живущие здесь русские — его составная часть. Требуем незамедлительного вывода с грузинской земли как российской армии, так и техники, значительно повредившей инфраструктуру. Сожженные города и села, сотни погибших, раненых и бездомных, нарушенная экология, осквернённые церкви. Мы призываем российскую общественность поддержать эту миротворческую инициативу. Россия — это не только политика, но и культура это Гумилев, Солженицын, Толстой, Достоевский, Набоков, Булгаков.

Мы гордимся своим прошлым, но нам стыдно за сегодняшний день!

Нарушение суверенитета демократического государства — нарушение норм международного права.

Для того чтобы мы не стали предметом манипуляции России, как это случилось в Южной Осетии и Абхазии, заявляем, что Родина только одна! И эта Родина — Грузия! Мы на протяжении многих веков жили вместе с грузинами, принимали активное участие в политической жизни и являемся полноправной и полноценной частью Грузии. Никакие попытки России не испортят наших добрых отношений с грузинами.

Мы выступаем против новой волны эмиграции, которая, как правило, сопровождает подобные процессы!»

Обращение, с большим количеством подписей от русских семей, я сдала в Посольство Российской Федерации.

На другой день после проведения многотысячной протестной акции у диппредставительства позвонил мой давний друг, а ныне председатель Парламента Дато Бакрадзе и поддержал мою инициативу.

— Дато, я это делаю не для тебя и не для Миши! Это народный протест!

— Хорошо, зачем сердиться. Я просто позвонил тебе, — сказал Дато.

К концу дня появился парламентарий Палико Кублашвили.

Он издали увидел меня и направился прямо к цели.

— Лали, ты, наверное, очень устала? — спросил он по-дружески.

— Ничего, все в порядке. Большое спасибо! Сейчас главное — выиграть информационную войну. Есть много телекомпаний, наших и зарубежных, так что не беспокойся.

Военные действия становились все более тяжелыми. Давай, выберемся в руставелевский театр, предложил на третий день Палико. Честно говоря, я была очень утомлена, вот почему с удовольствием согласилась.

Театр Руставели больше походил на избирательный штаб «националов». Мелкие «наци» давали директивы.

При моем появлении какой-то безликий депутат бросился к камере «Рустави-2». «Морошкину не снимайте, она и так постоянно в эфире», — дал он распоряжение.

У меня глаза полезли на лоб. Вчера Саакашвили одобрил проведенную у Российского посольства акцию. Видимо, эти гиены пытаются перехватить инициативу, взять все под свой контроль и выкаблучиться перед боссом.

— Эй, ублюдки, какое сейчас время пикироваться, — сказала я и направилась к выходу, где натолкнулась на входящего Палико.

— Куда ты идешь? Что произошло? — удивился он.

— Спроси у этих негодяев, — ответила я и вышла. Вскоре Палико мне позвонил. Это был единственный человек в штабе, который адекватно мыслил.

— Лали, я приношу тебе извинения, прошу тебя, вернись, ты нужна здесь!

Времени для обид не было, и я вернулась.

Я собрала в театре Руставели медицинских сестер и начала подготовку к «миротворческому коридору» в Гори, Картли могла быть отрезана от центра в любое время.

— Ты сейчас сеешь панику, — не переставала «вонять» свора «националов» и аргументированно объясняла, что никакой опасности нет, и к вечеру наше знамя будет над Цхинвали.

* * *

… Я сею панику? Когда это было, чтобы русские отступили? И ребенку было ясно, что мы теряли все новые территории. После нескольких «сладких» слов я оставила лакейский штаб.

Вскоре обстановка накалилась еще больше. Контактов с Гори не было.

— Ситуация сложная, защищайтесь кто как может. — Эти слова председателя Парламента вызвали в народе панику.

За минуты все было сметено с полок магазинов, закрылись многие объекты. Город с широко открытыми от страха глазами замер в ожидании бомбежек.

— Что ты наделал, Дато? — позвонила я Бакрадзе. Дато казался растерянным.

— Давай встретимся, поговорим, — попросил он.

Мы встретились в Сололаки. Он пересел в мою машину.

— Ты представляешь, как я нарушаю нормы безопасности? — сказал Дато.

— А то я сейчас же отвезу тебя к Кокойты. Кому ты нужен? Ты больше нарушаешь правила нормального поведения!

Мы поднялись ко мне домой. Дато явно нервничал.

— Мои слова вызвали страшный резонанс в народе, не правда ли? — спросил он.

— Ну а чего ты ожидал? Сейчас нужна твердость!

Удивительно, некогда один из лучших переговорщиков, достаточно умный человек, почему он допускал сейчас роковые ошибки? Может быть, эта система портит людей, может, кресло воздействует на разум? Мои друзья менялись на глазах.

Разрушение

…«И чтобы никого не беспокоили идиотские мысли насчет открытия огня в конфликтных зонах», — да, эти, мягко говоря, некорректные слова, сказанные в присутствии госпожи Меркель, вызвали шквал неодобрения среди граждан Грузии.

Идиотские? Господин Медведев, а как бы вы назвали вторжение российских войск далеко, намного дальше, чем зона конфликта, — в глубь Грузии? Как же не меняется имперский тон. Мне лично все равно, будет ли бить Хрущев башмаком, или всю Грузию оклеймят идиотами, да еще в присутствии дамы. Но можно ли говорить с вами о хороших манерах и лексике, ведь Армагеддон, устроенный в Грузии с помощью осетин, абхазов и других горских народов, именно ваших рук дело. Браво!

Кстати, русские военные, увидев инфраструктуру и оснащение в казармах Грузии, не скрывали своего негодования в адрес собственных военачальников и называли себя бомжами по сравнению с грузинами. Да, это именно так! Страна после революции роз, вооружалась! Сотни сожженных сел и городов, обесчещенных на глазах отцов девушек, сотни жертв трефикинга, уничтоженная инфраструктура, опороченные церкви и разлагающиеся под августовским палящим солнцем трупы грузинских воинов — а это не идиотизм? Да, именно не идиотизм, а что-то намного хуже. Причём с обеих сторон.

А как назвать целенаправленное истребление журналистов практически со всего мира? Такого даже Гитлер не позволял себе. Что, война все спишет? Нет уж, сдается мне что кто-то обрек себя на вечные муки, потому что имя его войдет в историю подобно Герострату, который сжег красоту… а вы, недалёкие правители, сожгли тысячи человеческих жизней, сожгли мост между Грузией и Россией и обесчестили себя в глазах всего цивилизованного мира.

Однако у медали две стороны. За что Грузии такое наказание? Может, за излишнюю гордыню, или периодически нужно проливать южную кровь, чтобы она так не кипела? Нет, дело не в этом. Нас наказывают за нашу же нелюбовь друг к другу, нетерпимость. Что мы делали столько лет в СНГ? Неужели нельзя было принять единое решение в Парламенте? Почему мы изменили название Дальского ущелья, назвав его Верхней Абхазией, а историческую землю Самачабло — Южной Осетией? Ведь «название определяет его границы» (Лао-цзы). Этим мы урезали свои же конституционные права на эти территории. А как обстоит дело с «непобедимой» военной техникой, которой мы

пугали своих же детей на парадах, проведанных в честь величия Грузии. А, может, средства, выделенные на армейское вооружение, «легким движением руки» переместились на банковские счета высших должностных лиц? Откуда на фоне всеобщего обнищания появилось столько миллионеров?

Почему избранные с высоким процентом доверия президенты Грузии один за другим оказываются неугодными и в гонении? Что, не хватает терпения даже на 2–3 года? Не так уж давно была трагедия 7 ноября, когда грузинские власти применили против мирного населения удушающий газ и увесистые дубинки. Полностью была разрушена независимая телекомпания «Имеди», сотни пострадавших. За последние четыре года было истреблено и посажено в тюрьмы множество инакомыслящих. Окончательно умерло правосудие. Фемида оглохла, ослепла и в диких муках скончалась. Все стратегические объекты были проданы Российской Федерации.

Умному человеку или правительству нетрудно было сделать выводы из сложившейся в стране ситуации и спрогнозировать такой расклад событий. Но кому их делать? 26 — 27-летним пацанам, которые правят государством так, словно играют в карточные домики? Кстати, семьи многих из них в спешке покидали Грузию, устроив дефиле на джипах последних моделей в направлении Красного моста, ведущего к границе Азербайджана. А тем временем количество беженцев из горящих городов и сел растёт с каждой минутой, они размещены во всех детских садах и школах столицы. А помощи все нет…

Но все это — ничего по сравнению с горем матерей, которые не могут по-человечески оплакать своих героически погибших сыновей, так как российский генералитет не дает возможности вывезти тела наших парней с оккупированных территорий Грузии. Многие раненые, по словам очевидцев, были застрелены контрольными выстрелами. Как говорится, «мудрый никогда не попадет в ситуацию, из которой умный с легкостью выйдет». Как это ни трагично, мы оказались не мудрыми и даже не умными.

Грузию исторически сплачивало горе. Так произошло и на сей раз. Не осталось семьи, которая бы не помогла ближнему. Вся Грузия скорбит, она убита горем. Закончится эта несправедливая, жестокая и никчемная война. Люди выйдут из шока, и возникнет множество вопросов, увы, не риторических, а конкретных — кто виноват? Почему не были предприняты шаги к достижению благоразумного решения вопроса? Хотя даже в это горячее время многие представители грузинской общественности уже делают определенные выводы.

Председатель демократического фонда, бывший председатель

Парламента Грузии Нино Бурджанадзе: «В стране еще война, еще стоят русские танки, поэтому сейчас не время выяснять, кто виноват, хотя придет время, и очень остро будут заданы конкретные вопросы. Сегодня необходимо прекращение огня реально, а не так, как это делает господин Медведев. Честно говоря, мою позицию зафиксировали многие СМИ Грузии, но по какой-то причине они были заблокированы. Я хотела подчеркнуть, что в столь трудное для Грузии время я находилась вместе с моим народом.» (газета «Джорджиан тайме»).

Политолог Рамаз Климиашвили: «Установление мира — это очень длительный и сложный процесс, или, может, кто-нибудь думает, что абхазы и русские выйдут из Кодорского ущелья? Когда в Кодори вошла грузинская полиция, там жили сваны, то есть грузины, а не абхазы!» (газета «Джорджиан тайме»).

Политолог Темур Шашиашвили: «То, что сегодня происходит в Грузии — это война между Россией и США. Все выиграли в этой войне, кроме Грузии. Выиграли русские. У осетин и абхазов оправдались ожидания. Наказанием Грузии Россия сказала всему миру: не надо со мной говорить в таком тоне. Я покажу, насколько это опасно, и показала. Россия хотела устроить провокацию такого рода и на Украине, но Украина не клюнула на эту удочку. Выиграла Америка. Война с Ираком понизила рейтинг республиканцев, а радикальные высказывания Маккейна в поддержку Грузии положительно повлияли на его имидж. Выиграл Иран. Для американцев аэродромы Грузии служили плацдармом в случае войны. Исходя из этой ситуации, Ирану со стороны Грузии уже ничто не угрожает. Проиграла Грузия. Покажите хоть одного здравомыслящего человека, который сделал бы такое.» (газета «Джорджиан тайме»).

Представитель оппозиции, бывший госминистр по урегулированию конфликтов Георгий Хаиндрава: «… Мы победили. Оказывается, это большая победа. В связи с этим даже PR-кампанию устроили. Разве нормально было сейчас праздновать? Это не нормально! Я не думал, что такое еще возможно после 1921 года. Если грузинский народ сочтет это победой — тогда комментарии излишни.» (газета «Джорджиан тайме»).

Народный защитник (омбудсмен) Созар Субари: «Мародеры все уничтожают, убивают, бьют и унижают людей, ведут себя по-зверски. Помогите! Донесите до всего мира наше горе. Я хорошо понимаю, что власти не могут проконтролировать, что происходит в конфликтных регионах, но проведение концерта в столице? Я часто упоминаю об этом концерте, но это было невыносимо больно, когда реальность совершенно иная. Каждую

минуту мне лично звонили из Каралети, Тквиави, Мегрелии и плакали, прося о спасении. Кого мы обманываем? Себя?» (газета «Алия»).

Член грузинской академии, доцент Гела Долидзе: «Не надо вести страусиную политику, у Грузии нет больше армии. Надо быть неблагодарными, чтобы не помнить героизм грузинских мальчиков, но компетенция и профессионализм главнокомандующих вызывают негодование. Катастрофа наступила на второй же день, и причина этой катастрофы

полностью на совести политического и военного руководства. Также стало ясно, что многомиллионная программа резервистов, куда уходила увесистая часть бюджета, оказалась абсолютно неэффективной. Мы каждый день слышим о том, как Министерство обороны Грузии покупает зенитные установки, оружие и джипы. Неужели катанием на черных джипах можно выиграть войну?» (газета «Алия»).

Бывший президент Грузии Эдуард Шеварднадзе: «Россия в выигрышной ситуации и так легко свои позиции не сдаст. В 1990 году президент Звиад Гамсахурдиа допустил ту же ошибку. Может, тогда не знали предназначение Рокского тоннеля и уповали на численное преимущество. Но сейчас-то мы обязаны были знать. Может, было определенное сопротивление, или знание и интуиция изменили командующим? Как оказалось, ничего не было продумано» (газета «Все новости»).

Грузия многоэтническая страна, естественно, что наряду с грузинами пострадали осетины, армяне, азербайджанцы, русские, евреи. По сведениям сопредседателя Мирового Еврейского Союза Гурама Батиашвили, в Гори и в близлежащих селах проживало 250 еврейских семей, 20 из них остались в осажденном городе, а остальные разместились по семьям родных и близких. Еврейский Конгресс Евразии (25 стран) и его президент Машкевич активно помогают пострадавшим. Ожидается поступление дополнительной помощи.

Так или иначе, единственное, что сегодня волнует грузинский народ — какой документ был подписан? Что значит 6-й пункт, и теряем ли мы конфликтные территории навсегда.

Кто скажет правду? Сколько можно кормить народ безовкусными спектаклями?

Кто этот Саркози, друг или нотариус по оформлению окончательной потери 30 % Грузии.

Эксклюзив Грузия

Наконец-то, я поняла, что такое французская любовь, — это когда между грузином и русским стоит француз! И на этот раз роль примирителя должен был исполнить французский президент.

Что с нами делается такое, почему один на один у нас ничего не получается? Импотенция? **May** be, как сказали бы наши американские братья, которые оставили нас лицом к лицу с врагом минимум на три дня!

Так, к сведению, импотенция — это не проблема гениталий, как думают некоторые, ее истоки именно в голове! В частности, в ее сером веществе. Извините, я отстала от моды, ведь среди нас не принято искать причину у истоков! Лечим локально, и ну и что, что через короткое время нас одолевает безнадежность.

Помоги мне, дядя Саркози (или как его называют по-домашнему — Сарко), ради твоих красивых глаз, пусть здравствует твоя красивая жена, которая украшает тебя (и первая была красивая), и твои дети пусть здравствуют! Короче, смягчился дядя Саркози и сказал: вуаля, чем больше будет таких бедных, как вы, тем легче я раздам попрошайкин «паек». Выпячите немного животы, чтоб стали похожи на голодных детей Сомали, им подобным мы подаем щедрее всего…

Грузия подготовилась к «живой цепи», но что поделать с этим бахвальством, не наше дело стоять молчаливо с опущенной головой!

И вот мы показали: джипы — «Инфинити», «Х6», «Мерседес», «Хаммер»; прикид — «Гуччи», «Версаче», «Барберри», «Ив Сен-Лоран», «Коко»; очки — смотрите вышеперечисленные бренды; телефон **ONLY** «Верту». Все это больше преобладает во время выступления «Папы Римского» (Боже, прости), Саакашвили на праздничной церемонии на центральной площади «Ватикана»

(Революции роз). Аллилуйя!

…Эта Европа и вправду думает о нас, что мы попрошайки? Ну и что такого случится, если один сопливый ребенок чего-нибудь не так скажет? Как тот гурийский малыш, который застал родителей за лаской и думает — эти еще мне запрещают ковыряться пальцем в носу?! У такого мужчины-«Эйфеля» должно хватить ума, чтоб не обращать внимания на вопли простонародия! Все-таки какая слепая эта Европа! Хотя, мы пуза по сценарию выпятили, еще какие! С цыпленочком и чахохбили, с горячий грузинский лавашом…

С ума свели французов! Поделом им, а как, думали мы

забудем, что нашего Сулхан-Саба (грузинский писатель и дипломат XVI века. — *Л.М.)в* своё время отпустили ни с чем? Вот это и есть настоящий патриотизм! Впервые за всю историю человечества, не говоря уже о Грузии, мы отплатили амбициозным, развращенным французам. (Разве добропорядочный народ выдумал бы «Мулен Руж»? Тьфу!). Вы думали, что мы забудем обиду? Как сказали бы предки Берлускони, «вендетта — блюдо, которое подают холодным!» И мы охлаждали всего несколько веков, а что? Нам некуда торопиться!

Короче, впал Сарко в раздумье, ни днем не спит, ни ночью. Если выбьется из сил и заснет невзначай, и во сне все о том говорит (вторая жена попалась ему чересчур болтливой, ну и поделом, так всегда, молчаливых, порядочных, вышедших замуж девственницами женщин никогда не ценили), что, мол, делать, где найти деньги, чтобы насытить грузин? Может, отменить визовый режим, пусть приезжают сюда и учат этих изнеженных европейцев правде жизни, да еще, если смешаются с кровью французов, — вообще расцветем. Ты посмотри на него, оказывается, Сарко все-таки прочитал историю великой России. Видно, когда ехал к Медведеву, просмотрел, чтоб там не оплошать. Так вот, в этой злополучной истории написано: если бы монголы не покорили русских те давно бы вымерли, такие они были слабые генетически. И Сарко использовал эту генетическую уловку! С ума сойти, все хотят устроить жизнь за наш счет!

Короче, оказывается, мусье Сарко в таком сложном положении решил: «Дело вместо разговоров» (лозунг «Национального движения». — *Л.М.),* позвонил и сделал спецзаказ «Ламборджини — Диабло», «Бугатти — Вейрон», «Феррари — Энцо» и «Бентли — Континенталь», да еще впервые за историю Европы — в таком количестве! Видите ли, грузины — потенциальные зятья и невестки, не можем же мы оскорбить их. Гордится весь грузинский народ! Разве шутка — попасть в историю Европы?! Это еще что — известные бренды лица расцарапали, создавая эксклюзив для Грузии. Какой Дольче, какой Габбана, когда может существовать М. С, Д. Б, Г. У, Г. Б. и так далее, — инициалы современных грузинских гениев.

Поздравляю! В Грузии закончилась эра «труха» — брендов, пусть одевают в этот «секонд-хенд» своих итальяшек, франко и гринго.

Грузия — страна эксклюзивов!

С миром

Осенний Тбилиси… Красивый, маленький и только мой. Это чувство неделимой любви, наверное, одолевает каждого, и не осуждайте нас, он такой миниатюрный, на много частей его не поделишь, многих он не сможет приголубить. И так сколько отдает! На одном малюсеньком, как ладошка, месте живут армяне и евреи, мусульмане и католики. Он учит, укрывает, успокаивает и шепчет: «Приласкайте друг друга, простите ошибки прошлого и потом приходите ко мне, в Железный ряд, Ватный ряд, на Шардена или в Сололаки, присядьте, поделитесь теплотой и согрейте друг друга тбилисской осенью, я же по-матерински буду слушать ваши рассказы, и к моей летописи добавится еще одна красивая история. Ее журчание подхватит Кура, мечтательный Метехи, вечно молодой дворец Дареджан и сильный воин — Нарикала». Вот такой он, мой, твой и наш Тбилиси, крошечный, нежный, красивый и в то же время удивительно гордый, сильный и непоколебимый…

Город понемногу приходил в себя, а грузинские села все еще были объяты пламенем. Нет больше ни Ахалгори, ни Эредви, ни Курты… Временно примиренные войной, а сейчас вновь охваченные лихорадкой противостояния грузины переходили на новый этап борьбы.

Я укрылась за педагогической деятельностью и преподавала в Международном университете массмедии и коммуникации. Приняла предложение и из Национального университета. Что может быть лучше — взрастить новое поколение, учить его тому, что знаешь.

Многострадальная, прошедшая «через войну» телекомпания «Маэстро» и ее шеф Мамука Глонти на основании с трудом полученной лицензии готовились к новому эфиру. По инициативе Мамуки создали Совет журналистов: дабы избежать увеличившихся нападок на коллег, было необходимо задействовать защитный механизм. Лаша Тугуши, Алеко Элисашвили, Нино Жижилашвили, Люба Элиашвили, Звиад Коридзе, Ирма Инашвили, Нино Мамаладзе и многие другие принялись за дело. Кажется, журналисты всея Грузии объединились впервые. Ведь перо, справедливость и принцип единства и есть исключительный защитный механизм, имеющийся у журналистов!

В феврале брат Левана Гачечиладзе — певец Гия Гачечиладзе предложил Грузии новый шокирующий проект. Человек по собственной воле сел в «тюремную камеру» и надел на себя

виртуальные кандалы, подчеркнув этим наше бесправие. В грузинском телепространстве появился абсолютно новый проект «Камера № 5». Гия со свойственными ему легкостью и юмором бичевал множество из царивших в стране пороков. Заключенный не оставлял свое место, на протяжении 24 часов вместе с приглашенными гостями разбирая язвы нашей повседневности. Город забыл о сне. Но вот парадокс. Чем острее была тема, тем усиливалось «равнодушие» правительства. Видно, и по ту сторону баррикад есть психологи. Согласно одному тесту, ученые наполнили три сосуда водой, над одним каждый день кричали, второй — ласкали, а на третий не обращали внимание. Тестирование показало, что в сосуде, который оставили без внимания, изменилась структура воды… И в политике, и в шоу-бизнесе, и в жизни равнодушие — удар, нанесенный ниже пояса..

Для меня самым впечатляющим был визит в «Камеру № 5» Ираклия Батиашвили (член оппозиционной Республиканской партии, в прошлом министр госбезопасности. — *Л.М.).* Прошедший через множество несправедливостей, Ираклий не озлобился, не ожесточился и в свойственной ему спокойной манере продолжал рассуждать о проблемах страны. Его пространные философские примеры прояснили много вещей, напомнили нам, что история повторяется, что Платон и Сократ описывали авторитаризм и диктатуру так, будто жили совсем рядом, на углу Сабуртало.

Грузия готовилась к 9 апреля, к новому 9 апреля! На этот раз организацию многолюдной демонстрации взяло на себя гражданское общество, а в авангарде стояла «Грузинская академия».

Все партии, кроме «Национального движения», договорились отметить 9 апреля — годовщину трагедии мирной манифестацией.

К волне протеста присоединился и ушедший с поста и вернувшийся в Грузию бывший посол Грузии в ООН Ирокалий Аласания. Ираклий — сын геройски погибшего в абхазской войне Мамии Аласания. Несмотря на это, его уважали и абхазы, и, соответственно, на переговорах консенсус был более или менее достигаем. Спокойный, уравновешенный, здравомыслящий Ираклий заслужил особенные симпатии грузинского народа.

Несколько лет назад я познакомилась с Ираклием и его супругой Натией Панджикидзе на дне рождения Манко Бараташвили. Вместе с Аласания появился и Гия Каркарашвили. Прошедший через войну ветеран, бывший министр обороны генерал Гия Каркарашвили лучше всех знал цену миру на примере собственной жизни.

— Лали, Гия Каркарашвили ведь твой родственник? — спросил меня однажды мой друг Мамука Мерквиладзе.

— Да, а что такое?

— Мы, группа молодых парней, хотим с ним познакомиться. Во-первых, Гия — грузинская легенда и эталон героизма, а во-вторых, наверное, 9 апреля важнее всего будет охранять порядок. Мы готовы.

Мамука и его друзья принадлежали к той части тбилисских ребят, которые имели и работу, и достаточно денег, но не имели одного — стабильности в стране.

— А работа? — спросила я.

— Возьмем отпуск.

Удивленный Гия Каркарашвили смотрел на этих молодцев, отцов многих из них он знал лично.

— Что вас сюда привело? — спросил Гия и внимательно осмотрел парней, наряженных будто для парада.

— Что, генерал, чересчур лощеные? — рассмеялась я. — Так они вырядились из уважения к тебе.

— Знаешь же, как военный я в первую очередь приглядываюсь к затылку. У этих — затылки тщательно выбриты.

Вашей единственной миссией во время многолюдной манифестации будет избегать конфликтов, уводить пьяных и провокаторов. Чтобы я не видел в руке даже пилочки для ногтей. Надеюсь, вы не постесняетесь надеть красные ветровки с надписью «С миром»?

Все прошло без эксцессов. Заслуга парней в недопущении хаоса была огромной.

Спустя три месяца после этого разговора Георгий Каркарашвили был тамадой на красивой свадьбе. Познакомившиеся 9 апреля перед зданием Парламента миротворец Михаил Варшанидзе и корреспондент проправительственного «Рустави-2» Натия Лекишвили создали красивую грузинскую семью. Конечно, мы ведь один народ!

Многотысячное собрание грузин повторилось в День Независимости Грузии — 26 мая на стадионе имени Бориса Пайчадзе. Как единое целое, объединившиеся 70 тысяч человек поздравляли друг друга с Днем Независимости, почтили дань памяти погибшим в войне минутой молчания и приветствовали ближайших братьев — абхазов и осетин.

В этот выходной день Михаил Саакашвили в одной из тбилисских школ читал лекцию о демократии скрупулезно отобранным шестерым ученикам разных возрастов…

როგორ ეფარცქვალება
სააკაშვილი მოროშკინას?
პოლიტიკურად,
თუ?..

როგორ ეფარცხვალება სააკაშვილი მოროშკინას?

პოლიტიკურად, თუ?..

რეზო შატაკიშვილი

„იგი წავა და სხვა მოვა ტურფასა საბაღნაროსაო“ და მას შემდეგ, რაც „ნაცმო“ შავიშვილმა დატოვა, მას ლალი მოროშკინა შეუერთდა. ვერ გეტყვით, „ნაციონალური მოძრაობა“ რამდენად „ტურფა საბაღნარია“, მაგრამ „ნაცმოს“ ბოლო წევრებმდელის მთავარი კაპიტალი მართლაც სიტურფეა. ლალი მოროშკინას კოორდინატებისთვის „ალია“ „ნაციონალური მოძრაობის“ ოფისს დაუკავშირდა, სადაც ვიმეე დათო ახალაიამ გაუგონარი რამ გვითხრა. ლალი მოროშკინას კოორდინატები არ გვაქვს და „09“-ს დაურეკეთო.

— როგორ, თქვენი მოძრაობის წევრის კოორდინატები არ გაქვთ? ის მაინც მითხარით, ვის ეკუთვნის და მას ვკითხავ. — ამ კითხვის გამეორება რომ დამჭირდა, დიდის ამბით მკითხა: „შენ მე ვინ გგონივარ?“ ნებას, ვინ უნდა მგონებოდა? დე გოლი რომ პერ-ლაშეზის სასაფლაოდან არ ადგებოდა და სააკაშვილის ოფისის ტელეფონზე არ მიპასუხებდა, მაგდენს, დამეთანხმებით, როგორმე მივხვდებოდი. ისე, მიხეილ სააკაშვილს გულწრფელად ვურჩევდი, თავისი მოძრაობის წევრებს ის მაინც ასწავლოს, რაც ერთ დროს თავად შესანიშნავად იცოდა — პრესასთან ლაპარაკი.

„ალია“ ლალი მოროშკინას ესაუბრა.

— რა პრინციპით გააკეთეთ აქცენტი „ნაციონალურ მოძრობაზე“, ინიციატივა ვისგან ნამოვიდა?

— ორმხრივი დაინტერესება იყო. მე და მიხეილ სააკაშვილი დიდი ხანია, ერთმანეთს ვიცნობთ. მეც უცხოეთში ვსწავლობდი, ხან თვითმფრინავში ვხვდებოდით ხოლმე ერთმანეთს, ხან... თან ერთი სკოლა გვაქვს დამთავრებული... „ჩემი საქართველო“ იმისთვის შეკმენი, რომ არაქართველ მოსახლეობას დავხმარებოდი. მე ქართველი ვარ და საქართველოსთვის გაცილებით მეტი გამიკეთებია, ვიდრე რუსეთისთვის, თუნდაც იმიტომ, რომ ორი შვილი გავუზარდე. პირადად ვარ მისული რუსეთის საელჩოში და ნათქვამი მაქვს, თქვენ აქ ჩამოსული ხართ ისეთი კონტინგენტი, სხვა ბევრი პარტიისგან მქონდა ნინადადებები.

— ეს გასაგებია, მაგრამ სააკაშვილთან რამ განაპირობა თქვენი მისვლა?

— თვითონ სააკაშვილს ჰქონდა გამახვილებული იმ საკითხებზე ყურადღება, რომლითაც ჩვენც ვართ დაინტერესებული. ისიც, რამდენი „ცეცხლის წერტილია“ მსგ? ჩემი ორგანიზაცია სულ პანანუნია, არანაირი გრანტი არ მიუღია, მაგრამ შეძლებისდაგვარად ვეხმარებით ყველას.

ისე, ამის შემდეგ გრანტებზე პრობლემა აღარ გექნებათ. როგორც მიწერეულია, გრანტების უბანს სააკაშვილი კარგად აკონტროლებს...

— უფრო სხვა სტრუქტურებიდან მქონდა შემოთავაზება და თუ დავთანხმდებოდი, ფინანსური პრობლემა არ მექნებოდა.

— ქართულ პოლიტიკაში უკვე დამკვიდრებულები არიან პოლიტიკოსი ქალბატონები — ირინა სარიშვილი, ლანა ღოღობერიძე, ელენე თევდორაძე, ნანა დევდარიანი... რითი აპირებთ მათთვის კონკურენციის გაწევას?

— მე არ ვაპირებ ვინმესთვის კონკურენციის გაწევას, მეტსაც გეტყვით, სიამოვნებით გავითვალისწინებ მათ აზრს, მათ ძალიან დიდი და სერიოზული გზა გაუვლიათ. თანაც, მე ყველ არ დამიმთავრებია ტელეყარიერა. მაქვს ძალიან დიდი პროექტი, რომელიც გათვალისწინებულია ქალებისთვის. ეს ყურყრუმბით ფურნალში განხორციელდება, იანვრიდან კი ტელეპროექტიც დაიწყება.

— ცალკე ეგ ნამოწყება მშვენიერია, მაგრამ პოლიტიკასთან რა კავშირი აქვს ვარჯიშებსა და, საერთოდ, ქალთა მაგ სარეაბილიტაციო პროგრამას?

— მე ხომ პოლიტიკოსი არც ვარ?

— „ნაციონალურ მოძრაობაში“ შესვლა არ ნიშნავს პოლიტიკაში შესვლას?

— „ნაციონალურ მოძრაობაში“ არ შევსულვარ, მხოლოდ ეთანამშრომლობ. პოლიტიკაში აქტიურ მონაწილეობას ყურ არ ვაპირებ. მაქვს ჩემი მიზნები, რაც უკავშირდება არაქართველი მოსახლეობის პრობლემებს და ქალებს. ახლა, რომ განვაცხადო, აფხაზეთს დავიბრუნებ, ან პენსიებს დავარიგებ-მეთქი, სასაცილო არ იქნება? მე ვაკეთებ იმას, რაც შემიძლია.

ნიშნით გაეცნეთებინა არჩევანი, ჩემზე მეტად ლამაზი და ახალგაზრდა ქალები არსებობენ, გადასარევი გოგოები არიან, მეტი თავისუფალი დროც აქვთ, გაუთხორებიც არიან და ლამაზებიც...

— სამაგიეროდ, თქვენ ლამაზიც ხართ და პოლიტიკურადაც აქტიური...

— რა, გინდათ, გარეგნობა ხელს შეშლიდეს?

— არა, უბრალოდ, გკითხეთ, სააკაშვილი ხომ არ გეფარცხვალებათ-მეთქი.

— არა, მაშინ არ მოხდებოდა პოლიტიკური გაერთიანება და ეს ყველაფერი

ნადიობა მხოლოდ ფრ

(დასაწყისი) 17 აგვისტოდან საქართველ
ბისთვის ლიცენზიების გაცემა კი 13 აგვი
სანადირო სეზონი პირველ მარტამდე
ბულია მხოლოდ გადამფრენ ფრინველებზე
ნაკრძალების და ეროვნული პარკების ტ

რა უნდა ჰქონდე

(დასაწყისი) თბილისში ფიზიკური და

Под прицелом — Грузия

Резюмируя последние годы властвования Саакашвили было ясно одно — чем дальше в лес, тем больше дров…

Да, 2008 год потряс Грузию… Еще больше безмозглости, непредусмотрительности, еще больше гордыни и еще больше потерянных территорий! Почему Саакашвили переименовал Кодори? Что он хотел от исторического Дальского ущелья? Почему назвал регион — Верхней Абхазией? Почему наказал людей, которые зубами защищали свою землю? Почему сдали эту землю без единого выстрела? Почему наши солдаты перестреляли друг друга?

Почему остались зачехленными грузинские знамена?

Избитый народ войну не выиграет!

Ведь в 2007 году избили всех… В который раз должен вынести грузин измену!!!

При неостывших трупах — концерт. Сбежавший главнокомандующий, сбежавшая армия…

На фоне голода — бучение сытых желудков.

На фоне нищеты — пятизвездочные отели.

На фоне плача — глупые пляски.

На фоне столовых для неимущих — казино.

На фоне арестованных — лжечеловеколюбие.

На фоне безработицы — строительство.

На фоне погромов бизнесменов — чрезмерная опека жен и любовниц.

На фоне опустошения беженцев — каскад новых джипов.

На фоне незаконных заключенных — узаконенное насилие.

На фоне беды — пиршество и перешедшее черту разумности веселье…

«Плач положен во время убийств, скорбь — во время победы, траур уместен во время праздника трупов».

Я хорошо понимала, что, несмотря на все, должна бороться, бороться за обретение собственного места. Мои вчерашние коллеги давно сложили оружие, кто-то заперся дома, кто-то замкнулся в собственном «я»…

Недавно в сквере возле моего дома, в парке я заметила силуэт сгорбленной в пояснице женщины. Я не сразу поняла, стояла ли женщина просто или ожидала помощи… Внутренняя интуиция привела меня поближе к ней, а затем заставила убежать с быстротой рогатки… Некогда очень популярная, красивая и любимая всеми телеведущая стояла у дерева с опущенной головой и протянутой рукой. «С протянутой рукой» — это громко

сказано. Иссохшая рука женщины чуть виднелась из-под полы плаща. Ни «помогите», ни «Бога ради»… Она просто стояла молча, будто ее ноги переплелись с корнями дуба, и не двигалась.

Я не осмелилась подойти к своей любимой телеведущей, не осмелилась потому, что постеснялась… Ну, а что я могла?

Постеснялась бездеятельности, самой себя и своего поколения, пессимизма, уживчивости. Поникших голов и хилости.

Да, мои едкие статьи заставляли нервничать сильных мира сего, но под маской демократии и гласности, прикрывая фиговыми листьями собственное зло, обманывая Европу, Америку превращенное в лоскут бумаги слово «демократия» власти все больше душили и истребляли собственный народ.

2009 год принес новые реалии. Собранный в единый протестный кулак народ ждал отставки президента.

Безгранично их ожидание…

Но кто уходит по собственному желанию? Я понимала, что правительство, само не уступит уютно обустроенное гнездо «хай-класса». Куда им возвращаться — назад в разворошенные села и спальные вагоны, нюхать клей «Момент». Это прошедший этап! Клей «Момент», давно заменен элитарным наркотиком кокаин. Сейчас у пропитанных резким одеколоном унисекс ребят выросли аппетиты. А затем и закон прогнулся под увеличившийся аппетит.

Аллилуйя! «Их» Иверия (другое название Грузии. — *Л.М.)* заблистала! А вот для остальных безнадежно погасла! Да, Грузия была разделена на две части — на тех, кто зубами держались за последнюю надежду, и тех, кто не в состоянии зубами поймать свой язык…

«Мудрый молчит, невежда — проповедует».

Число безнадежных в Грузии стало безнадежно большим!

Многотысячные протестные акции 2009 года были цинично окрещены президентом «развитием малого бизнеса». В частности, катастрофическим ростом темпа продаж семечек и слоенных хачапури на главном проспекте столицы.

Скомпрометированный и дезориентированный народ через два месяца оставил не раз израненный проспект Руставели.

Что им оставалось делать? Нигде не было видно лидера, который взял бы на себя ответственность и вырванным сердцем Данко осветил народу дорогу из тьмы до звезд радуги…

Что делать, ведь мы постоянно находимся в ожидании мессии?

Кто-то придет, кто-то поможет, кто-то спасет. Кто, кого, люди?!

Кто что сделает вместо нас?!

Когда познали в Поднебесье,
Что прекрасное — прекрасно,
Родилось уродство.
Когда познали в Поднебесье,
Что добро — добро,
Родилось зло.

Лао Цзы — величайший китайский философ VI века до н. э. Его личность не установлена — «Лао Цзы» означает «пожилой философ». О Лао Цзы существует множество легенд. Согласно одной из них, в конце жизни он покинул Китай на быке и пропал — куда, не знает никто. Философское произведение Лао Цзы «Дао де цзин» положило начало в Китае религиозно-философскому направлению даосизм. Изначально это было философское направление. А со II века н. э. в Китае родилась религия, которую назвали даосизм.

Угроза

Когда я возвращаюсь в Грузию, то сердце всегда с замиранием сжимается, вот только-только появится мой бравый парень «Кавкавсиони» (кавказский хребет) если погода хорошая, то из-под небесья можно различить и усы и даже небритую щетину этого Зэвса, его дыхание настолько глубоко, что вызывает турбулентность, но ты, сидя в железной птице под названием «Боинг», знаешь точно, что он тебе вреда не причинит, а еще и приголубит, угостит вином и чурчхелой. И не дай бог если на Кавказе тебя обидели, то Великий, ленивый, но очень гордый горбатый Кавказ встанет в полный рост на твою защиту!

— А вот это действительно круто! Боже, да еще каким гипюром отделаны! Видимо, стоит кучу евриков — на них, наверное, можно было купить меня всю с потрохами…это что тоже дары от парижской сестры? Все-таки ты неисправима, — хохотала подруга детства Кети, доставая из чемодана мои парижские трофеи.

— Кто бы говорил! — Не осталась я в долгу. — Вот опять в твоих покупках больше всего нижнего белья!

— Так же, как и в твоем гардеробе, дорогая!

40 лет прошло с первой нашей встречи в школе, а мы все еще как дети, подумала я про себя и поблагодарила бога за это.

Я выбрала журналистику, пиар и политику, а Кети родители отправили учиться в Лондон.

Холеная, словно красивая восковая фигура от Тюссо, черноволосая и зеленоглазая Кети удивительно была похожа на одну из девушек с рекламных буклетов косметики Lancome, из-за чего ее даже в Лондоне часто останавливали. Зато фейс-контроль в ночных клубах она проходила без проблем! Не успев вернуться на Родину, она сразу же вышла замуж за любовь всей жизни — Гио, и теперь в их семье рос маленький красивый человечек. Полученное в Англии образование и практику Кети использовала по назначению и сейчас возглавляла самый большой торговый центр города. Несмотря на то, что каждый день она сама непосредственно имела дело с модными и красивыми вещами, мой вкус она тоже ценила.

Мой гардероб всегда отличался от того что носят в Тбилиси или даже на Кавказе. Можно было позволить себе чуть-чуть дерзкости, но не на грани вульгарности, а пара десяток выходных платьев, которые, исходя из профессии, нужны были, в основном, для благотворительных концертов или новогодних вечеров, совершенно не «кричали», а пощупав, можно было сразу

убедиться, почему я выбрала именно их в качестве постояльцев огромного гардероба в стиле а-ля «чем больше влезет». Да, это было именно то, что стоило посмотреть, пощупать и приложить к щеке.

Вот, и сейчас мы колдовали над чемоданом, а заодно обсуждали все детали путешествия. Дело в том, что я ездила сначала во Франкфурт по издательским делам, ведь во Франкфурте, как известно, каждый год проводится книжная ярмарка — вот уже пять столетий … ну а по дороге Париж… а как же без Парижа, где меня ждут моя двоюродная сестра Кейт, друг Цецо с очаровательной женой и сыном и, конечно, мой дорогой сердцу любимый, страшно вонючий французский сыр!..

— Эх, подружка, кажись стареем, бельишко-то я прикупила, а дефилировать, чтобы оценили, не перед кем — думаю, быть им невостребованными! — Я приправила слова печальным драматизмом и тяжело выдохнула воздух.

— Постой, не глупи, есть еще порох в пороховницах! Просто, думаю, мы переутомились. Вот закончится этот сезон, оставлю сына свекрови, и, давай, дернем куда-нибудь — я, ты и Гио. Потом появится кто-то, кому ты покажешь свои приобретения, а может и новыми брендами пополнишь гардероб! — В голосе Кети обозначился оптимизм.

Она с параллельной тревогой набирала домашний номер телефона. Уже три дня как у сына — была высокая температура.

— Да, не хочу я, чтобы кто-то мне что-то покупал, — вырвалось у меня. — Лишь бы моего не отбирали — город-то переполнился альфонсами, горлохватами и геями.

— И чего тут удивляться, если никто нормальный не появится? Как представлю, что двое волосатых мужиков друг друга тискают — аж тошнит! — сказала Кети и поморщилась.

— Мне ли тебя учить? Это ведь ты вращаешься в «элитных» кругах, а у нас, в бизнесе, относительный натурализм! Нет, я просто кайфую от репортажей твоих коллег — когда знаешь точно, что паренек в тот вечер, ну вот, буквально только что подставлял одно место, а ты в интервью с серьезной миной спрашиваешь: «Почему вы столько времени не женитесь?». Каково, а?

— А знаешь, Кет, я порой думаю, что я и подобные мне развращают общество. Пара-тройка признаний, правды, и, может, общество очистилось бы… к примеру пусть все называется своими именами: гей — геем, а не политиком либералом, водитель такси — водителем такси, а не профессором с двумя дипломами, мясник мясником, а не врачом, у которого пациенты как мухи дохнут, сука сукой, а не подругой депутата, вот только с

грузчиками и рабочими все предельно ясно!

Вообще-то, если хочешь знать, извращений среди рабочих, по статистике, намного меньше!

— Ну вот, нашлась тоже мне — эксперт! Это почему же — раз твои грузчики не носят вырезанные на заднице кожаные брюки да? — послышалось сзади и к нам присоединилась Марина, необходимое соединяющее третье звено нашего детства.

— Маринка! Офигенно выглядишь! — оценили мы подругу и понеслись дальше.

— Слушайте девочки, вы же обе журналистки, когда вы в своем интервью пишете якобы о скандале, на самом деле это для респондентов классный пиар! Ну кому какое дело, кто, с кем?

— Да, ты права, в стране бардак. Кому интересно писать о чьих-то туфлях, задницах или штанах? Кого, скажи, сегодня удивишь сандалями Prada или сумкой Gucci, тем более, что, как правило, и одно, и другое — дешевая подделка? Или знаешь, еще какой вопрос сводит меня с ума? «Расскажите курьез из вашей жизни» — и пошло-поехало… Сотни раз услышанные и рассказанные одним и тем же гнусным, самовлюбленным типом одни и те же ржавые истории — это полная безвкусица, хрень просто! — Марина закурила.

— Девочки, приготовьтесь! Я решила написать всю правду о ситуации в стране, — вымолвила я давно приготовленную тираду.

— Ну вот она допрыгается, пока ее не посадят, — прокрикнула Кети — и тоже закурила.

— Нет, определенно, Европа тебя сводит с ума! Что за бред? Свихнулась, что ли? Значит, ты будешь писать о том, кто есть кто в нашем городе? Что политики лгут, король голый, гей-парад на носу и что эта нафталиновая тема — «Лучшие женихи» и «Настоящие мужчины» — от начала до конца фарс и ширма? И еще напишешь о том, как руководители модельных агентств, которые, как правило, лесбиянки, заманивают в силки маленьких девочек? Это тебе одобрят? Когда недавно подобная сучка лапала твою задницу, почему же ты об этом не написала? — выпалила Марина.

— Ну вот и дура, что не написала и морду ей не расквасила. К тому же, ты ведь знаешь, что все это происходило на дне рождения очень уважаемого человека, и что мне было делать? А знаешь, в чем заключается полный маразм? После того вечера и та дама, и ее «ну очень» муж-чиновник перестали со мной здороваться, будто это я их обоих лапала за задницу!

— Так, видимо, именно этого «взаимопонимания» они и добивались! Тогда и здороваться стали бы, и к сердцу тебя прижимать, — Кети подкрепила слова чувственно-театральными

жестами.

— О'кэй! Лали, понимаю. Гио тоже мне много раз говорил, мол, дети растут, и чему их учить? Раньше мы малышкам говорили, что с мальчиками нельзя целоваться, теперь нужно говорить, что с девочками нельзя? Маразм какой-то! А с сыном я, вообще, не знаю, как быть — он видит столько извращенцев и может подумать, что это и есть норма жизни! В тот день он вернулся из школы, что-то рассказывал и так нежненько начал растягивать слоги… Я ему объясняю, мол, мужчины так не разговаривают, и, знаешь, что он мне ответил? Вон, дескать, в сериале Давид именно так и разговаривает, — вспомнив о сыне, Кети снова позвонила домой.

— Так вот, теперь ты понимаешь, что происходит? Я прекрасно вижу, что проблема перед обществом стоит большущая! Все! Завтра же поставлю на этом точку, — сказала я и начала засовывать в шкаф только что извлеченные из чемодана вещи. За рукав халата зацепился малиновый корсет, инкрустированный «Сваровскими» стразами.

— С обновкой, — улыбнулась Марина.

— Не ехидничай, — я все еще одна.

— Обожаю с вами сплетничать, дурочки мои родные, но у моего обормота температура. — Кети встала, готовясь уходить. — Лал, только, ради Бога, будь осторожна, прошу тебя, не то кто-то точно перережет тебе глотку!

— Пусть, только попробуют! — ответила я и показала большой кукиш.

— Ну как об стенку горох, — простонала Марина.

Джип с шумом покидал район «круглого сада».

«Господи, какая же она безалаберная! — подумала я. — Ее глушитель прям по асфальту…вот что значит бизнесвумен, муж, ребенок да еще мы в придачу…»

— И все-таки она чудо, — сказала Марина, убрав руки от ушей и, резко отвернувшись от окна, подошла ко мне в плотную.

— А теперь слушай! У этого больного квази-президента, есть план тебя посадить и раз и навсегда заткнуть. Дело только за осуществлением и легендой. Наркотик вряд ли подсунут, ведь все знают, что ты даже не куришь, осторожно с сыновьями, зашивай им карманы перед выходом на улицу, не дай бог им чего подкинут. И смотри, не перегибай с публикациями и выступлениями….

Я от удивления даже присела.

— Марин, ты чего серьезно?

— А что, есть время для шуток? Оглянись вокруг — всех

пересажали, а ты у них давно как кость в горле..

Марина быстро поднялась и направилась к двери.

— Я по делам, а ты отдыхай, потом доболтаем.

Да, ничего не скажешь, а ведь и правда в городе да и в стране с 3 млн. населением, откуда больше миллиона эмигрировали, становилось все больше заключенных…

25 000 — в тюрьмах.

320 000 — осуждены.

Меня бросило в жар.

Горячая ванна пришла спасением.

Наверное, все женщины рассматривают собственное тело, прежде чем соприкоснуться с водой. Подсознательно это как будто своего рода ритуал перед встречей с партнером. По поводу собственного тела, генетически полнота мне вроде не грозит, признаков возрастного целлюлита пока нет, но кто знает, что будет в дальнейшем?

Моя небольшая ванная комната, скорее, напоминает французское кафе — маленькие сетчатые занавески на окошке, расписанная цикламенами фарфоровая раковина, множество парфюма, кремов и, главное — книжная полка!

— Господи, все-таки как хороша жизнь… Мне грозит тюрьма, а я про ванну, — подумала наполовину дремлющая часть моего верхнего полушария…

А тело гостеприимно принимала взбитая, кокосовая пена.

Плачущий тенор

…Говорят, что гиены каждый год меняют свой пол и становятся то самцами, то самками. И вот однажды гиена-самец полезла к самке недолжным образом. Но та ответила: «Делай что хочешь, любезный, но скоро я с тобой буду делать что захочу». Ох уж этот Эзоп…

А ведь все бывает…

Маленькая страна стала удивительно поляризованной…

Было трудно понять, как между этими ярко выраженными полюсами не потерять лицо.

С университетских времен я прекрасно знала, что журналист должен находиться в постоянной оппозиции как по отношению к властям, так и любому другому политическому или неполитическому образованию, претендующему на государственное мышление.

Знала теоретически, но практика показывала совершенно иное…

В маленькой стране было всего два телевещательных канала. Один явно был «оснащен» розовыми очками, синдромом безнаказанности с неприкрытой страусиной задницей, которая постоянно оставалась снаружи… А голова была настолько глубоко зарыта в раскаленный песок офшорной зоны, что ее никто найти не мог… Второй канал постоянно стонал. Стоны и причитания по всем вопросам, в том числе и о нарастающих издевательствах над заключенными в тюрьмах, но об этом чуть позже…

В маленькой стране одно и то же событие освещалось под двумя разными ракурсами: глубоко позитивно и глубоко негативно.

«Это последнее лето их разгула! Уже в печенках сидят обещания и пустые разговоры правительства, народ выйдет и покажет, кто есть кто в этой маленькой, многострадальной стране!» — вещала одна телекомпания…

«Это то лето, которое показало, что люди счастливы, накормлены и горды тем, что живут в такой стране!» — сообщала другая телекомпания.

Сытые карманы ждали журналистов с уже определившейся ориентацией. Я много раз попыталась написать аналитическую статью, даже работала над сценарием передачи, но тщетно.

— Неужели обязательно быть в каком-то определенном лагере для того, чтобы выражать и доносить до читателя свое мнение?

— Да, дорогая. А ты что, хочешь исподтишка пролезть, не выражая свою приверженность?.. — слышалось в ответ.

Маргинализация — процесс, из-за которого чиновники, разнузданные от чрезмерных властных полномочий, все больше покрывались плесенью…

В чем было спасение?..

«Крушение идеалов» — тема очень наболела, а затем вылилась на бумагу. Я писала о том беззаконии, которое творится в стране, расстрелянных на улицах парнях, о пытках в тюрьмах, раскулачивании бизнесменов, навязывании стране гей-идеалов — и что?

«Пиши о погоде — подшучивали надо мной подруги — там все круто и непредсказуемо, ну прямо в твоем стиле…»

Очередной Новый год Саакашвили встречал на полную катушку: обновленный морской город Батуми, а-ля Монте-Карло, где президент грезил провести оставшиеся дни, готовился к празднику.

Фейерверки, софиты, яркое освещение — фантастический новогодний концерт знаменитого оперного певца Андреа Бочелли в сопровождении маленьких фигуристок — это действительно праздник! НО…

Я присутствовала на этом концерте — работала для одного воскресного издания… Господи, да Бочелли же незрячий, а дуры-журналистки из президентской свиты привязались вопросом… «Как вам нравится обновленный портовый город?». Это смахивало скорее на насмешку…

В ту ночь на город обрушился ураган. Урагану нипочем старый или Новый год, поэтому он поднялся тогда, когда ему заблагорассудилось… На сцене, великого маэстро сменяли маленькие фигуристки. Я стояла близко к сцене и слышала, как плакала крохотная, восьмилетняя Тина, которая в ураган и в проливной дождь боялась выходить на лед.

— Ма-ам, не хочу, мне холодно и хочется спать, — стонала крошка.

— Тихо, детка, а то кто-то услышит, и папу завтра же уволят. И кто потом будет кормить тебя в «Макдоналдсе»? — дидактика возымела влияние, и промерзшее тельце Тины в коротеньком платьице начало «чертить» восьмерки на льду, зловеще светящемся в ночной мгле.

— И наш папочка скоро здесь будет, — готовила вторую выступающую пожилая женщина.

— Он что, где-то в отъезде? — поинтересовалась я.

— Да, в отъезде, и, если Этуна хорошо станцует, он скоро приедет, — с особо подчеркнутым выражением ответила

женщина.

— Баб, прошу, разотри мне спину, а то я замерзла, — всхлипывала Этуна.

Как только девочка вышла на лед, женщина резко обернулась в мою сторону.

— Это разве дело? Если бы в такой мороз я девочку не вывела, сказали бы, что не уважаю инициативу правительства, и у моего Лексо были бы проблемы.

— Лексо — это кто? — спросила я.

— Мой сын, а Этуна — его дочь. Вот, уже два года, как я его арестовали…Ни слуху ни духу, все говорят, что там в тюрьме карантин… Он — бывший таможенник и сидит за взятку. Хотя, о какой взятке речь … — развела руками женщина.

…Незрячий тенор, послушать которого более комфортно можно было и в интернете, простуженные маленькие дети, 14 миллионов долларов, потраченные в обнищавшей, перенесшей войну стране, и ураган… А новогодняя статья требовала позитива! Откуда же мне взять позитив? Поэтому статья сорвалась.

Число «сорванных» статей с каждым днем росло, но на второе утро в одной газете все же написали, что Бочелли, услышав рыдание маленьких фигуристок, и сам прослезился…

Руставели в крови

Знаете что такое звонок матери?

Это или беда или победа!

И вдруг:

— Лаленка, я решилась пойти на митинг протеста на проспекте Руставели в честь независимости Грузии…

Завтра 26 мая!

— Мама, это опасно! В нашей семье хватает и одного революционера… только не ты!

Гудки в телефоне дали знать, что моя маман непоколебима в решении.

25.05.2011 войдет в историю кровавыми пятнами…

Сотни людей старшего поколения наконец-то решили выйти на улицу!

Почему наконец-то?

Да потому что это поколение людей безбедно живших и в советском, и постсоветском пространстве…им понадобились годы саакашвиливской тирании, чтобы осознать:

1. Президент — враг грузинского народа.

2. Поколение внуков расстреливают на улице.

3. Розовая революция — фарс.

4. И самое главное — а король-то голый!

Я набрала маму..

— Маам, прошу тебя, только не сегодня! — прокричала я в трубку, — когда угодно, только не сегодня!

— И все-таки ты очень нервная, выпей пустырник, Лалико… Ну нет так нет, пойду завтра, — ответила мама, которая давно повиновалась моим приказам.

А завтра не настало…

25 мая… И опять проспект Руставели.

Сотни пожилых людей вышли на улицу, чтобы раз и навсегда сказать саакашвиливскому режиму — нет!

Это поколение мудрых, кавказских старейшин вышли на поле боя…

Впервые за всю историю Грузии вместе со старейшинами рода грузинского стояли их Жены!

Да!

Это их общих детей и внуков истреблял Саакашвили на улицах, это их дети сидели в тюрьмах за вымышленные преступления, это их намоленные церкви рушило правительство, это их общие внуки оставались без родины, передавая вековые ценности в руки гей-полит-зондер элите!

Я не знаю, что произойдет в дальнейшем, но знаю точно, что ночь 25 мая 2011 года останется в истории!

Ровно в 23.55 люди в масках стали подтягиваться к проспекту Руставели, где все еще оставались Нино Бурджанадзе и Ираклий Батиашвили вместе с остальными лидерами оппозиции..

Вся Грузия стояла на ногах, естественно, я и мои друзья пытались любыми способами передавать информацию по СМИ…

Кровавое месиво началось ровно в полночь.

Люди в масках не щадили стариков, женщин и детей…

— Маам, ты дома? — отзвонилась я маме.

— Да спасибо. Береги себя, — был ответ.

Мы не уберегли себя!!!

Дали на растерзание саакашвилиских зондер войск даже не матерей и отцов, а бабушек и дедов…

Да разве нам простит это Богоматерь?

Окровавленные старики, наши родные аксакалы лежали на главном проспекте Родины, которой НЕТ!

Били всех: женщин, подростков, духовенство, перевязывали руки пластмассовыми, грубыми, резными наручниками.

Власти перекрыли все дороги проспекта Руставели, чтобы пополнить списки заключенных новыми «врагами народа»!

— Ираклий, Гиорги, ну как с кадрами? Мы сможем показать всему миру, что Миша насильник и фашист?

— Не дрейф, подруга, все в ажуре, кадры пойдут по ройтеру! Завтра мы проснемся в новой стране с большими потерями, но с верой в будущее!

Это были последние слова моих друзей, а завтра их осудили по статье — измена родине!

Ну и что?

Алло, гордые горцы, где вы?

Тбилисские больницы не успевали принимать пострадавших…

Морги пополнились избитыми, бездыханными телами…

Наутро по окровавленному проспекту Руставели с гордостью дефилировал посол США, за ним гуськом, все аккредитованные в Грузии дипломаты, политики и, конечно, силиконово-ботоксовая вторая половина чиновничества…

Когда ты читаешь литературу о 1937 годе — это одно, а когда все воочию мелькает перед глазами — это другое…

— Мамочка, какой ужас, спасибо тебе за все, но теперь их надо спасать…

Я понимала, что мама осознала весь трагизм вчерашней ночи и всецело повиновалась мне.

Гитлер любит «Hugo Boss»

Мои друзья, Ираклий Геденидзе, Георгий Абдаладзе и еще несколько фотокорреспондентов попали в самое страшное «заведение» Грузии — сизо по прозвищу «Модуль».

Ах, как не трудно было догадаться в чем дело и почему моих коллег подняли среди ночи.

Для Ираклия Геденидзе ужесточили условия пребывания в карцере «Модуля» еще и тем, что арестовали его жену, обыкновенного фотокорреспондента — и тоже за измену…

И началась волна протеста.

Как хотелось бы вспомнить множество имен, медиамагнатов, политиков… Но увы, большинство сконфузилось и ушло в себя… а кому нужны приключения на больную голову? Ведь правление Саакашвили, его разрушителей и маргиналов вечно…

«Ничто не вечно под луной»…

В общей сложности протестовали арест коллег и друзей мы не в очень уж сплоченной журналистской среде — человек сорок — изредка в наших рядах высвечивались контуры оппозиционеров…

Когда задержали Натию, было предельно ясно, что следующая — я!

Главное — найти повод, правильно преподнести европейскому содружеству, завуалировать мой арест и делов-то…

А тем временем Ираклий и остальные «враги отечества» под шантажом и насилием признались, что «изменили» Родине — читая это все по заранее подготовленному и написанному в здании «Модуля» тексту.

«Пир во время чумы» — взяла я у Пушкина название для собственной статьи и разнесла в пух и прах продажных коллег Натии во главе с главным редактором скандальной газеты «Прайм-тайм», где по указке президента оскверняли и порочили всех и вся. Как будто назло они еще и закатили шикарную гулянку «шляпа-party» — как будто и ничего не случилось. Был человек — да нет человека, по принципу «моя хата с краю» — лишь бы капали еврики — отмывалось все!

Я по всем каналам действующих СМИ анонсировала новую книгу — «Калигула местного уезда». Это был мой протест на тот случай, если мои друзья не покинут места заключения.

В тот же вечер Натию выволокли из тюремной камеры, где ее давно обрабатывала наседка — заключенная «с госбезопасности».

За камерой ее ждал совсем другой «уровень» по иерархии обработки непослушных.

— Колись, детка, твой муж изменник родины. Куда и кому он сливал важную информацию? Что знает Морошкина про Мишу и какую срань она собирается писать? — шипел худой, в очках а-ля Леннон и с изысканными запонками Montblanc запотевший от гнева «один из них» — колись, а то по полной катушке пойдешь и ты! Что, вам не хватает в семье одного изменника родине? Вот и ты туда же, а детей кому оставишь на воспитание? Или в приют?

Натию передернуло, но она прекрасно знала, что с ними лучше не выдавать страха, они сами трусливые и ущербные существа, следовательно, как гиены чуют страх, который подпитывает их как наркотик.

— Раз сказала, что напишет, значит, напишет — я то тут при чем? — дерзнула Натия.

— Доиграетесь вы у меня! — крикнул «изысканный» и взмок.

Дорогие запонки, портсигар, розовые рубашки, спортивные туфли Marjiela, аксессуары Hermes подчеркивали «купленный» на европейской сноб-ярмарке изысканный стиль, который должен был «перекрыть» тему фашистских методов управления и насилия, ведь недаром Гитлер так любил модный бренд «Hugo Boss», слушал Бетховена, читал Гете и, воодушевленный импрессионистами, душил газом миллионы евреев в камерах пыток.

Все старо как мир…

И как сказал все тот же мудрый еврей — все проходит…

Да, когда-то пройдет, Ираклий и Георгий расскажут, как их пытали, как грозились изнасиловать жену Ираклия на глазах у мужа, а потом выложить это видео в Ютуб.

И все это за правду о событиях дня независимости Грузии, о гражданском неповиновении граждан страны, об избитых стариках, о кровяных пятнах под тяжелыми ботинками американского посла, об изменниках кавказскому гордому духу, которые получали квази-награды от рук президента-убийцы, и о безголосой певице, которая согласилась спеть гимн Грузии тогда, когда мэтры скорбели по еще теплым телам убитых в ночь на 26 мая.

Патриарх всея Грузии Илья II на празднование не пришел.

Я вспомнила слова блаженного Аврелия Августина: «Что такое власть без правды? Это банда разбойников»

Можно было с полной уверенностью сказать, Грузией правил развратный, фальшивый, продажный, бандитский синдикат под «мудрым» руководством Михаила Саакашвили.

Провокация

В свете последних событий ясно было одно — я следующая.

Предупрежден — значит, вооружен!

Вокруг меня знали все друзья, что при малейшей провокации относительно моих детей, я должна знать все мельчайшие детали.

Было очень поздно, но я не спешила ложиться. Дело в том, что мой старший сын Сандрик пропадал в каком — то клубе со своей очередной пассией.

— Алло, Лали, беда, — Гога, друг Сандрика, просил приехать в клуб и забрать сына.

Как с ума сошедшая, я даже не спросила, в чем дело, помчалась в клуб.

А дело было вот так: к моему сыну самым наглым образом приставал Джими (Джемал) гей-дизайнер и предлагал секс-услуги. Ну и получил по заслугам. Наверное, нетрудно представить нетрезвого кавказца, который пришел в клуб с дамой, и вдруг такое…

Это был очень обыгранный трюк, чтобы затянуть парня в драку, подсунуть во время перебранки нож, учитывая, что он с друзьями приплюсовать групповое нападение и 20 годков готовы, а гей-дизайнер по всем каналам с несчастным лицом будет плакаться о гомофобии в стране, о том, что сын Морошкиной просто хулиган, да еще и попросит возместить материальный убыток в виде порванной «именной» футболки со стразами. Но не тут-то было. Я опередила «гей-зондер» план, сама прибежала в полицию первая и дала показания, что имело место насилие сексуального характера…

Ну против правды не попрешь, так что мои злоумышленники на этот раз сдались, а дизайнера и след остыл. Как потом оказалось, за решеткой уже сидело больше дюжины «хулиганов», которые дали по морде насильнику.

Сандрик, конечно, страшно злился, и не только на меня, но и на своего друга, который поставил меня в известность, но лучше уж его ругань, чем провокация и тюрьма — я была довольна содеянным.

Откуда появились эти люди среднего пола?

Когда просочились в наш быт?

Откуда нависла над Грузией угроза принятия записи в конституцию, что брак возможен не только между мужчиной и женщиной?

Кто финансирует все эти организации по защите людей с нетрадиционной ориентацией?

Дело в том, что, возомнив себя Калигулой, Гитлером и Наполеоном в одном лице, Михаил Саакашвили выводил новую породу людей: без корней, без веры, без принципов, без морали, без чести и без пола.

Бесполые существа, как оборотни, брались из ниоткуда… из дальних селений, из глуши, с бараков… Их, как цепных собак, держали в узде, подслащали деньгами, а потом выпускали на охоту.

Стольный город Тбилиси не особо баловал провинцию, и зная это прекрасно, Миша делал ставки именно на провинциалов. Он обхаживал их, боролся с врожденным сельским акцентом. Учил городскому говору нараспев… Правда, и вновь приобретенный говорок так же резал слух, как и прежний..

Телевидение заполонили мужеподобные женщины и женоподобные мужчины, все как из инкубатора одинаково одетые, обрюзгшие и нарочито-развязные.

Главная пропагандистическая машина превратилась в пропаганду безвкусия, насилия и провинциализма.

Здоровые дюжие парни не брезговали и поальфонсить.

И вот, благочестивые матроны, политики, их жены и просто девочки-конфеточки повелись на легендарные рассказы о мощи провинциального не только духа, но и тела. А что, им, скажите, было делать? Постель собственных мужей давно уже превратилась в место, навевающее смертельную скуку, где, напрочь забыв о назначении супружеского долга, можно было плотно укрыться под одеялом и предаться снам. Мачо с классными часами, машиной и остальным реквизитом, взятым в спецотделении, заманивал жертву в гостиницу, напичканную аппаратурой, и на утро «жертва» была готова!

Так «портились» и становились жертвой шантажа один за другим политики, как женщины так и мужчины, страна превратилась в один большой демонстрационный зал.

Так некогда жемчужина Кавказа, теплый стан, страна джигитов и красавиц превратилась в страну сутенеров, геев, альфонсов и проституток.

Вербовка

Вот и дизайнер Джими вырос в обычном маленьком селении. Его рождение, по традиции нашей страны, также было ознаменовано стрельбой из ружья. В школе Джемал явно мучился — с мальчиками играть ему не нравилось, к тому же они все время его били и унижали, а девочки и вовсе к себе не подпускали. Раздосадованный мальчик часами запирался в своей комнате, сначала долго плакал, а затем для самодельной куклы шил платья из цветных бумаг и собственные остриженные волосы приклеивал к бумажному лбу куклы. Девочку он назвал Ли. И любил ее, и одновременно ненавидел. Любил, потому что она была его творением, ненавидел — потому что никогда не мог стать таким, как она, и никто бы о нем так не заботился…

Родители очень переживали за такое состояние Джемала. Отец давно перестал ходить на свадьбы и другие застолья, мать тоже старалась пореже выходить на улицу, поскольку, по кавказской традиции, парню уже пора было жениться, и на совершенно бестактный вопрос «Когда сына женишь?» у бедной Циры ответа не было. Как-то сельский глава во время сбора урожая прошептал ей на ухо: «Когда ты этого несчастного в город-то отправляешь, там таких много, и он не потеряется!». И что оставалось делать? Не убивать же собственного сына? Вот в один прекрасный день Цира приняла «историческое» для семьи решение и усадила Джемала для разговора.

— Джем, мамочка, не знаю уже, как быть, здесь тебе все равно не жить. Боюсь, детка, кто-то напьется и прибьет тебя. И отец тоже, видишь, почти слег … Мы тут для тебя немного подсобрали, на первое время тебе хватит… То, что я вижу по телевизору — в Тбилиси у тебя проблем не должно быть, а тут мы, и без того несчастные, совсем пропащими станем …

— Да, мам, я все знаю, сам об этом давно думаю… Через месяц уеду, вот только пусть немного волосы отрастут, и уеду, — вздохнул Джемал.

Дело в том, что самый младший ребенок семьи — Джемал, по категоричному приказу отца, должен был иметь хотя бы мужскую прическу, и его каждый месяц стригли в принудительном порядке.

— Мой родной, сердце кровью обливается, — сказала Цира и закрыла лицо руками.

— Не плачь, мам… Только у меня одна просьба: дай мне с собой ту твою блузку с бабочками и розовую сумку…

У несчастной женщины вырвался стон, полный

пронзительной боли…

Освещение большого города резало Джемалу глаза. В город он приехал на маршрутном такси, под черной курткой старательно скрывая обтягивающую тело материнскую блузку с бабочками.

«Фу, этот жуткий черный цвет, никогда его носить не буду!», — думал Джемал и искал глазами место, о котором столько читал и слышал.

И вот, показался Главный мост города. По мосту ходили странные люди. Пожилые пузатые тетеньки, в коротких платьях и с красной помадой на губах, субтильные мальчики в обтягивающих джинсах, маленькие девочки на платформах…

«Я на месте», — подумал Джемал и попросил водителя остановить. Тот внимательно осмотрел выходящего парня и от души расхохотался.

«Ничего, придет и мое время. А такие, как ты, мужланы будут мне башмаки чистить», — зло подумал Джемал и широко шагнул навстречу новой жизни.

Вожделенная жизнь началась с черного джипа, подкатившего к самим ногам Джемала.

— Ты новенький? — спросил из-за затемненных окон грубый, охрипший голос.

— Да, — ответил Джемал, стряхнул вперед волосы и расстегнул черную куртку.

— Садись! — приказал голос.

Джемал подчинился.

Джип свернул там же, на какую-то аллею, и голос кому-то крикнул: «Первую мне откройте!».

«Первой» оказался маленький, деревянный коттедж.

Джемал стеснительно последовал за коренастым мужчиной.

В центре коттеджа был накрыт стол. Икра и поросенок, коньяк и виски выглядели очень аппетитно.

«Эх, у нас такого стола не увидишь даже в семье сельского главы на Новый год», — подумал Джемал.

Мужчина будто уловил мысль парня, наполнил коньяком большой стакан и протянул ему.

От выпивки Джемал захмелел.

Мужчина растянулся в стоящем тут же кресле, расстегнул себе ширинку и подозвал парня..

Джемал подчинился… После нескольких грубых движений тело мужика напряглось, одеревенело, а потом вдруг разом обмякло.

Джемал побежал к ванной. Двойственное чувство доводило его до обморока. Его тошнило, и, вместе с тем, он был доволен.

«Я так себе и представлял. И мужик этот доволен, значит, я все сделал правильно!» — «Новобранец» праздновал победу.

— Эмзар, — протянул руку Джемалу мужчина со все еще расстегнутой ширинкой.

— Джими, — улыбнулся ему парень.

Ту ночь Эмзар и Джими провели вместе.

Утром, разбогатевший на 500 долларов, Джими снова стоял на улице, уповая на судьбу.

Эмзар был высокопоставленным чиновником в правительстве Саакашвили. О его сексуальной ориентации ходили разные слухи, однако на панихидах и других «престижных» присутственных местах, чтобы пожать ему руку, выстраивалась солидная очередь. И только когда Эмзар стоял спиной, ему активно начинали перемывать косточки.

— Фу, бесстыжий, а посмотришь — на мужчину похож.

— Детей своих не стесняется. Вот дочка его выделывается, с гонором, ходит, нос задрав — а каково, когда отец педераст, а?

— Да, ладно… кто ей что скажет?! Не видишь, все равно целуют в одно место в прямом и переносном смысле.

— Не знаю, не знаю, в нашу молодость разве что пара-тройка была таких, а сейчас, кажется, это даже престижно!

Такие разговоры за Эмзаром ходили шлейфом, но как будто ничего в его жизни не меняли. Сытая жена, избалованные и обнаглевшие дети и высокий служебный ранг были для него полной гарантией неприкосновенности.

Президент от него требовал не только новую, свежую кровь, но еще и видеозаписи утех.

Понравившиеся новобранцы, девушки и парни попадали прямо на ложе к президенту, и тогда о карьере больше можно было и не думать. Любимцы переходили на баланс городской мэрии и счастливая жизнь окончательно выталкивала из соломенных голов деревенский закат.

«Охотиться» Эмзар выходил не только по работе — ему требовалась релаксация. Вот и сейчас вроде ничего особенного не случилось, но Эмзар странно поскуливал. Этот Джими — паренек как-то по-особенному запал ему в душу. Его свежее, нежное тело, еще не сформировавшийся голос, удивительная старательность и, главное, не до конца развращенная душа сводили с ума повидавшего виды мужчину.

Эмзар хорошо понимал также, что это чувство могло для него оказаться губительным, но ничего с собой поделать не мог.

— Алло, Джими-ли, это я, — прозвучал его баритон.

— Да, господин Эмзар.

— Жди меня там же в восемь, — разговор грубо прервался.

Джими-ли догадывался, что попал в десятку. Вот, кто будет о нем заботиться, вот, кто ему обустроит жизнь, вот, кто будет задаривать его… А он будет дарить Эмзару все больше удовольствия…

… Под утро явно довольный Эмзар прикурил сигарету…

— В этом городе я многое могу. Или облагодетельствую, или твой след пропадет так, — патрон тяжело вздохнул, — так, что никто найти не сможет. К тому же, и искать некому… Так вот, Джими, знай, ты — моя сучка, только моя, и будешь делать то, что я скажу! Я сниму тебе квартиру, иногда буду наведываться, а ты пока займешься делом. Пришлю тебе пару знакомых журналистов, они напишут интервью для твоего пиара, сделают тебя известным, мол, ты дизайнер, шьешь всякую хрень.

— А какую? — осмелился спросить парень.

— Да хоть подушки на голову, какая разница, два-три дефиле и эти дуры все схавают… Да не забудь над имиджем поработать, впрочем, мои ангелочки сами позаботятся, ну и будем работать вместе.

Ты станешь популярным, телки начнут с тобой дружить, и мы этим маленьким безмозглым дурам вместе будем находить нужные адреса. — Дым от последней затяжки затуманил лицо Джими.

— Это как? — нежно захлопал Джими слезящимися глазами.

— Просто, ты тусуешся, потом приводишь девок, по 100, 200, 300 баксов, сводишь с мужчинами, ну и 50 процентов наши. Из них 10 оставляешь себе. Не забудь! Все снимаешь на пленку и отдаешь мне, и чтоб никому ни слова — урою!

Вот оно счастье привалило!

Невольно перед глазами Джими замелькали деревенские одноклассники, соседи по маленькому селу и шофер маршрутного такси.

«Говорил же, этот мужлан башмаки, то есть — сорри, шузы мне будет чистить», — подумал Джими и нежно, по-кошачьи грациозно подставился боссу.

Джек-потрошитель

То, что в стране что-то совсем пошло не так, было понятно и по сводкам, которые выходили из пенитенциарной системы.

С каждым годом ситуация в тюрьмах накалялась и ужесточалась.

Все моложе становились умершие якобы естественной смертью заключенные.

Родителям выдавали почерневшие от побоев трупы без внутренних органов.

Условия в тюрьмах можно было сравнить лишь с фашистскими застенками.

На одно место приходилось по 20 заключенных.

Били всех, несмотря на возраст и пол.

Заключенных каждый день заставляли принимать пищу с горячим техническим маслом.

И только один день был отдушиной, когда патриархия посылала в тюрьму фасоль.

Заключенные гибли в возрасте от 25–29 лет.

На вопрос журналистов министру по исполнению наказаний чем вызвано столько смертей, ответ был «предельно» стерильным, впрочем, как и сама министр — «они простужаются».

В 2005 году убито — 40 человек.

В 2006 году убито — 89 человек.

В 2007 году — убито 101 человек.

В 2008 году — убито 90 человек.

В 2009 году — убито 91 человек.

В 2010 году — убито 142 человек.

В 2011 году — убито 150 человек.

Злые языки поговаривали, что выпотрошенные тела днями валяются в морге тюрьмы, а органы тщательно обрабатываются специальным раствором и вывозятся в цинковых контейнерах. Слухи в скором времени вылились и в СМИ, где авторы статей доказывали, что это бесценный бизнес трансплантации органов, которым руководит первая леди страны Сандра Руловс.

Появились заметки и из женской тюрьмы, например, вице-полковник Кетеван Зарнадзе, которую на долгие годы как инакомыслящую упрятали за решетку, доказывала, что в женской тюрьме по ненадобности поголовно всем женщинам удаляли матку и яичники, причем в том самом госпитале, который принадлежал Сандре Руловс. Первую леди женщины заключенные окрестили Джеком-потрошителем. Статистика была плачевная — более тысяч операций, которые оставляли боль и бесплодие

молодым женщинам.

Тема торговли внутренними органами потрясла народ. Люди отдавали все лишь бы не оказаться за решеткой.

Я и другие правозащитники получали сотни писем за неделю.

Оппозиционный канал «Объектив» отвечал на все звонки рыдающего народа.

Директор канала Ирма Инашвили грозилась широкомасштабными акциями, и наказанием всех киллеров собственного народа.

Мы пытались узнавать имена палачей и зачитывали их в слух. Народное негодование росло, я по возможности отвечала на все письма и многих заключенных уже узнавала по почерку. Ребята писали о побоях, нечеловеческом обращении, пытках и даже изнасиловании… В это трудно было поверить, как можно было довести страну до такого? Письма приходили из разных тюрем, их тайком выносили адвокаты и духовенство…

Народ стонал и требовал помощи. Разрозненная оппозиция, в каждой третьей семье заключенный, вокруг стукачи да прослушки…казалось, нет спасения.

Ужесточились и мои статьи.

— Подумай о сыновьях, — пыталась отговаривать напуганная мама.

— Назад дороги нет, — был мой ответ.

Арест

— Алло, здравствуйте, Лали, мы приглашаем на запись новогоднего шоу, завтра в два часа дня, дресс-код — бальное платье, — пулей отчеканил голос в трубке.

Как интересно, телекомпания «Имеди», которую силком захватили саакашвиливские власти, убили владельца и устроили себе рай с провинциальными девицами, зовут меня на шоу? С каких это пор меня «достали» из черного списка и за какие заслуги?

Мысли в голове вертелись разные, но понятно было одно — это западня!

Если бы я хоть немного относилась бы к разряду нормальных людей, я, конечно, отказалась бы, но увы — башню снесло окончательно, я готовилась не на бал, а на бой!

Утром, на лекции пиара и маркетинга я предупредила студентов, что сегодня случится то, что попадет на первые полосы газет и станет топ ньюсом года. Задача была в следующем — как?

Подготовив на всякий случай (авось у меня паранойя и везде мерещатся провокаторы) великолепное, длинное платье от Готье, я приступила к обдумыванию плана.

Надо было одеться максимально спортивно и удобно… К чему я готовилась в тот момент, не знала и сама.

Единственный человек, который встретил меня радужно, был мой друг, известный певец Анри Джохадзе.

— Я удивлен — что это с ними? Я ладно, мне политика по барабану, но ты королева вражеских хроник, какого хрена тебя пригласили?

А вот это я и хочу выяснить, — сказала я и направилась к ведущей, которая, сделав удивленное лицо, сказала, что подвоха нет, ведь Новый год на носу…Будут разные номинации, будет весело а если что мы «вырежем». И тут я поняла!

К главной сцене простилался коврик с логотипом той самой зловещей газеты, главный редактор которой устроила праздник, когда 25 мая проливалась кровь, а на арест собственного корреспондента ответила шумным праздником.

— Анри, они что-то затеяли, но ты меня знаешь — я в долгу не останусь!

— О, Господи, спаси нас, — перекрестился Анри, но без свойственной ему шутливой формы.

Я не раз говорила, что Миша вырастил новое поколение людей без рода и племени, и теперь они заправляли отнятой у бизнесмена телекомпанией, как злые пришельцы, как саранча,

как чума обесточивая все вокруг.

Я конечно не надела платье от кутюр — слишком много чести этому быдлу. Взявшись с Анри за руку, я смиренно ждала, какую гадость мне готовят «девочки-людоедочки».

И вот началась церемония награждения.

Всего 20 человек было представлено в разных новогодних позитивных номинациях…

Все получали призы в виде красивых куколок от злосчастной газеты за красоту, находчивость, креатив, песню, сценарий, ну и т. д… я уж подумала, что интуиция меня подвела, и уже жалела, что оставила платье в багажнике, как услышала свою фамилию.

— Приз самой безвкусной женщине… И косая кукла с кривыми ногами в придачу.

Ну вот дорогой читатель, теперь я возьму паузу и объясню вам, что это такое.

Когда провинциальное мышление, жажда мести, заказной скандал, и синдром Герострата берет верх или надо смирится и больше никогда не показываться на людях, не заходить к студентам на лекции, не выступать как правозащитник — потому что тебя оплевали, очернили, попытались выставить посмешищем, а ты стерпела, прикрываясь ненавистным мне словосочетанием — ну я же не опущусь до их уровня!

Еще как опущусь, так задам, что мало не покажется, а потом в гордом одиночестве вернусь на свой Олимп и сплюну вниз!

Что я и сделала…

Вспомнив свое фехтовальное прошлое, пластмассовой десертной вилочкой я скользнула по затылку главного редактора того самого издания, которое портило кровь тысячам людей. В кулачном бою под вопли обалдевшей публики я одержала безоговорочную победу и, посмотрев на часы, поняла, что пора спешить на оппозиционный канал, чтобы рассказать публике правду.

За правдой, рассказанной в прямом эфире телекомпании «Кавкасия», последовала пресс-конференция главного редактора о том, что я замахнулась на святое — на ее жизнь, а разнервничавшаяся ведущая шоу то и дело путала слова и называла артерию — артиллерией — куда я, по ее словам, метила…

Ну вот меня и наказали…

შ.ს.ს.
№01-003985
10.12.11

Модуль

Забирали в 6 утра из моего дома.

Как преступницу века — в наручниках…

Как колумбийского наркобарона Пабло Эмилио Эскобара — с эскортом..

Единственный человек с телевидения, заступившийся за меня, был Анри. Его показания были предельно грамотными — дескать девчонки поцарапались, остальные же видели во мне убийцу.

В зал суда не пустили ни адвоката, ни друзей, ни родных..

Понимая, что при таком раскладе прокурор требует наказать меня по статье от 9 до 15 лет — предумышленная попытка убийства — я пошла ва-банк.

— Передайте вашему президенту, что мне наплевать на него и на его свору, я брею голову налысо и делаю татуировку из имен тех молодых парней, которых он расстрелял на улице! А потом я и мои друзья позаботимся, чтобы эта новость попала и на Би-Би-Си и на Си-Эн-Эн и тогда посмотрим, как ты будешь жить дальше спокойно с такой политзаключенной!

Судья потерял дар речи и удалился. Девушка конвой в знак солидарности жала мне руку, а полицейские из зала суда подмигивали заслоняясь от камер.

«Молодцы ребятки, — подумала я, — не всех попортил этот урод».

Есть минуты, решающие жизнь человека. В принципе я готовилась к худшему и зарекала себя, что не заплачу, какой бы приговор ни объявили.

А судьи все не было…

Миша отступил!

В первые в истории Грузинского правосудия уголовное дело сменилось административным…. меня посадили на 15 суток в тот самый злополучный «Модуль».

Я понимала, что и это не конец, что еще бой не окончен, но можно передохнуть перед вторым раундом.

Зловещий подвал, поломавший столько судеб, встречал меня с кладбищенской прохладой.

Железные двери тяжело закрылись, и я оказалась в кромешной тьме.

Весь город стоял на ногах!

Мои студенты, и друзья.

Журналисты и владельцы оппозиционных СМИ.

Ветераны и артисты.

Толпы людей перекрыли главный проспект скандируя «Свободу Лали» и «Нет артиллерии».

Железная дверь скрипнула.

— Отзови своих, — прошептал начальник над моим ухом, — зачем их подставлять?

И вправду, зачем мне эти жертвы? Ведь разъяренный президент мог превратить в кровавое месиво любую акцию протеста, или исподтишка подкинуть наркотик самым активным ребятам, да еще и мои дети — мало того что Новый год на носу, а мама в тюрьме, еще и ситуация не ахти…

Я попросила адвоката, у которого была лишь функция почтальона, передать моим, чтобы расходились, а сама, опасаясь отравления, объявила голодовку и приготовилась закалять волю.

Я выдержала экзамен, не распустила нюни, не молила о благосклонности, не вступила в переговоры с совестью. Просидев в одиночестве 15 суток, без разрешения на один звонок больному младшему сыну, игнорируя весточки от самого главного врага — помириться, я поняла, что, выйдя на свободу, забота о заключенных станет моим главным приоритетом.

Через несколько месяцев появилась моя книга «За решеткой — Грузия», основанная на реальных фактах, рассказанных заключенными и адвокатами…

Тогда многие скептики назвали факты, приведенные в книге, вымыслом писателя. Книга попала под запрет.

Изнасилованная Грузия

Страна готовилась к выборам 2012 года.

Многие и не надеялись, что правление накаченного наркотиками, погрязшего в коррупции и в распутстве Президента Саакашвили и его свиты когда-нибудь подойдет к концу.

Запад как всегда держал позу «не вижу, не слышу, не скажу».

Америка уже без особого рвения высказывалась по поводу первого лица страны…

Немощная оппозиция слонялась от митинга к митингу и только крохотная надежда, что есть один очень богатый меценат, который на протяжении многих лет, без шума и гама, без рекламы и пиара, с собственного кармана выплачивает огромные гонорары интеллигенции, спортсменам, режиссерам, певцам, композиторам, танцорам, ученым, учителям. Одевает армию и полицию, открывает больницы — возглавит дохлую оппозицию и как Моисей выведет свой народ из смертельного лабиринта.

Бидзина Иванишвили был единственной надеждой почти полностью растоптанного народа.

Включи телевизор, прокричала мама в трубку…

Информационные каналы один за другим показывали кадры насилия над малолетними в саакашвиливских тюрьмах…

Это мои друзья — герой известный журналист во Франции Георги Попхадзе и владелец телекомпании «Объектив» Ирма Инашвили показывали из Бельгии всему миру реальное лицо кровавого режима.

То, что творилось в грузинских тюрьмах, нельзя было передать словами.

На видео отчетливо были видны кадры насилия над малолетним заключенным, избиение и всякого рода сексуальные домогательства…

Я, взяв спальный мешок, направилась к глданской тюрьме, объявив голодовку с требованием освободить министра Хатуну Калмахелидзе от занимаемой должности и наказать по всей строгости закона.

Улицы Тбилиси были переполнены разъяренными подростками и их родителями. Увиденное повергло в шок даже самых крепких.

Тюрьма горела изнутри…

А страна снаружи…

То, что мы слышали из рассказов адвокатов, то, что писали в своих письмах заключенные, оказалось чистой правдой!

Министра сняли.

Тюрьма перешли под временный контроль антитеррористического отдела…

В глданской тюрьме начался бунт.

Невозможно было остановить бушующий народ.

Народ самоорганизовался, и мы маленькими бригадами поочередно дежурили у тюрем, так как боялись массовых убийств в бушующих тюрьмах.

— Быстро внутрь! — чья-то тяжелая рука затащила меня внутрь тюремного двора.

Оглушительный гул железной посуды и скандирование «Миша — убийца!» резали сознание.

4200 человек пытались выломать железные решетки…

Мне казалось, что я на съемках фильма ужасов, было трудно представить, что это действительно происходит с нами.

— Угомони их, — орал начальник.

— Вы с ума сошли, как? — кричала я в ответ.

— Как хочешь, а не то стрелять будем. — И он резко обернул меня налево.

Сотни вооруженных до зубов солдат в шлемах ждали приказа.

Господи, подумала я, надеясь, что проснусь от ужасного сна, но увидев знакомого адвоката Лали Апциаури, которая застряла в тюрьме во время бунта, я поняла — это конец!

— Ну что подруга, план есть?! — орала адвокат.

— Какой к черту план — их сейчас всех перестреляют, выходим…

Вот так две ненормальные Лали оказались посреди двора между двумя громадными корпусами, где рушились стены…

— Мальчики, золотые вы наши — угомонитесь, — кричали мы что есть силы.

— Кто это? — послышался вопрос сверху.

— Это я — адвокат, — кричала Лали.

— Это я — Лали Морошкина, — я написала книгу «За решеткой — Грузия».

Мгновенно воцарилась Тишина.

— Ты, сестренка?

— Да, я, я обещаю, что все наладится, только прекратите бунт, так нас всех перебьют…

Успокойтесь, ради бога, ради патриарха, ради ваших семей, ради родины. Все будут наказаны, через две недели выборы! Бидзина Иванишвили придет к власти и объявит всеобщую амнистию!

Обещаю!

Через несколько секунд длиною в жизнь в окошках глданской тюрьмы появились зажженные церковные свечи…

Солдаты отошли, тюрьма угомонилась, а мы с адвокатом еще долго не могли подняться с колен…

Надо просто верить в чудо…

Победа!

Выборы 2012 года напоминали фронтовую линию.

Всем угрожали, но у народа появилась надежда в виде Одного человека — и народ был непоколебим!

Бабушки и дедушки с собственными авторучками, не доверяя казенным, стояли в километровых очередях, чтобы проголосовать за партию Иванишвили — «мечту». Эта была мечта всего народа!

Правление тирана отсчитывало последние минуты…

Девятиглавый дракон извивался и извергал желчь и зло…

Мы победили!

Страна победила!

На лицах людей опять появилась улыбка.

Обещанная амнистия дала шанс тысячам на нормальную жизнь.

Грузия зализывала раны, нанесенные не врагом, не пришельцем, не чужеземцем, а сыном собственной страны, которую он так и не смог полюбить…

Послесловие

После многих лет я вернулась на государственную службу в качестве главного советника министра по исполнению наказаний.

Бывший министр внутренних дел Вано Мерабишвили отбывает наказание.

Бывший министр обороны Бачо Ахалая — отбывает наказание.

Бывший мэр города Гиги Угулава — отбывает наказание.

Бывшие директора тюрем — отбывают наказание.

Бывший начальник конституционного департамента по безопасности Дата Ахалая — в розыске.

Судьба бывшего министра по исполнению наказаний Хатуны Калмахелидзе не известна.

На президента Михаила Саакашвили возбуждено уголовное дело, но он успел покинуть страну.

А чемпион мира по боксу готовится баллотироваться в парламент!

C'est La Vie.

Такова жизнь!

Продолжение следует…